

МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ МЭЙПС ДОДЖ

Серебряные коньки

Annotation

Знаменитая повесть американской писательницы рассказывает о жизни голландских школьников начала XIX века, о том, как трудолюбие, упорство, целеустремленность Ханса Бринкера и его сестры Гретель помогли им преодолеть все трудности и стать творцами своего счастья. Для среднего школьного возраста.

- [Мэри Элизабет Мэйпс Додж](#)
 - [Предисловие от издательства](#)
 - [Глава I. Ганс и Гретель. – Голландия](#)
 - [Глава II. Голландия. – Рафф Бринкер](#)
 - [Глава III. Серебряные коньки. – Ганс и Гретель находят друга. – Домашнее горе](#)
 - [Глава IV. Солнечный луч. – Успех Ганса](#)
 - [Глава V. Якоб Пут и его двоюродный брат. – День святого Николаса](#)
 - [Глава VI. Амстердам. – Несчастье. – Ганс](#)
 - [Глава VII. Три подруги. – Бринкеры. – Харлем](#)
 - [Глава VIII. Замок. – Маленький герой. – На канале](#)
 - [Глава IX. Парусные лодки-саны. – План путешествия изменяется](#)
 - [Глава X. Мингер Клиф и его запасы. – Лейден](#)
 - [Глава XI. Дворец в лесу. – Гаага](#)
 - [Глава XII. Операция. – Гретель и Гильда](#)
 - [Глава XIII. Рафф приходит в себя. – Слухи. – Новая тревога](#)
 - [Глава XIV. Рафф начинает поправляться. – Тысяча гульденов](#)
 - [Глава XV. Встреча. – В поисках работы](#)
 - [Глава XVI. Добрая волшебница. – Таинственные часы](#)
 - [Глава XVII. Открытие](#)
 - [Глава XVIII. Состязания](#)
 - [Глава XIX. Победители. – Радость Бринкеров](#)
 - [Глава XX. Заря новой жизни](#)
 - [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Мэри Элизабет Мэйпс Додж

Серебряные коньки

Mary Elizabeth Mapes Dodge
Hans Brinker, or The Silver Skates

Перевод с английского А. Рождественской
Литературная обработка Г. Хондкариан
Художник Т. Шулер

© А. Власова. Обложка, 2015
© Г. Хондкариан. Лит. обработка, 2015
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2015

* * *

Предисловие от издательства

Американская писательница Мэри Элизабет Мэйпс Додж (Mary Elizabeth Mapes Dodge) родилась в 1831 году в Нью-Йорке. Отец, известный изобретатель и ученый-химик Джеймс Джей Мэйпс, активно приучал своих шестерых детей к чтению.

Мэри Элизабет вышла замуж за преуспевающего адвоката Уильяма Доджа, родила двоих сыновей и рано овдовела. Именно после потери мужа она начала писать книги для детей. Ее перу принадлежат несколько томов стихов и детской прозы, оказавших большое влияние на американскую детскую литературу.

В 1861 году отец писательницы купил «Американский журнал», где Мэри Элизабет стала работать редактором. В это время она много писала для «Американского журнала» и других изданий (статьи, рассказы, рецензии). В 1864 году вышли ее «Ирвингтонские рассказы» («The Irvington Stories») – сборник рассказов, который принес автору известность и подготовил успех последующих произведений.

У Додж было одно подлинное увлечение – Голландия. Она собирала самые разнообразные сведения – о флоре и фауне, об архитектуре и живописи, истории и литературе этой страны, об обычаях и нравах голландцев. Постепенно этот материал превратился в увлекательную историю, которую она читала перед сном своим сыновьям. Так и появилась знаменитая книга «Ханс Бринкер, или Серебряные коньки» («Hans Brinker, or The Silver Skates»). Она вышла в свет в 1865 году и за короткий срок стала бестселлером.

С 1873 года Мэри Додж издавала детский журнал «Святой Николас» (St. Nicolas), в котором печатались такие классики детской литературы, как Марк Твен, Брет Гарт, Роберт Льюис Стивенсон и Редьярд Киплинг. Благодаря популярному журналу и своей необычной области интересов – увлечением Голландией, – Додж была очень любима маленькими читателями в Америке. Ее имя стало одним из самых известных среди детских писателей.

После смерти Мэри Додж (1905) издательское дело продолжили ее сыновья.

Действие повести «Серебряные коньки» происходит в Голландии XIX века накануне Рождества, когда в воздухе пахнет волшебством и зачастую

происходят самые невероятные события.

В маленьком городке Бруке намечаются состязания юных конькобежцев. Победитель получит серебряные коньки – вожделенный приз для всех участников: доброй Хильды и благородного Питера, заносчивого Карла и легкомысленной красавицы Катринки. Но больше всех о новых коньках мечтают дети бедняков Бринкеров, Ханс и Гретель, чей отец 10 лет назад упал с плотины и стал калекой...

Глава I. Ганс и Гретель. – Голландия

В ясное декабрьское утро двое детей – мальчик и девочка – сидели на насыпи замерзшего канала в Голландии. Они были заняты чем-то, и дело у них, по-видимому, не шло на лад.

Солнце еще не взошло, но на востоке уже загоралась заря. Голландцы по большей части еще крепко спали, и только изредка по зеркальной поверхности канала быстро пробегала на коньках какая-нибудь крестьянка с корзиной на голове или проносился стрелой сильный, крепкий юноша, спеша на работу в город.

Дети не обращали внимания на этих редких прохожих. Дрожа от холода, они подвязывали к ногам какие-то деревянные обрубки, суженные к носку, с пробуравленными дырочками, в которые были продеты ремешки из невыделанной кожи.

Их сделал сам Ганс – так звали мальчика. Мать его, бедная крестьянка, была не в состоянии купить ему и его сестре Гретель металлические коньки. Да дети и не тужили об этом. Хоть деревянные коньки, которые смастерили Ганс, и были самой грубой работы, брат и сестра проводили благодаря им много счастливых часов, катаясь по льду. И теперь, когда они с трудом завязывали ремешки своими красными, окоченевшими от стужи пальцами, никакие несбыточные мечты о настоящих коньках не омрачали им удовольствия.

Наконец Ганс встал и, взмахнув руками, понесся вдоль канала.

– Догоняй, Гретель! – беззаботно крикнул он.

– Я никак не могу справиться с одним коньком, Ганс, – жалобно сказала девочка. – В последний раз, когда мы бегали на рынок, ремешок натер мне ногу, и теперь больно завязывать его на том же месте.

– Так завяжи его повыше, – посоветовал Ганс, вернувшись к сестре, и сделал какое-то замысловатое па.

– Не получается. Ремешок слишком короток.

Ганс свистнул с таким видом, как будто хотел сказать: «Что за несносные создания эти девочки!», и побежал к сестре.

– Как глупо, что ты надела эти худые башмаки, Гретель! – недовольно проворчал он. – Ведь у тебя есть новые кожаные.

– Разве ты забыл, что папа бросил их в печку? Они попали прямо в огонь и так покоробились, что теперь их нельзя надеть. Мне поневоле приходится ходить в этих... Пожалуйста, завязывай поосторожнее!

Ганс вынул из кармана запасной ремешок и, напевая что-то, стал подвязывать конек к ноге Гретель.

– Ай! Мне больно! – воскликнула она.

Мальчик нетерпеливо развязал ремешок и хотел уже бросить его, но, взглянув на сестру, увидел, что на ее глаза навернулись слезы.

– Я попробую еще раз... Не плачь! – нежно сказал он. – Но нам нужно поторопиться: мама скоро позовет нас.

Он опустил глаза вниз; потом вопросительно взглянул на голые ветки ивы и, наконец, на небо, на котором все сильнее разгорались розовые и золотистые полосы.

Не найдя там ничего подходящего, Ганс задумался. Вдруг счастливая мысль пришла ему в голову, и лицо его прояснилось. Он снял шапку и, оторвав кусок уже и без того разорванной подкладки, свернул его и приложил к стертоей ноге Гретель.

– Ну, – сказал он, обертывая ремешок так быстро, как только позволяли совсем окоченевшие пальцы, – не будет тебе больно, если я немножко стяну?

«Не надо!» – хотела было сказать Гретель, но удержалась и промолчала.

Через минуту они уже весело смеялись и, взявшись за руки, неслись по каналу, не смущаясь вопросом о прочности льда. В Голландии он держится всю зиму и не только не тает, когда его начинает пригревать солнышко, но и – напротив – становится с каждым днем все крепче и крепче.

Некоторое время дети катались благополучно. Потом под ногами Ганса послышался какой-то скрип, и он начал спотыкаться. В конце концов мальчик растянулся на льду и принялся как-то странно размахивать руками, точно хотел схватиться за воздух.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Гретель. – Как смешно ты шлепнулся!

Но нежное сердечко билось под грубой синей кофточкой девочки, и она заботливо нагнулась над братом.

– Ты не ушибся, Ганс? – тревожно спросила она. – А, так ты тоже смеешься!.. Ну-ка, поймай меня!..

И она быстро побежала вперед. Теперь ей уже не было холодно; щеки ее разгорелись, глаза весело блестели. Ганс вскочил и бросился за ней; но не так-то легко было поймать Гретель.

Тут девочка почувствовала, что и ее коньки начинают скрипеть. Как тут быть? Уж лучше сдаться самой! Она повернулась и побежала к Гансу, который схватил ее.

– Ха-ха-ха! Я поймал тебя! – воскликнул он.

– Ха-ха-ха! Напротив, это я поймала тебя! – возразила девочка, стараясь вырваться.

В эту минуту кто-то крикнул: «Ганс!.. Гретель!»...

– Это мама, – сказал Ганс.

Теперь уже весь канал сверкал под лучами солнца. Утренний воздух был чист и свеж, и число катающихся на коньках все прибывало. Детям очень не хотелось идти домой, но, несмотря на это, они торопливо стащили с себя коньки, даже не развязав половины узлов.

Ганс, крепко сложенный, широкоплечий мальчик с умным лицом, открытым взглядом и густыми белокурыми волосами, был гораздо выше своей сестры. Ему было пятнадцать лет, а ей только двенадцать. Гретель была живая, стройная девочка. Голубые глаза ее блестели весельем, а на щеках то вспыхивал, то пропадал нежный румянец.

Взойдя на плотину, дети тотчас же увидели свой дом. В дверях, точно картина в раме, стояла их мать в юбке, кофте и плотно прилегающем к голове чепце. Ганс и Гретель увидели бы свой дом и в том случае, если бы он был немного дальше. В этой плоской стране можно даже на большом расстоянии совершенно ясно различать все предметы, начиная с ветряных мельниц и кончая цыплятами. Не будь там плотин и высоких насыпей около каналов, человек мог бы, стоя посредине Голландии, осматривать ее всю, так как в ней совсем нет не только гор, но и холмов.

Это вообще одна из самых удивительных, необыкновенных стран в мире. Поверхность земли здесь во многих местах ниже уровня воды. Гигантские плотины, возведение которых стоило громадных денег и труда, сдерживают напор океана. Но иногда они прорываются или дают течь, и тогда происходят страшные наводнения. Плотины эти очень высоки и так широки, что на них строят дома и разводят сады; там даже прокладывают прекрасные дороги, с которых лошади могут любоваться на хорошенъкие домики, лежащие далеко внизу, у них под ногами.

H. Schuler

Они весело смеялись и, взявшись за руки, неслись по каналу...

Нередко киль какого-нибудь плывущего мимо судна оказывается выше крыш домов, а водяные жуки плавают над головами ласточек, живущих около дымовых труб. Аист, свивший себе гнездо на верхушке остроконечной кровли, гораздо дальше от неба, чем лягушка, квакающая в прибрежном тростнике, а этот тростник значительно выше ив, которые, как бы сконфуженные такой несообразностью, со стыдом склоняют свои верхушки.

Вся страна прорезана каналами, реками и водостоками; на каждом шагу попадаются пруды и озера. Они сверкают на солнце и презрительно глядят на поля, уныло расстилающиеся около них. Одним словом, Голландия представляет собой что-то вроде пропитанной водой губки. По берегам поднимаются дюны или песчаные холмы, на которых сажают осоку и другие растения, чтобы укрепить их и предохранить поля от заносов песка.

Но и здесь рождаются, живут и умирают люди и даже разводят себе сады в плавающих по каналам лодках. Фермы с крышами, похожими на широкополые, надвинутые на глаза шляпы, стоят на сваях с таким вызывающим видом, как будто хотят сказать: «Как бы там ни было, а мы намерены остаться сухими!» Даже лошадям привязывают к копытам широкие подставки, чтобы им не приходилось слишком пачкаться, шлепая по лужам и грязи.

Но зато для уток здесь настоящий рай. Детям тут тоже живется отлично, в особенности летом. Сколько здесь луж, по которым так приятно бегать, сняв башмаки и чулки! Как удобно пускать кораблики или кататься на лодке! Какие чудесные места для рыбной ловли и купания!

Города в Голландии кажутся на первый взгляд какой-то чащей из домов, мостов, церквей и кораблей, над которыми поднимаются мачты, деревья и колокольни. В некоторых городах суда подплывают к самым домам владельцев и нагружаются из окон верхнего этажа; каждый сад и парк огорожен насыпью.

Местами попадаются живые изгороди; деревянные решетки – редкость, а каменная ограда кажется голландцу чем-то уж совсем невероятным. Дело в том, что здесь нет камня. Для укрепления берегов громадные каменные глыбы привозили из других стран, а весь местный мелкий камень ушел на мощение улиц и дорог. Ни один голландский мальчик, хотя бы он ждал до тех пор, пока у него вырастет борода, не найдет на своей родине ни кремня, ни гольша, чтобы пустить его

рикошетом по воде или бросить вдогонку за кроликом.

Вся страна прорезана каналами всевозможных размеров, начиная с Северного Голландского для кораблей – одного из самых гигантских сооружений в мире – до такого, через который может перепрыгнуть ребенок. Сухопутные дороги – редкость в этой водяной стране. Вместо них служат каналы, на которых то и дело снуют пассажирские суда – трешкоты; для перевозки же дров и навоза употребляются особые суда – пашкоты.

Каждый участок обработанной земли тоже прорезан сетью небольших каналов, так что земледелец подъезжает к своему полю, лугу, саду или овину^[1] не в телеге, а в лодке.

Казалось бы, что в стране, где такое изобилие воды, каждому найдется, чем утолить жажду. Но на деле оказывается не так. Несмотря на переполненные реки, озера и каналы, во многих округах Голландии совсем нет воды, пригодной для питья. И несчастным жителям приходится посыпать за ней в Уtrecht и другие отдаленные места или же пить только пиво и вино.

Ветряные мельницы, похожие на стаи огромных морских птиц, разбросаны по всей стране. Все деревья подрезаны по одному очень странному и смешному образцу, а стволы выкрашены в зеленую, красную, желтую или белую краску. Женщины, мужчины и дети ходят в деревянных башмаках без пяток, крестьянские девушки, не имеющие женихов, нанимают за деньги молодых людей, чтобы те провожали их на ярмарку, а нежные супруги «запрягаются» парой и, идя по берегу канала, тащат свой пашкот на рынок.

Глава II. Голландия. – Рафф Бринкер

Природные особенности Голландии и постоянная борьба, которую приходится вести с морем, приучили жителей к терпению, настойчивости и неутомимой деятельности. На вид тихие и флегматичные, голландцы на самом деле замечательно смелы и предприимчивы. Они обогатили мир многими великими открытиями и изобретениями и добились первенства в мореплавании и торговле. У них процветают науки и искусства и высоко поставлено дело образования и общественной благотворительности. Ни один народ не тратит столько денег и труда на общеполезные предприятия и работы.

В Голландии насчитывают до десяти тысяч больших ветряных мельниц, крылья которых доходят иногда до ста двадцати футов^[2] в длину. На них пилят бревна, треплют пеньку, мелют зерно и производят много других работ. Но главное их назначение состоит в выкачивании воды из низких местностей в каналы и предохранении страны от наводнений. На их содержание тратится ежегодно около десяти миллионов долларов.

Некоторые из этих мельниц построены по самому первобытному образцу, но зато другие, новые, отличаются замечательным устройством. При помощи какого-то замысловатого механизма их крылья устанавливаются сами в наиболее выгодное для работы положение. Мельнику нечего заботиться об этом. Он может спокойно спать, зная, что его мельница не упустит ни одной перемены ветра и воспользуется как можно лучше каждой из них. Как только подует хотя бы самый легкий ветерок, крылья расходятся, стараясь уловить его, а когда поднимается буря, они сжимаются, как листья мимозы, и не представляют значительного сопротивления силе ветра.

Одна из старинных тюрем в Амстердаме называется «Лесопильной» потому, что сидевшие там арестанты должны были распиливать бревна. Ленивых запирали в штрафную камеру. В одном углу ее помещался насос; в другом было пробито отверстие, через которое постоянно лилась вода. Арестант мог выбрать сам: утонуть, сложа руки, или же, не переставая ни на минуту, выкачивать воду до тех пор, пока его не выпустят. Кажется, что и сама Голландия представляет собой нечто подобное, только в громадных размерах. Каждый голланец обречен судьбой на выкачивание воды и принужден всю жизнь работать насосом, чтобы не утонуть. Так оно было, есть и, по всей вероятности, будет до скончания века.

Страна ежегодно тратит огромные деньги на поддержание и починку плотин. Без этого она была бы необитаемой. Разрывы плотин ведут к страшным катастрофам. Сотни городов и селений были погребены под водой, причем погибло около миллиона людей.

Особенно разрушительно было наводнение 1570 года. Долго продолжалась страшная буря. Ветер гнал воды Атлантического океана в Северное море, и волны, громоздясь одна на другую, налетали на берега Голландии. Наконец плотины не выдержали и прорвались по всему побережью. Даже главная плотина из дубовых свай, скрепленных железными обручами, пригвожденная тяжелыми якорями, разлетелась в щепки под страшным напором воды.

Рыбачьи лодки и большие суда носились по волнам и запутывались в ветках затопленных деревьев или налетали на крыши и стены домов. Тысячи мужчин, женщин, детей, лошадей, коров, овец уносились течением и боролись за свою жизнь. Кладбища размыло, и рядом с плывущей люлькой, в которой лежал еще живой ребенок, неслись гробы с давно умершими людьми.

Все дома исчезли под водой; над ней виднелись только колокольни да вершины высоких деревьев. Люди хватались за них и дрожали от страха, умоляя Господа о милосердии и призывая на помощь своих близких.

Как только буря немного стихла, суда начали плавать по всем направлениям, спасая утопающих и подбирая тела умерших. Не меньше ста тысяч человек погибли в несколько часов, а материальные убытки были так значительны, что их невозможно оценить.

Роблес, испанский губернатор, одним из первых бросился на помощь несчастным, а потом употреблял все усилия, чтобы, насколько возможно, облегчить тяжелые последствия катастрофы. До тех пор голландцы ненавидели испанца, но его самоотверженность и доброта в это злополучное время навсегда заслужили ему любовь и признательность народа. Он ввел разные улучшения при устройстве плотин и издал закон, обязывающий каждого землевладельца наблюдать за их исправностью и содержать в порядке. С этих пор такие опустошительные наводнения стали реже, хоть все-таки страна подвергалась им шесть раз в течение последующих трехсот лет.

Весной, когда начинает таять снег, наступает самое опасное время. Реки под напором льда выходят из берегов и нередко заливают центральные провинции, а море волнуется и с яростью несется на берега. Обычный надзор за плотинами еще усиливается, и в наиболее опасных местах инженеры и рабочие стоят день и ночь. Как только раздается сигнал,

предупреждающий об опасности, все жители сбегаются, чтобы действовать объединенными силами против общего врага. Солома лучше всего другого сопротивляется напору воды, и потому плотины обкладывают огромными соломенными матами, которые смазывают глиной и укрепляют тяжелыми канатами. И тогда бушующие волны бессильно разбиваются о них.

Рафф Бринкер, отец Ганса и Гретель, много лет служил надсмотрщиком при плотине. Однажды во время сильной бури, грозившей наводнением, рабочие укрепляли слабое место около одного из шлюзов. Была темная ночь, и шел дождь со снегом. Бринкер, работавший вместе с другими, поскользнулся и упал с высоких подмостков. Его принесли домой в бессознательном состоянии. С того дня он уже никогда не работал. Он остался жив, но лишился памяти и рассудка.

Гретель была в это время еще крошкой, и у нее не осталось никаких воспоминаний о прошлом. Ей казалось, что отец ее всегда был таким молчаливым, странным, безучастно следившим за всеми ее движениями своим мертвенным взглядом. Но Ганс помнил, каким добрым, веселым человеком был отец раньше, помнил, как тот носил его на плечах, напевая песенку. Напев этой песни иногда чудился ему и теперь по ночам, когда он просыпался и начинал прислушиваться.

Метта Бринкер – так звали мать детей – работала изо всех сил, чтобы прокормить семью, но заработка ее был очень невелик. Она получала маленький доход с огорода, пряла, вязала, а одно время даже нанималась тянуть бечевой барки, перевозившие груз по каналу. Но когда Ганс подрос, он настоял, чтобы мать предоставила ему всю тяжелую работу. К тому же ей хватало забот и с больным мужем, который мало-помалу совсем впал в детство и требовал самого неусыпного надзора. А так как физически он был совершенно здоров и по-прежнему силен, то бедной женщине иногда было довольно трудно справляться с ним.

– Ах, дети, дети! – часто говорила она. – Что за человек это был! Добрый, работящий, умный! Даже сам бургомистр^[3] иногда обращался к нему за советом. А теперь... Теперь он даже не узнает свою жену и детей! Ведь ты помнишь, Ганс, каким отец был прежде, да?

– Да, мама. Он знал все на свете и мог взяться за какую угодно работу. А как он пел! Я помню, как ты смеялась, слушая его, и говорила, что от его песен запляшут и мельницы.

– Говорила, говорила! Так ты помнишь и это, Ганс?... Гретель, возьми-ка поскорее у отца вязальную спицу, а то он, того и гляди, выколет себе глаза. Да надень на него башмаки. У него совсем закоченели ноги, а я никак не могу добиться, чтобы он не снимал башмаков.

H. Schles

– Надень на него башмаки. У него совсем закоченели ноги...

И Метта, вздыхая, садилась за свою прялку.

Почти все хозяйство и вся работа вне дома лежали на Гансе и Гретель. В определенное время года они каждый день ходили за торфом и складывали его в клетку, как кирпичи, запасая топлива на зиму. В свободное время, когда мать могла обойтись без них, Ганс нанимался подгонять лошадей, тянувших барки, и зарабатывал этим несколько мелких монет в день, а Гретель пасла гусей у соседних фермеров.

Кроме того, Ганс выучился очень недурно точить разные вещи из дерева и вместе с сестрой работал в огороде. Гретель умела шить, петь и бегать на самодельных ходулях лучше любой девочки на несколько миль в окрестности. Длинную балладу она запоминала наизусть в какие-нибудь пять минут и могла найти и назвать всякую травку или цветок. Но она не любила книг, и часто слезы наворачивались у нее на глаза при одном воспоминании о черной классной доске.

Ганс, напротив, любил учиться и был очень прилежен. Чем труднее был урок да и всякая работа, тем с большим рвением он принимался за них. Мальчики, встречавшие Ганса на улице, сначала посмеивались над его заштопанной курточкой и короткими кожаными панталонами. Но когда он поступил в школу, они вынуждены были уступить ему первенство. Благодаря своему прилежанию, Ганс один из всех школьников ни разу не побывал в том страшном углу класса, где висела плетка, над которой была грозная надпись: «Учись, учись, ленивец, а не то плетка научит тебя!»

Ганс и Гретель могли посещать школу только зимой, да и то не всегда. В последний месяц они совсем не ходили туда, так как мать не могла обойтись без них. Отца нельзя оставить без присмотра, а дел много: то нужно ставить хлеб, то докончить вязанье к базарному дню, то заработать хоть немного денег какой-нибудь посторонней работой.

А в то время, как Ганс и Гретель вернулись в это ясное декабрьское утро домой и стали помогать матери, веселая толпа мальчиков и девочек в ярких костюмах выссыпала на лед. Казалось, он вдруг растаял и по воде носится клумба разноцветных тюльпанов.

Глава III. Серебряные коньки. – Ганс и Гретель находят друга. – Домашнее горе

Тут была дочь богатого бургомистра, Гильда ван Глек, в бархатном, обшитом дорогим мехом полушибке, а рядом с ней хорошенькая крестьянская девочка Анни Бауман, очень мило одетая в кофту из грубого красного сукна и голубую юбку, достаточно короткую для того, чтобы изпод нее выставлялись во всей красе толстые серые чулки домашней работы. Тут же была гордая Ричи Корбес, отец которой, мингер^[4] ван Корбес, считался важной особой в Амстердаме, и несколько мальчиков: Карл Шуммель, Петер и Людвиг ван Гольп, Якоб Пут и совсем еще маленький мальчуган с очень длинным и неудобопроизносимым именем – Вустенвальберт Шиммельпеннинк. Во всей же этой веселой, оживленной толпе было около тридцати детей.

Они быстро носились взад и вперед по каналу на протяжении полумили, стараясь показать свое искусство и обгоняя друг друга. Иногда какой-нибудь особенно ловкий мальчик проносился стрелой под самым носом величественного адвоката или доктора, который, скрестив руки, не спеша направлялся к городу. Иногда девочки, взявшись за руки, бежали навстречу толстому, пыхтящему от старости бургомистру. Держа для баланса в руке палку с золотым набалдашником, он нерешительно поглядывал на эту живую, несущуюся на него цепь, но она вдруг разрывалась и пропускала его.

Коньки бургомистра были необыкновенно красивы. Подвязанные к ногам великолепными ремнями, они изящно загибались спереди и были украшены золотыми шариками. Но если какая-нибудь девочка делала на льду реверанс обладателю этих коньков, он только открывал немножко пошире свои заплывшие глазки, не решаясь отвечать ей поклоном, чтобы не потерять равновесия.

Но не одни любители спорта и важные господа скользили по каналу. Тут были рабочие с истомленными лицами; рыночные торговки с корзинами на головах; разносчики, согнувшись под тяжестью своих тюков. Иногда по льду пробегал добродушный пастор, может быть, спешивший к умирающему, и время от времени проносилась, направляясь в школу, толпа детей с привязанными за плечами ранцами. На всех были коньки, все бежали по льду, и только изредка по берегу проезжал какой-

нибудь закутанный фермер, трясясь в своей тележке.

Дети, о которых говорилось в начале главы, совсем затерялись в пестрой движущейся толпе. Но через некоторое время они сбежались вместе и, остановившись в стороне, окружили какую-то хорошенькую девочку.

— Ты слышала про состязания, Катринка? — закричали они в один голос. — Ты тоже должна участвовать в них!

— Какие состязания? — смеясь спросила Катринка. — Только не говорите все сразу, а то я ничего не пойму.

Все глаза тотчас же устремились на Ричи Корбес, которая считалась лучшим оратором.

— Как? Так ты еще ничего не знаешь? — сказала она. — Двадцатого числа назначены большие состязания на коньках по случаю дня рождения мефрау^[5] ван Глек. Это все устроила Гильда. Лучший конькобежец получит великолепный приз.

— Да, да! — подхватило с полдюжины голосов. — Ему достанется пара серебряных коньков с серебряными колокольчиками и пряжками!

— Кто сказал, что они будут с колокольчиками? — запищал мальчуган с длинным именем.

— Я, мастер Вуст, — ответила Ричи.

И все опять заговорили одновременно:

— Да-да, это верно!

— Нет, совсем не с колокольчиками!

— Какой вздор ты говоришь!

— Они будут со стрелами!

— Мингер Корбес сказал моей маме, что они будут с колокольчиками!

Все кричали и спорили, не слушая друг друга.

— Никто из вас ничего не знает, — важно проговорил мастер Вустенвальберт Шиммельпеннинк, пытаясь прекратить этот спор. — Никаких колокольчиков и в помине нет, а...

— Коньки, назначенные для девочек, будут с колокольчиками, — спокойно сказала Гильда, — а для мальчиков будет другая пара, со стрелами.

— Что я говорил? Вот и вышло по-моему! — закричал каждый из споривших.

— Кто же будет участвовать в состязаниях? — спросила Катринка.

— Все мы, — ответила Ричи. — Это будет очень весело! Ты тоже должна быть с нами, Катринка!..

— Ну, потолкуем об этом в полдень, а теперь пора в школу! — раздались голоса.

– Слышите? Это уже последний звонок! – воскликнула Катринка. – Догоняйте меня! – прибавила она и понеслась к стоявшей на берегу канала школе, до которой было около полумили.

Все бросились за ней, но догнать ее было нелегко, и она несколько раз со смехом оборачивалась назад, глядя на своих отставших товарищей.

* * *

В полдень, когда давался час отдыха между уроками, школьники опять высыпали на канал и начали бегать по льду.

– Взгляните-ка туда… На ту парочку! – насмешливо сказал Карл Шуммель, обращаясь к Гильде. – Вот так костюмы! А коньки-то, коньки! Их, наверное, подарил им король.

– Я вижу только, что это очень терпеливые дети, – добродушно ответила Гильда. – Им, конечно, нелегко было выучиться кататься на таких коньках. Должно быть, сам же мальчик и сделал их.

Такой ответ несколько смутил Карла. Гильда подбежала к небольшой кучке своих товарищей, опередила их и остановилась около Гретель, которая с восторгом смотрела на катающихся.

– Как тебя зовут, девочка? – спросила она.

– Гретель, юфрау^[6], – ответила та, – а моего брата зовут Гансом.

– Твой брат смотрится сильным, крепким мальчиком, – весело сказала Гильда. – Он, кажется, совсем не чувствует холода. Но ты, должно быть, озябла. Тебе, такой маленькой, следовало бы одеваться потеплее.

Гретель сконфуженно улыбнулась: кроме той кофты, которая была на ней, ей нечего было надеть.

– Я не такая уж маленькая, – ответила она. – Мне двенадцать лет.

– Неужели? А я в четырнадцать лет выросла такая большая, что все девочки кажутся мне маленькими. Может быть, ты в мои годы будешь еще выше меня. Но для этого нужно одеваться теплее: если дети зябнут, они плохо растут.

Ганс вспыхнул, увидев слезы на глазах Гретель.

– Моя сестра не жаловалась на холод, юфрау, – сказал он. – Впрочем, сегодня действительно сильный мороз.

– Ничего, ничего! – воскликнула Гретель. – Мне часто бывает даже жарко, когда я катаюсь на коньках. Вы очень добры, юфрау, что заботитесь обо мне.

– Нет, я поступила очень глупо, хоть и не хотела обидеть вас. – Гильда

поняла, что не следовало начинать такого разговора, и ей было очень досадно на себя. – Мне только хотелось... Я думала, если... – она совсем смешалась и замолчала.

– Что такое, юфрау? – спросил Ганс. – Может быть, я могу чем-нибудь усугубить вам?

– Нет, нет, – отмахнулась Гильда. – Я только хотела поговорить с вами о состязаниях, которые будут двадцатого числа, в день рождения моей мамы. Ведь вы тоже примете в них участие, не правда ли? Вы оба хорошо катаетесь на коньках, а допускаются все, без исключения.

Гретель пристально взглянула на Ганса.

– Это невозможно, юфрау, – сказал он. – Наши коньки сделаны из крепкого дерева, но они быстро сыреют на льду, перестают скользить, и потому мы часто падаем.

Глаза Гретель лукаво блеснули при воспоминании о том, как смешно упал утром Ганс; но она тут же покраснела и робко сказала:

– Нам нельзя бегать наперегонки, юфрау. Но, может быть, вы позволите нам посмотреть, как будут бегать другие?

– Конечно, конечно! – ответила Гильда, ласково глядя на серьезные лица двух бедных детей и от души жалея, что так безрассудно истратила почти все свои карманные деньги на кружева, ленты и разные безделушки. У нее осталось всего два гульдена^[7], а на них можно было купить только одну пару приличных коньков.

– Кто из вас двоих лучше бегает по льду? – спросила она.

– Гретель! – сказал Ганс.

– Ганс! – воскликнула в это же время Гретель.

Гильда засмеялась.

– У меня нет денег, чтобы купить вам две пары коньков; их слишком мало даже и на одну хорошую пару. Вот вам два гульдена. Решите между собой, кому из вас легче выиграть приз, и купите коньки. Мне очень жаль, что я не могу дать вам больше. До свидания!

Гильда подала Гансу деньги и, с улыбкой кивнув детям, побежала к своим товарищам.

– Юфрау! Юфрау ван Глек! – крикнул Ганс, бросившись за ней вдогонку.

Он не мог бежать быстро, потому что у него на одной ноге развязался ремень. Гильда повернулась и, защитив рукой глаза от солнца, быстро понеслась назад.

Hirschkuhn

Гильда повернулась, защитив рукою глаза от солнца...

– Благодарю вас, вы очень добры, – сказал Ганс, – но мы не можем взять эти деньги.

– Не можете? Почему же? – спросила Гильда, краснея.

– Потому что мы их не заработали.

Гильда была находчива. Она заметила хорошенькую, выточенную из дерева цепочку на шее Гретель, и это помогло ей выйти из затруднения.

– Сделайте мне такую же цепочку, как у вашей сестры, Ганс, – сказала она.

– С большим удовольствием, юфрау. Вы получите ее завтра же: у меня дома есть кусок дерева, белого, как слоновая кость.

Сказав это, Ганс протянул ей деньги.

– Нет, я не возьму их, – решительно сказала Гильда. – Это еще слишком небольшая плата за такую прелестную цепочку.

И она побежала, не дожидаясь ответа.

Ганс с минуту следил за ней глазами. Он понимал, что дальнейшие отговорки ни к чему не приведут.

– Ну, что ж? Тут нет ничего дурного, – наконец пробормотал он. – Я посижу ночью, если мама даст мне свечу, и сделаю цепочку к утру... Мы можем оставить эти деньги у себя, Гретель.

– Какая милая, какая добрая барышня! – воскликнула Гретель, восторженно хлопая в ладоши. – Недаром же прошлым летом на нашу крышу спустился аист! Мама тогда сказала, что это принесет нам счастье. Помнишь, Ганс, как она радовалась и как плакала потом, когда его застрелил Корб? Она говорила, что с ним, наверное, случится какая-нибудь беда. А счастье к нам все-таки пришло! Если мама пошлет нас завтра в город, тебе можно будет купить коньки.

Ганс покачал головой.

– Барышня дала нам деньги на коньки, – сказал он, – но если я заработаю их, то лучше куплю шерсти, и у тебя будет теплая кофта.

– Как? Ты не хочешь покупать коньки? – с отчаянием воскликнула Гретель. – Мне, право же, редко, очень редко бывает холодно! Мама говорит, что у бедных детей кровь горячее, чем у других: она как будто знает, что должна получше согревать их. О, Ганс, – прибавила она дрожащим голосом, – не говори, что не купишь коньки, а то... мне кажется, я заплачу! Да к тому же я люблю холод... то есть я хочу сказать... что мне даже... чересчур жарко... теперь!..

Ганс со страхом взглянул на нее. Как истый голландец, он терпеть не

мог слез и боялся всяких сильных ощущений. А что если Гретель расплачется?

— Послушай, Ганс, — продолжала Гретель, заметив его нерешительность. — Я буду ужасно несчастна, если ты не купишь коньки! Мне они не нужны, я не такая жадная. Но я хочу, чтобы у тебя были настоящие металлические коньки. А потом, когда я вырасту, они пойдут мне... Ах, как хорошо!.. Сосчитай-ка деньги, Ганс! Видел ты когда-нибудь столько денег?

Ганс задумчиво вертел монеты. Никогда в жизни не испытывал он такого сильного желания купить себе коньки. Он слышал про состязания, и ему, как всякому другому мальчику, очень хотелось попробовать свои силы. Будь у него хорошие металлические коньки, он мог бы обогнать многих. Да, он вполне уверен в этом.

А что если купить их не себе, а Гретель? Она маленькая и кажется слабой, но очень хорошо бегает по льду. Стоит ей покататься на настоящих коньках какую-нибудь неделю, и она в состоянии будет обогнать не только Ричи Корбес, но, пожалуй, и Катринку Флак. Как только эта мысль пришла ему в голову, он принял твердое решение: если Гретель не хочет теплой кофты, то у нее будут коньки.

— Нет, Гретель, — сказал он — я хочу подождать. Когда-нибудь я наберу достаточно денег и тогда куплю себе коньки. А эти пойдут тебе.

Глаза Гретель заблестели; но она все-таки попробовала возражать, хоть и довольно слабо.

— Барышня дала деньги тебе, а не мне, Ганс. С моей стороны было бы очень дурно взять их.

Ганс решительно покачал головой и пошел так быстро, что Гретель вынуждена была бежать за ним вприпрыжку. Они уже сняли свои деревянные обрубки и шли домой, спеша поскорее рассказать матери о своем счастье.

— А, я знаю, что сделать! — вдруг радостно воскликнула Гретель. — Купи такие коньки, чтобы они были немножко велики мне и немножко малы тебе. Тогда нам можно будет бегать на них поочередно. Ах, как я отлично придумала!

И девочка снова захлопала в ладоши.

Бедный Ганс! Искушение было очень сильно, но он мужественно устоял против него.

— Ничего отличного тут нет, Гретель. Тебе никогда не удастся хорошо кататься на коньках, которые будут тебе велики. Помнишь, как ты спотыкалась, точно слепая курица, на своих деревянных коньках, пока я не

укоротил их. Нет, тебе нужны такие, чтобы были как раз по ноге, и ты должна бегать по льду как можно чаще, чтобы привыкнуть к ним. И тогда моя маленькая Гретель станет победительницей на состязаниях и выиграет серебряные коньки!

Гретель не могла удержаться от смеха при одной мысли об этом.

– Ганс!.. Гретель!.. – крикнул знакомый голос.

– Идем, мама!

И дети побежали домой.

* * *

Едва ли во всей Голландии нашелся бы более счастливый и гордый мальчик, чем Ганс, когда на другой день вечером, перед заходом солнца, он любовался на свою маленькую сестренку, которая вместе с другими скользила по льду канала. Добрая Гильда подарила ей теплую кофточку, а мать зашила и вычистила ее старые башмаки, так что они имели вполне приличный вид. Гретель быстро носилась взад и вперед, не замечая удивленных взглядов, которыми многие провожали ее. Девочке казалось, что металлические коньки под ее ногами превратили все окружающее в какой-то волшебный мир. «Добрый, милый Ганс!» – то и дело думала она.

– Посмотри-ка на эту маленькую девочку в красной кофточке и заплатанной юбке! – сказал Петер ван Гольп Карлу Шуммелю. – Как она чудесно катается! Вот будет штука, если она перещеголяет Катринку Флак и отберет у нее приз!

– Потише, не кричи так! – насмешливо усмехнулся Карл. – Эта барышня в заплатках находится под особым покровительством Гильды ван Глек. Блестящие коньки, кажется, ее подарок.

– Так-так, очень может быть! – воскликнул Петер, и радостная улыбка показалась у него на губах. Он был дружен с Гильдой, и ему было приятно узнать о ее добром деле.

Описав два раза на льду восьмерку и свои инициалы П и Г, мингер ван Гольп подбежал к Гильде.

Они некоторое время катались вместе, держась за руки, и сначала весело смеялись, а потом серьезно вполголоса заговорили о чем-то. И после этого таинственного разговора Петер ван Гольп вдруг почувствовал сильнейшее желание заказать для своей сестры такую же цепочку, как у Гильды.

Таким образом Ганс получил новый заказ. Он опять просидел за

работой часть ночи, сжег три огарка, порезал себе палец, но зато через двое суток, в самый канун Дня святого Николаса, мог купить в Амстердаме другую пару коньков.

* * *

В этот день, в полдень, после скромного, как всегда, обеда Метта, убрав со стола, надела свой выходной костюм в честь святого Николаса. «Это доставит удовольствие детям», – подумала она и не ошиблась.

За последние десять лет этот праздничный наряд доставался очень редко; но в то время, когда она была молоденькой девушкой и ее называли хорошенькой Метти Кмекк, он часто появлялся на свет Божий, и она много раз плясала в нем на вечеринках. Иногда детям позволялось взглянуть на эти сокровища, бережно хранившиеся в старом дубовом сундуке. Хоть они уже полиняли и протерлись чуть не до дыр, но в глазах детей казались великолепными.

Костюм состоял из темно-красной юбки с черной каймой на подоле, синего вязаного корсажа^[8], белого полотняного воротничка, пары шерстяных митенок^[9] и изящного чепчика, который был гораздо меньше простого, будничного чепца и не закрывал всех волос. Метта выглядела в нем настоящей принцессой; так, по крайней мере, уверяла Гретель.

Она прыгала около матери, с восхищением глядя на нее и в то же время заплетая свои золотистые косы.

– Милая, милая мамочка! – восторженно воскликнула она. Какая ты хорошенькая! Ну точно картинка! Не правда ли, Ганс?

– Да, настоящая картинка, – весело ответил Ганс, тоже любуясь матерью. – Мне только не нравятся эти чулки на руках.

– Совсем не чулки, а митенки, Ганс! Мама много работает, и потому у нее загрубели руки; митенки тем и хороши, что под ними совсем не заметно этого. Но зато подальше, вот тут, у тебя очень белые руки, мама, гораздо белее моих! Жаль только, что корсаж тебе как будто мал и узок. Ты, должно быть, выросла, мамочка?

Метта расхохоталась:

– Нет, моя девочка. Дело в том, что весь этот наряд был сделан в то время, когда я была совсем молоденькая и тоненькая, как вот эта мутовка^[10] для сбивания масла... А как тебе нравится чепчик? – спросила она, поворачиваясь то в ту, то в другую сторону.

— Очень, очень нравится! Прелесть! Смотри, даже папа глядит на тебя!

Метта быстро обернулась к мужу. Щеки ее вспыхнули, и глаза засияли. Он, действительно, смотрел на нее, но тупым, ничего не видящим взглядом. Глаза бедной женщины потухли, и румянец сбежал с ее щек.

— Нет, он не видит ничего, — со вздохом сказала она. — Ну, Ганс? Неужели ты целый день будешь разглядывать меня? Не забудь, что тебе нужно купить коньки в Амстердаме.

— Может, лучше не покупать их, мама? — нерешительно проговорил он. — У нас в доме такая нужда...

— Пустяки, мой милый. Ведь тебе, собственно, для этого и дали деньги, или, вернее, работу, что, впрочем, одно и то же. Ступай, пока солнце высоко.

— И возвращайся поскорее назад, Ганс! — воскликнула Гретель. — Мы сегодня же вечером покатаемся на канале, если мама пустит нас.

Дойдя до двери, Ганс остановился.

— К твоей прялке нужна новая подножка, мама, — сказал он.

— Ну, что ж? Ты сам сделаешь ее.

— Да, правда, и это избавит нас от лишней траты... Но у тебя нет муки, шерсти и...

— Полно, полно, мой мальчик. На два гульдена всего не купишь. Ах, как бы хорошо было, если бы сегодня, хоть в канун Дня святого Николаса, нашлись наши пропавшие деньги! Ты знаешь, Ганс, что я так и не видела их с тех пор, как ваш бедный отец расшибся.

— Знаю, знаю, хоть ты и перерыла весь дом, отыскивая их.

— И все без толку! — со вздохом сказала Метта. — Найти их может только тот, кто спрятал...

Ганс вздрогнул.

— Ты думаешь, что отец знает, где они? — таинственно спросил он.

— Да, мне не раз приходило это на ум, — ответила Метта, покачав головой. — Впрочем, наверняка я ничего не знаю, и мне кажется то одно, то другое. Может быть, отец купил на них те большие серебряные часы, которые до сих пор хранятся у нас... Но едва ли так.

— Часы не стоят и четвертой части пропавших денег, мама.

— Верно, верно. А отец был такой расчетливый и благоразумный, что не стал бы бросать деньги на ветер.

— Не понимаю, откуда взялись эти часы, — пробормотал Ганс.

Метта покачала головой и печально взглянула на мужа, тупо смотревшего на пол. Гретель стояла около него со своим вязаньем.

— Мы никогда не узнаем этого, Ганс, — сказала мать. — Я несколько раз показывала их отцу, но он ничего не помнит. Для него все равно — что часы, что картофелина. Придя в ту ужасную ночь домой к ужину, он дал мне часы и сказал, чтобы я спрятала и хорошенько берегла их. Он хотел прибавить еще что-то, но в эту самую минуту прибежал Брум Клаттербуст и закричал, что плотине грозит опасность. Ах, какая страшная буря была тогда! Отец сейчас же схватил свои инструменты и ушел. С тех пор я уже никогда не видела его прежним разумным человеком. Его принесли в полночь с расшибленной, окровавленной головой. Через некоторое время горячка прошла, но безумие осталось. Оно даже увеличивается с каждым днем. Мы никогда не узнаем, откуда взялись часы.

Все это Ганс давно знал. Он видел, как в тяжелые минуты, когда приходила крайняя нужда, мать вынимала эти часы из сундука, с тем чтобы продать их. Но как ни сильно было искушение, она каждый раз мужественно преодолевала его и снова прятала их.

— Нет, Ганс, — говорила она. — Я не могу нарушить волю отца. Потерпим как-нибудь, ведь мы еще не умираем с голоду.

Ганс вспомнил эти слова теперь и глубоко вздохнул.

— Ты хорошо сделала, что сберегла часы, мама. Другая на твоем месте давно бы продала их.

— И ей пришлось бы всю жизнь стыдиться такого поступка! — с негодованием воскликнула Метта. — Нет, я никогда не могла решиться на это. Кроме того, богатые люди иногда относятся очень несправедливо и жестоко к нам, беднякам. Если бы я вздумала продавать такую дорогую вещь, могли бы, пожалуй, заподозрить отца в...

Ганс вспыхнул от гнева.

— Никто не осмелился бы сказать этого, мама! А если бы нашелся такой человек, я...

Он сжал кулак и не договорил фразы. Должно быть, уважение к матери помешало ему докончить то, что он хотел сказать.

Метта с гордостью взглянула на него и улыбнулась сквозь слезы.

— Ты славный, честный мальчик, Ганс! Мы никогда не расстанемся с часами. Может быть, сознание вернется к отцу, когда наступит его смертный час, и он спросит про них.

— Вернется сознание, мама? — воскликнул Ганс. — И он узнает нас? Разве это возможно?

— Да, сынок, — прошептала Метта, — такие случаи бывали.

Ганс совсем забыл, что ему нужно спешить в Амстердам. Никогда еще мать не говорила с ним так откровенно. Он чувствовал, что она видит в нем

теперь не только сына, но и друга, который может дать хороший совет.

– Ты права, мама. Мы должны сохранять и беречь часы ради отца. А пропавшие деньги еще, может быть, найдутся.

– Никогда! – воскликнула Метта, бросив свое недоконченное вязанье на колени. – На это нет никакой надежды!.. Тысяча гульденов! И все это исчезло в один день!.. Тысяча гульденов! Куда они могли подеваться? Если бы их украл, вор, наверное, покаялся бы перед смертью – он не мог бы умереть с таким ужасным грехом на душе!

– А может быть, он еще не умер, – сказал Ганс, стараясь успокоить ее, – и мы скоро услышим о нем.

– Нет, и на это рассчитывать нечего. Хоть мне иногда и приходит в голову, что деньги украдены, но на самом деле я не могу поверить этому. С какой стати к нам забрался бы вор? У нас в доме все было чисто и мило, но жили мы всегда очень бедно, так как откладывали все, что можно, на черный день. К тому же у отца было уже накоплено порядочно денег, которые он получил за работу во время страшного наводнения. Каждую неделю мы сберегали целый гульден, а то и больше, потому что тогда хорошо платили, да кроме того отец работал вне очереди. Всякую субботу мы клади что-нибудь в мешочек и не отложили ничего только в то время, когда ты хворал лихорадкой, Ганс, да еще когда родилась Гретель. Наконец мешочек был полон, и мы стали собирать деньги в старый чулок.

Метта немного помолчала, вспоминая прошедшее, и продолжила:

– Не прошло и нескольких недель, как он наполнился до самой пятки! Тогда отлично платили рабочим. В чулке были не только медные монеты, но и серебро, даже золото! Ты удивляешься, Гретель? Да, там было и золото! Я часто смеялась и говорила отцу, что не из бедности хожу в своих старых платьях: в то время и чулок был полон почти до самого верха. Много раз вставала я ночью и горячо молилась, благодаря Бога за его милость. О, как я была счастлива при мысли, что вы получите хорошее образование, а отцу можно будет отдохнуть под старость! Иногда за ужином мы принимались толковать о том, что следовало бы переложить печь и построить теплый коровник. Но отцу и этого было мало. «Большому кораблю большое и плавание, – говорил он. – Мы сделаем не только это, но и многое другое». И мы весело смеялись или пели, в то время как я перемывала посуду. Когда море спокойно, нетрудно править рулем. В те счастливые дни я не знала ни горя, ни тревоги. Каждую субботу отец вынимал чулок, опускал туда деньги и целовал меня. А потом мы опять завязывали и прятали его... Господи! Что же это мы делаем! Мы совсем заболтались, и ты до сих пор еще не ушел, Ганс! – вдруг воскликнула

Метта, досадуя на свою излишнюю откровенность. – Ступай, ступай скорее! Тебе уже давно пора идти.

Ганс пристально посмотрел на мать.

– Ты когда-нибудь пробовала, мама? – вполголоса спросил он.

Она поняла его.

– Да, сынок, и не раз. Но отец только смеется или смотрит на меня так странно, что у меня сжимается сердце, и я перестаю расспрашивать его. Прошлой зимой, когда ты и Гретель оба лежали в лихорадке, когда у нас вышел почти весь хлеб, а мне нельзя было оставить вас и заработать хоть что-нибудь, я опять попробовала заговорить с отцом. Я гладила его по голове и тихонько спрашивала у него про деньги, умоляла его сказать мне, где они и что стало с ними. А он схватил меня за руку и зашептал что-то такое непонятное, что у меня заледенела кровь. Наконец, когда Гретель совсем ослабла и лицо ее побелело, как снег, я подошла к нему и закричала – мне казалось, что так он скорее поймет меня: «Где наши деньги, Рафф? Знаешь ты что-нибудь о деньгах? Где мешочек и чулок, которые лежали в сундуке?» Но говорить с ним было все равно, что говорить с камнем, обращаться к нему...

Голос Метты звучал так дико, а глаза ее так блестели, что испуганный Ганс подошел к ней и положил ей руку на плечо.

– Полно, мама! – сказал он. – Постараемся забыть об этих деньгах. Я здоров и силен. Гретель тоже не ленится работать. Теперь нам уже нечего бояться нужды и, Бог даст, дела наши поправятся. Нам нужно только одно – чтобы ты была здорова и счастлива, для нас это дороже всех денег в мире. Не правда ли, Гретель?

– Да разве мама не знает этого! – рыдая, ответила Гретель.

Глава IV. Солнечный луч. – Успех Ганса

Волнение Ганса и Гретель встревожило и вместе с тем порадовало Метту, так как доказывало их любовь к ней.

Она вытерла глаза и со светлой улыбкой взглянула на своих детей, взглянула так, как может смотреть только мать.

– Нечего сказать, хороший разговор завели мы в канун Дня святого Николаса! – воскликнула она. – То-то ячувию, что шерсть колет мне пальцы... Вот тебе монетка, Гретель. Пока Ганс сбегает за коньками, ты можешь сходить на рынок и купить себе пирожок.

– Позволь мне остаться с тобой, мама, – сказала Гретель, глядя на мать еще влажными, блестящими глазами. – Ганс купит мне пирожок.

– Как хочешь, моя девочка... Подожди минутку, Ганс! Я сейчас довяжу чулок, а другой у меня уже готов. Они связаны на славу, хоть шерсть, нужно правду сказать, немножко жестковата. Если ты поторгуешься хорошенько, то получишь за них три четверти гульдена. В таком случае купи не один, а четыре пирожка. И мы попирем в канун Дня святого Николаса!

Гретель захлопала в ладоши.

– Ах, как славно! Анни Бауман рассказывала мне, какие великолепные вещи бывают в это время в больших, богатых домах. Но и у нас будет отлично. Ганс купит себе чудесные новые коньки, да кроме того, у нас будут пирожки! А-ах!.. Только смотри, не помни их, Ганс! Заверни их поаккуратнее, положи за пазуху и хорошенько застегни курточку.

– Конечно, конечно, не беспокойся, – серьезно ответил Ганс, понимая всю важность возложенного на него поручения.

– Мама, милая мамочка! – восторженно воскликнула Гретель. – Расскажи нам про святого Николаса! У тебя пока нет никакого дела – ты только вяжешь.

Мама засмеялась, увидев, что Ганс повесил свою шапку и подготовился слушать.

– К чему повторять одно и то же? – сказала она. – Ведь я уже сколько раз рассказывала вам эту историю.

– Расскажи, мамочка, пожалуйста, расскажи еще разочек! – упрашивала Гретель, садясь на деревянную скамейку, которую брат сделал ко дню рождения матери. Гансу тоже хотелось послушать рассказ, но, не желая показаться ребенком, он стал около печки и с самым равнодушным

видом начал махать своими старыми коньками, которые держал в руке.

– Ну, хорошо, детки, я расскажу вам это стариное предание. Возьми-ка свой клубок, Гретель, да повяжи, пока я буду говорить. Для того чтобы слушать, тебе понадобятся уши, а не руки... Святой Николас, как вы знаете, великий чудотворец. Он покровительствует морякам, охраняя их от всякой беды, но больше всего заботится о детях. Давно-давно, когда святой еще жил на земле, один богатый купец послал своих троих сыновей учиться в Афины...

– Афины в Голландии, мама? – спросила Гретель.

– Не знаю, дитятко. Должно быть, так.

– Нет, мама, – возразил Ганс. – В географии говорится, что Афины в Греции.

– Ну что ж, может быть. Да и не все ли равно? Я слышала, что Греция тоже принадлежит нашему королю... Так купец послал своих сыновей в Афины. По дороге они остановились в плохой, жалкой гостинице, рассчитывая переночевать там, а наутро снова пуститься в дорогу. Они были великолепно одеты в бархат и шелк, как всегда одеваются дети богатых людей. Денег с ними было очень много – тогда носили их в поясе. А хозяин гостиницы был очень дурной человек. Он задумал убить юношей и взять себе их деньги и роскошную одежду. И вот ночью, когда все заснули, он вошел в комнату, где спали юноши, и убил всех троих.

Гретель задрожала от страха и всплеснула руками, а Ганс принял такой вид, как будто грабеж и убийство были ему нипочем.

– Но это еще не все, – продолжала Метта, едва двигая спицами, так как ей приходилось не только рассказывать, но и считать петли. – Худшее еще впереди. Этот разбойник разрезал тела юношей на кусочки и бросил их в кадку с рассолом, чтобы потом продать их под видом свинины.

– А-ах! – в ужасе воскликнула Гретель; она не в силах была удержаться, хоть много раз слышала этот рассказ.

Но Ганс оставался по-прежнему невозмутимым. Казалось, и соление человеческого мяса было ему не в диковинку.

– Да, он бросил куски в кадку с рассолом и думал, что никто не узнает о его преступлении. Но вышло не так. В эту самую ночь святой Николас видел вещий сон и узнал, что сделал хозяин гостиницы с тремя юношами. Хоть ему и ни к чему было торопиться, так как он был святой, но он все-таки на другой же день пришел в гостиницу и обвинил хозяина в убийстве. Тот сознался, рассказал, как было дело, ничего не утаивая, и упал на колени, умоляя святого простить его. Он чувствовал такое раскаяние, совесть так мучила его, что он стал просить чудотворца оживить убитых

юношей.

— А что же святой Николас? — взволнованно спросила Гретель, хоть наперед знала ответ матери.

— Он, конечно, исполнил его просьбу. Куски мяса в одно мгновение срослись, и из кадки выскочили юноши. Они бросились к ногам святого Николаса, и он благословил их... Господи помилуй! Да до каких же пор будешь ты стоять здесь, Ганс? Если ты не пойдешь сию же минуту, то не успеешь вернуться засветло!

Метта совсем растерялась. Чуть не целый час пропал даром, да еще днем! Нет, такая роскошь не для бедных людей! Она сунула Гансу пару чулок и, как бы стараясь наверстать потерянное время, стала метаться по комнате, то поправляя горящий торф, то стирая со стола невидимую пыль.

— Ступай же, Ганс! — сказала она стоявшему около двери сыну. — Почему же ты не идешь?

Ганс обнял и поцеловал мать в щеку, еще свежую и румяную, несмотря на все невзгоды.

— Послушай, мама. Мне, конечно, очень хочется купить себе коньки, но... — тут он грустно взглянул на сгорбленную фигуру отца, сидевшего около огня, — но деньги лучше употребить на другое. Что если пригласить доктора? Может быть, он поможет отцу?

— Если бы у тебя было даже вдвое больше денег, Ганс, их не хватило бы на то, чтобы пригласить доктора. Да и никакой пользы не вышло бы из этого. Много гульденов истратила я на лечение, а все без толку: вашему бедному добруму отцу оно нисколько не помогло. На все воля Божья! Ну, ступай же, мой мальчик, и купи себе коньки.

Ганс вышел из дома с тяжелым сердцем, но вспомнив, с каким доверием, как откровенно говорила с ним мать, мало-помалу развеселился и стал насвистывать какую-то веселую песенку.

До селения Брук с его хорошенъкими домиками, замерзшими каналами и вымощенными кирпичами улицами было недалеко. Оно отличалось замечательной образцовой чистотой. Все лоснилось там, все блестело, нигде не было ни пятнышка, но вместе с тем нигде не виднелось ни одной живой души. Селение казалось вымершим.

На усыпанных песком тропинках незаметно было следов; ставни домов были наглухо закрыты, точно жители как огня боялись свежего воздуха и солнечного света. Массивные парадные двери были крепко заперты: они отворялись только в торжественных случаях, в дни свадеб, крестин и похорон.

В закупоренных комнатах носились облака табачного дыма. В садах

иногда виднелись волки и павлины, но это были не живые звери и птицы. Выточенные из букового дерева, они стояли, как на страже, охраняя свои владения. Дети своим говором и смехом могли бы оживить это сонное царство, но они учили свои уроки в каких-нибудь уединенных уголках или бесшумно скользили по льду канала.

Ганс взглянул на тихое селение и задумался. Он слышал не раз толки о том, что у тамошних богачей вся кухонная посуда из чистого золота. Неужели это правда?

На рынке он видел круги чудесного сыра, который делала мефрау ван Ступ, и знал, что эта гордая особа получает за него большие деньги. Но действительно ли она сливает молоко в золотые крынки? Золотыми ли ложками снимает она сливки? Вот в чем вопрос!

Поглощенный этими мыслями, Ганс свернулся на рукав залива. До Амстердама, расположенного на другом берегу его, оставалось миль пять. Лед был великолепный, гладкий; но, несмотря на это, деревянные коньки Ганса жалобно скрипели, как бы предчувствуя, что их скоро отложат в сторону, и прощаясь с хозяином.

Вдруг Ганс вздрогнул. Навстречу ему бежал доктор Бёкман, самый знаменитый врач, самый лучший хирург во всей Голландии. Ганс ни разу не встречался с ним, но видел его карточки, выставленные в окнах магазинов в Амстердаме. Такой фигуры и такого лица не забудешь – это он. Высокий, худой, со строгими голубыми глазами и крепко сжатыми губами, не имевшими никакого понятия об улыбке, доктор выглядел далеко не общительным. Вид его внушал уважение, но подойти к нему и заговорить с ним казалось почти невозможным.

Однако Ганс все-таки решился: совесть говорила ему, что он обязан сделать это. «Перед тобой величайший доктор в мире, – шептал ему внутренний голос. – Сам Бог послал его тебе. Ты не имеешь права покупать коньки, тратить деньги на пустяки, когда на них можно пригласить к отцу такого доктора».

Деревянные обрубки восторженно взвизгнули; сотни чудных металлических коньков блеснули и исчезли в глазах Ганса; деньги дрогнули в его руке. А старый доктор был уже недалеко, и лицо его с каждой секундой становилось как будто все суровее, все угрюмее. Сердце Ганса сжалось, но он собрался с силами и крикнул:

– Мингер Бёкман!

Знаменитый врач остановился, сжал свои тонкие губы, нахмурил брови и мрачно взглянул на мальчика. Теперь было уже поздно отступать!

Знаменитый врач остановился...

– Мингер! – задыхаясь проговорил Ганс. – Я знаю, что вы доктор...
Знаменитый доктор Бёкман. Ради Бога, помогите нам!

– Гм! – проворчал старик, собираясь бежать дальше. – Ступай своей дорогой и оставь меня в покое. У меня нет денег, я никогда не подаю нищим.

– Я не нищий, мингер, – гордо сказал Ганс и с самым величественным видом вынул из кармана и показал несколько мелких серебряных монет. – Я хотел попросить вас взглянуть на моего отца. У него нет никакой болезни, но он все равно что мертвый. Он лишился рассудка. В словах его нет смысла, а телом он здоров. Он чинил плотину во время наводнения и упал с высоких подмостков.

– А? Что такое? – спросил доктор, начиная прислушиваться. – Говори толком!

Ганс, хоть и довольно бессвязно, рассказал все врачу. Слезы то и дело набегали ему на глаза.

– Ради Бога, мингер, зайдите посмотреть на моего отца! – с мольбой воскликнул он. – У него нет никакой болезни, он только не в своем уме. Я знаю, что этих денег очень мало, а все-таки возьмите их, мингер. Я заработаю еще – наверняка заработкаю! О, я буду работать на вас всю жизнь, если вы согласитесь полечить отца!

Но что же это за странная перемена произошла с доктором? Лицо его просветлело, как будто на него упал солнечный луч; взгляд смягчился, глаза увлажнились, рука, сжимавшая трость, ласково опустилась на плечо Ганса.

– Спрячь свои деньги, мальчик: они не нужны мне. Я зайду взглянуть на твоего отца. Боюсь только, что его болезнь неизлечима. Сколько лет, говоришь ты, прошло с тех пор?

– Десять, мингер, – ответил Ганс и заплакал, но теперь уже от радости: у него совершенно неожиданно появилась надежда.

– Плохо, очень плохо! Но я все-таки зайду к нему. Постой, когда я буду свободен? Я отправляюсь в Лейден и вернусь через неделю – да, так. Значит, через неделю я буду у вас. Где вы живете?

– Около Брука, мингер, на милю южнее, около канала. У нас маленький полуразвалившийся домик. Каждый ребенок укажет вам его. Дети боятся близко подходить к нему, – прибавил, тяжело вздохнув, Ганс, – они называют его «домом идиота».

– Хорошо, ждите меня, – сказал доктор и, ласково кивнув Гансу, быстро удалился.

«Случай почти безнадежный, – бормотал он про себя. – Но мальчик очень нравится мне. У него во взгляде есть что-то напоминающее моего бедного Лоренса. Неужели я никогда не забуду его?» И, мрачно нахмурившись, доктор продолжал свой путь.

А Ганс весело бежал в Амстердам. Он опять побрякивал деньгами в кармане и насвистывал песенку. «Не лучше ли вернуться домой и поскорее порадовать маму? – думал он. – Или бежать в Амстердам и купить коньки и пирожки? Ну, теперь город уже близко – сначала пойду туда!»

* * *

Ганс и Гретель очень весело провели вечер накануне Дня святого Николаса. Несмотря на то, что Метта уже давно потеряла всякую надежду на выздоровление мужа, обещание знаменитого доктора навестить его очень обрадовало ее. Она чувствовала себя такой счастливой, что после ужина позволила детям побегать часок на коньках.

Ганс был в восторге от своих коньков и, горя нетерпением показать сестре, как они «работают», проделывал такие удивительные штуки на льду, что восхищенная Гретель только вскрикивала и всплескивала руками.

Луна ярко светила, и на канале было много катающихся. Два брата Гольпа и Карл Шуммель четыре раза бегали наперегонки, и три раза Петер ван Гольп оставался победителем. А потому Карл, и вообще не отличавшийся любезностью, был в очень дурном расположении духа. Желая на ком-нибудь сорвать свою досаду, он начал притираться к Шиммельпеннинку, который, как самый маленький, скромно держался в стороне. Потом Карлу пришла в голову другая затея.

– А знаете что, господа! – сказал он. – Мы должны помешать этим двум оборванцам из «дома идиота» участвовать в состязаниях. Глупо со стороны Гильды настаивать на этом. Катринка Флак и Ричи Корбес выходят из себя и обижаются, что им придется бегать вперегонки с этой девчонкой. И я нисколько не осуждаю их. Что же касается мальчика, то, по-моему, всякий, в ком есть хоть капля мужества, никогда не допустит и мысли...

– Совершенно верно! – прервал его Петер Гольп, как бы не поняв значения его слов. – Само собой разумеется, что всякий, в ком есть хоть капля мужества, никогда не допустит и мысли исключить из числа участников в состязаниях двух лучших конькобежцев только потому, что они бедны.

– Потише, потише, Петер! – воскликнул Карл, завертевшись на льду,

как волчок. – С какой стати ты вздумал говорить за других? Советую тебе быть поосторожнее и в другой раз не приниматься за это!

– Ха-ха-ха! – засмеялся маленький Вустенвальберт Шиммельпеннинк, рассчитывая, что дело дойдет до драки. Уж, конечно, его милый Петер останется победителем! Он справится и с дюжиной таких, как Карл!

Заметив какой-то зловещий огонек в глазах Петера, Карл благоразумно отвернулся от него и набросился на Вуста.

– Чему ты радуешься, щенок! Ах ты, обезьяна с длинным прозвищем вместо хвоста!

Некоторые из окружающих засмеялись, и Карл, очень довольный этим, несколько успокоился. Он не отказался от мысли добиться исключения Ганса и Гретель из числа участвующих в состязаниях, но решил поднять этот вопрос в другой раз, когда тут не будет Петера.

Глава V. Якоб Пут и его двоюродный брат. – День святого Николаса

В это время вдали показался друг Карла, Якоб Пут. Мальчики не могли различить его лица, но тотчас же узнали по фигуре: во всей округе не было другого такого толстого юноши.

– Вон идет и толстяк! – воскликнул Карл. – А с ним еще кто-то, тощий, как селедка. Кажется, незнакомый.

– Ха-ха-ха! – развеселился Людвиг. – Эта пара походит на ломоть хорошей свинины: тоненький кусочек мяса, а рядом толстый слой жира!

– Это двоюродный брат Якоба, англичанин, – сказал Вуст, очень довольный тем, что может разъяснить дело. – Да, он англичанин и у него пресмешное имя: Бен Доббс. Он прогостит у Якоба до самых состязаний.

Все это время оживленно болтавшие мальчики не переставали описывать круги и выделывать разные замысловатые штуки на льду. Но теперь они остановились, поджидая Пута и его родственника.

– Господа! Это мой двоюродный брат, Бенджамен Доббс, – сказал Якоб. – Он англичанин и будет участвовать в состязаниях.

Все школьники столпились около Доббса, и через некоторое время он пришел к заключению, что голландцы, несмотря на свой отвратительный выговор и странный язык, очень порядочные ребята.

Сначала мастер Доббс чувствовал себя не совсем ловко в обществе товарищей своего кузена. Хоть некоторые из них учились по-французски и по-английски, но ни один не решался применить свои знания на практике. Сам же Бен, принужденный прибегнуть к голландскому языку, преуморительно коверкал его. Он очень старательно занимался им в Англии и вызубрил довольно много слов, но, к несчастью, не умел составлять из них фразы. Положим, он знал и достаточное число фраз, помещенных в учебнике «Голландские диалоги»; однако, как ни были они разнообразны по содержанию, ему никак не удавалось вставить их в разговор со школьниками. Одним словом, Бен очутился в положении того англичанина, который, выучив немецкий по словарю, мог лишь спросить на безукоризненно правильном немецком языке: «Не видели ли вы рыжей коровы моей бабушки?», но, проехав из конца в конец всю Германию, так и не дождался случая осведомиться об этом интересном животном.

Однако смущение Доббса продолжалось недолго. Кататься по льду

было так приятно, что он забыл о трудностях голландского языка. А когда Якоб, вставляя то английское, то французское слово, стал рассказывать товарищам о путешествии, которое задумали он и его двоюродный брат, Бен, по-видимому, отлично понимал все, так как с самым уверенным видом энергично кивал головой.

Блестящая мысль о путешествии привела в восторг всех мальчиков. К тому же теперь было самое удобное время для дальней прогулки. В школе предполагались какие-то переделки, а потому учеников распустили сегодня не на один, как следовало бы, а на целых пять дней.

Якоб решил воспользоваться свободным временем и вместе с Беном, которому хотелось поближе познакомиться с Голландией, пробежать на коньках около пятидесяти миль, от Брука до Гааги.

– Ну, братцы! – воскликнул Якоб, сообщив свой план. – Кто из вас хочет отправиться с нами?

– Я!.. Я!.. Я... – в один голос закричали все мальчики.

– И я! – не совсем уверенно проговорил маленький Вустенвальберт.

– Ха-ха-ха! – схватился за бока Якоб и надул свои толстые щеки. – И ты тоже? Такой клоп? Ну, нет, брат, это не по тебе! Ты еще не успел отвыкнуть от ватных капоров!

Чтобы маленькие дети, падая, не расшибали себе голов, голландки надевают на них что-то вроде капоров, украшенных лентами. Так как Вуст уже давно перешагнул тот возраст, когда капор считается необходимой принадлежностью костюма, то замечание Якоба до глубины души обидело его.

– Успел я или не успел отвыкнуть, а все-таки не ношу их! – запищал он. – А вот тебе едва ли когда-нибудь удастся избавиться от них: у тебя всё точно на вате!

Раздался оглушительный взрыв смеха, причем добродушный Якоб смеялся громче всех.

– Это... мой жир, – объяснял он Бену на каком-то тарабарском языке, который считал английским. – Он сказал... мой жир... вата!

После остроумной выходки Вуста мальчики единогласно решили принять его в свою компанию, если его отец и мать не будут возражать против этого.

– До свидания! – крикнул счастливый Вуст и, как стрела, понесся домой.

– До свидания!

– Мы остановимся в Харлеме и покажем Бену тамошний знаменитый орган, – сказал Петер ван Гольп, – а потом отправимся в Лейден, где также

есть на что посмотреть. Затем мы проведем сутки в Гааге у моей замужней сестры, которая будет очень рада принять нас, и утром отправимся назад.

– Хорошо, – лаконично ответил Якоб, не любивший тратить лишних слов.

Людвиг с восторгом взглянул на брата.

– Какой ты молодец, Петер! Как ты хорошо придумал! Мама будет очень рада, когда узнает, что мы побываем у сестры... Однако, как холодно! Не пора ли отправиться по домам?

– Ах ты, неженка! – крикнул Карл, старательно выделявая какие-то вензеля.

Петер вынул большие золотые часы и, повернув циферблат к лунному свету, взглянул на него.

– Ого! Уже около восьми часов! – сказал он. – Я ухожу. Скоро придет святой Николас, и мне хочется посмотреть, как будут удивляться и радоваться мои маленькие братишки и сестренки. Прощайте!

– Прощай! Прощай!

И все мальчики со смехом и криками побежали домой.

А что же делали в это время Ганс и Гретель? Увы! Счастье их продолжалось недолго. Они катались около часа в сторонке от других, вполне довольствуясь обществом друг друга.

– Ах, как хорошо, Ганс! – воскликнула Гретель. – Как отлично! Подумай только, теперь у нас обоих есть такие чудесные коньки!

Вдруг до них донесся слабый, едва слышный крик. Никто из детей не обратил на него внимания, но Ганс тотчас же остановился и, побледнев, торопливо снял коньки.

– Отец, должно быть, чем-нибудь испугал маму! – воскликнул он и со всех ног побежал домой.

Гретель бросилась за ним.

* * *

День святого Николаса считается в Голландии по преимуществу детским праздником, и пятого декабря, когда святой Николас является на землю, все ребятишки сходят с ума от радости и ожидания. Не для всех, впрочем, посещение святого проходит благополучно: он очень беспристрастен и, не стесняясь, высчитывает проступки и прегрешения того, кто нехорошо вел себя в течение года. Иногда он даже приносит пучок розог и советует родителям высечь дурных детей вместо того, чтобы давать

им подарки.

Наши школьники хорошо сделали, поспешив вернуться домой: не прошло после того и часа, как святой Николас появился одновременно почти во всех домах Голландии, начиная с королевского дворца и кончая избушкой бедного крестьянина.

Маленькие братья и сестры Гильды ван Глек были страшно взволнованы и возбуждены, ожидая святого. Их нарядили в самые лучшие костюмы, дали за ужином по два пирожка и позволили остаться в большой зале. Гильда радовалась не меньше других. Почему бы и нет? Наверное, святой Николас не вычеркнет из своего списка четырнадцатилетнюю девочку только потому, что она смотрится старше своих лет. И она весело смеялась, пела, танцевала и была душой всех игр, которые затевали дети. Отцу, матери и бабушке это, по-видимому, очень нравилось.

Дедушка тоже с удовольствием смотрел на нее до тех пор, пока не закрыл себе лицо большим красным платком. Этот красный платок служил признаком того, что дедушка собирается вздремнуть. В начале вечера он охотно принимал участие в общей радости и был счастлив не меньше своего крошечного внука, Вуста, но теперь, видимо, немножко утомился.

А веселье было в самом разгаре. Даже огонь подплясывал за ярко блестевшей каминной решеткой, а пламя свечей кивало, как бы одобряя весь этот шум и гам. Прохожие останавливались, прислушиваясь к громкому смеху, долетавшему до них из-за закрытых ставен и опущенных занавесок, и, улыбаясь, шли дальше. Наконец и красный платок подпрыгнул и свалился с лица дедушки. Разве можно заснуть при таком гвалте?

Мингер ван Глек взглянул на детей. Они были в каком-то лихорадочном волнении, и даже малютка Вуст выказывал все признаки приближающейся истерики. Пора было приступать к делу.

Отец посадил Вуста на пол, и тот, вытаращив глазенки и засунув кулачок в рот, вопросительно оглядел всех. Дети, взявшись за руки, стали кружиться около него и запели песенку, приглашая святого Николаса прийти к ним: «Приходи к нам, святой Николас! Мы все ждем тебя и радуемся, что ты придешь к нам. Если мы сделали что-нибудь дурное, поборни нас, но если можно, не приноси розог. Приходи, святой Николас! Ты разливаешь вокруг себя радость и веселье, и мы, дети, которых ты так любишь, просим тебя прийти поскорее! Иди же, святой Николас, и пожалуйста, пожалуйста, принеси нам побольше подарков!»

Распевая эту песенку, дети с нетерпением и страхом поглядывали на затворенную дверь. Вдруг кто-то постучал в нее. В ту же минуту круг

распался. Младшие дети со смешанным чувством ужаса и восторга прижались к матери; дедушка облокотился на руку и наклонился вперед; бабушка поправила очки; отец вынул трубку изо рта, а Гильда и дети постарше сбились в кучку и устремили глаза на дверь. В нее постучали еще раз.

— Войдите! — сказала мать.

Дверь тихо отворилась, и святой Николас, в митре, в полном епископском облачении и с посохом в руке, вошел в комнату. Наступила глубокая тишина, — все, сдерживая дыхание, смотрели на него.

Наконец он заговорил — торжественным и вместе с тем таким добрым голосом:

— Здравствуй, Карел ван Глек, я рад видеть тебя, твою жену Катрину, твоего сына и его добрую жену Анни. Здравствуйте, дети! В общем, вы вели себя хорошо с тех пор, как я приходил к вам в прошлом году. Но некоторым из вас я все-таки должен сделать кое-какие замечания. Дитрих вел себя очень невежливо и грубо на ярмарке в Харлеме; Майкен за последнее время плохо училась, тратила слишком много денег на лакомства и ничего не оставляла для бедных. Надеюсь, что Дитрих исправится и будет вести себя, как благовоспитанный мальчик, а Майкен станет прилежнее и будет помнить, что на свете много бедных людей. Маленькая Катринка жестоко обращается с животными: я несколько раз слышал, как в коридоре мяукала бедная кошка, когда она дергала ее за хвост. Я прощу Катринку, если она обещает не обижать никого. Ведь и каждый маленький зверек чувствует боль!

Катринка горько заплакала, а святой Николас замолчал, давая ей время успокоиться.

— Брум учится очень хорошо, — продолжал он после небольшой паузы, — но часто шалит в классе и не всегда слушается учительницу. Гендрик отлично стреляет из лука и мастерски правит лодкой, но отдает этим занятиям слишком много времени и потому плохо готовит свои уроки. Гильда хорошая девочка и любит помогать бедным. Она будет спать эту ночь тихим, спокойным сном, каким спят люди с чистой совестью и добрым сердцем. Вообще я доволен всеми вами. Завтра вы найдете более вещественные доказательства моей любви к вам. Прощайте!

В то же мгновение разные сласти градом посыпались на полотняную простыню, разостланную около двери. Поднялась страшная суматоха. Дети бросились на лакомства и стали наполнять ими свои уже заранее подготовленные корзинки, а мама принесла меньшего сынишку Вуста, и он тоже набрал полные кулачки сладостей. Потом самые смелые из детей

подбежали к дверям и распахнули их настежь. Но напрасно смотрели они и в ту, и в другую сторону: святого Николаса нигде не было.

Тогда все отправились в соседнюю комнату, где стоял стол, покрытый белой как снег скатертью. Дети положили на него свои башмаки, комнату заперли, и мама спрятала ключ в карман. Затем, пожелав друг другу спокойной ночи, все разошлись по своим спальням, и в доме мингера ван Глека, наконец, наступила глубокая тишина.

Рано утром дверь торжественно отворили в присутствии всей семьи, и дети тотчас же запрыгали и завизжали от радости: каждый башмак был полон доверху, и кроме того, весь стол был уставлен подарками – игрушками, книгами, лакомствами и разными безделушками. Никто не был забыт. Все получили подарки, начиная с дедушки и кончая маленьким Вустом.

Катринка восторженно хлопала в ладоши, обещая себе никогда, никогда больше не мучить кошку. Гендрик кружился по комнате, размахивая над головой великолепным луком и стрелами. Гильда радостно улыбалась, перелистывая книги, которые ей давно хотелось иметь.

Потом началась проба новых игрушек: маленькие мохнатые собаки залаяли, кошки замяукали, овцы заблеяли, трубы затрубили, раздался барабанный бой, а костяные шарики Вуста загремели и запрыгали по полу. Отовсюду неслись восторженные восклицания и веселый смех. Все были довольны и счастливы.

А в бедном домике Бринкеров не было ни смеха, ни веселья. Туда святой Николас не заходил.

Глава VI. Амстердам. – Несчастье. – Ганс

Рано утром участники экспедиции собирались в условленном месте на канале.

– Все ли тут? – спросил Петер, выбранный предводителем. – Я сейчас сделаю перекличку. Карл Шум-мель?

– Здесь!

– Якоб Пут?

– Тут!

– Бенджамен Доббс?

– Да!

– Ламберт ван Маунен?

– Здесь!

– Отлично! Без тебя плохо бы пришлось Бену; так как только ты один говоришь по-английски.

– Людвиг ван Гольп?

– Есть!

– Вустенвальберт Шиммельпеннинк?

Никто не отвечал.

– Должно быть, бедному Вусту не позволили идти с нами. Ну, делать нечего. Теперь уже восемь часов и пора отправляться в путь... Раз, два, три – марш!

Мальчики быстро понеслись по льду и через полчаса были уже в Амстердаме. Это в высшей степени оригинальный город, окруженный стенами и расположенный на девяноста пяти островах; около двухсот мостов соединяют их между собой. Бен с удивлением смотрел по сторонам – все здесь интересовало его: высокие дома со странными раздвоенными трубами; помещения для склада товаров, ютившиеся под самыми крышами домов, и подъемные краны, при помощи которых товар поднимался в склады или опускался на улицу; большие общественные здания, стоящие на толстых сваях, глубоко вбитых в болотистую почву; узенькие улицы; каналы, пересекающие весь город; мосты, шлюзы и странные костюмы жителей.

Бен подивился и на маленькие зеркала, укрепленные с наружной стороны окон таким образом, что живущие в доме могли видеть не только все происходившее на улице, но и каждого, кто подходил к их двери и стучал в нее.

По улицам двигались запряженные собаками тележки, нагруженные разными деревянными изделиями, осторожно проходили ослы, навьюченные корзинами с глиняной или стеклянной посудой, и изредка проезжал ярко раскрашенный, но неуклюжий экипаж, который тащила пара вороных лошадей с белыми как снег хвостами.

По улицам двигались запряженные собаками тележки...

Город разукрасился по-праздничному, и в магазинах было выставлено множество вещей для подарков, а в особенности игрушек, производством которых славится Голландия. Чего тут только не было! И всевозможные миниатюрные, хоть и очень сложные, машины, и рыбачьи лодки, и маленькие трешикоты с кладью. Бену очень хотелось купить что-нибудь для своего младшего брата Робби, но это оказалось невозможно. Голландцы народ очень расчетливый. Собираясь в экспедицию, мальчики решили, что каждый участник возьмет с собой ровно столько денег, сколько нужно на его путевые издержки. А потом, когда все пришли на канал, общую кассу передали Петеру, как предводителю. Таким образом, Бен мог только любоваться на игрушки и старался отогнать от себя мысль о маленьком Робби.

– Ну, господа, пора отправляться в путь! – сказал Петер. – Вперед!

В час дня наши путешественники добрались до Харлема. Они сделали с утра целых семнадцать миль, но ни один из них не устал, и все были веселы, начиная с самого младшего, четырнадцатилетнего Людвига, и кончая Петером, которому уже минуло семнадцать лет.

– Теперь самое время позавтракать, – решительно произнес Петер. – Зайдем в эту кофейную.

И он опустил руку в карман, чтобы достать кошелек с деньгами.

– Что с тобой? – с испугом воскликнул Ламберт.

Петер, бледный, с широко раскрытыми глазами, хлопал себя руками то по груди, то по бокам.

– Он заболел, – сказал Бен.

– Нет, он, должно быть, что-нибудь потерял, – возразил Карл.

– Кошелек! – прерывающимся голосом проговорил Петер. – Кошелек со всеми нашими деньгами... пропал!

Все были поражены, как громом. Никто не мог произнести ни слова.

– Поищи хорошенько в карманах, – наконец сказал Карл.

– Я уже искал... Его нет нигде! – Петер снял шапку, встряхнул ее, снова обшарил все карманы и с отчаянием взглянул на товарищей.

– Кошелька нет, братцы, и нам придется остаться не только без завтрака, но и без обеда. Что тут делать! Если бы мы были в Амстердаме, я мог бы достать денег, но здесь у меня нет ни одной знакомой души. А у вас?

Мальчики мрачно переглянулись и покачали головами. Они вдруг почувствовали страшный голод.

— Сколько было всего денег? — спросил Людвиг.

— Да разве ты не знаешь? Всего было тридцать гульденов — ведь каждый из нас внес по пять. Я поступил как дурак. Даже маленький Шиммельпенник был бы лучшим предводителем, чем я.

— Полноте! — добродушно проговорил Якоб. — К чему приходить в отчаяние? Вернемся домой, а завтра или послезавтра опять отправимся в путь.

— А денег-то мы откуда возьмем? — проворчал Карл. — Не всякий может выбрасывать на ветер по пять гульденов!

— Неужели ты полагаешь, что я заставлю вас расплатиться за мою небрежность? — воскликнул Петер. — Дома у меня есть деньги, и даже гораздо больше тридцати гульденов.

— А, тем лучше! Я не знал, что ты так богат. Ну, делать нечего, придется повесив носы отправляться домой!

— Я придумал кое-что получше.

— Что? Что такое? — закричали остальные мальчики.

— Бежать домой не повесив носы, как говорит Карл, а весело, не падая духом. Что за беда, если нам придется немножко поголодать!

— Ура! Ура нашему предводителю! — воскликнули мальчики.

— Представим себе, что нет на свете города лучше нашего Брука, — продолжал Петер, — и постараемся думать о том, что через два часа будем там. Согласны?

— Да, да!

— Так надевайте коньки! Постой, Якоб, я помогу тебе. Ну, кажется, все готовы? Вперед!

И школьники весело побежали назад.

* * *

— Господи помилуй! — с досадой воскликнул Карл, когда мальчики отбежали шагов на двадцать от городских ворот. — Опять этот оборвый в заплатанных штанах! От него никуда не скроешься! А у нашего предводителя такое нежное сердце, — насмешливо прибавил он, — что он, пожалуй, велит нам остановиться и пожать руку этому нищему!

— Да, ваш предводитель ужасный человек, — засмеялся Петер. — Но это, кажется, ложная тревога, Карл. Я нигде не вижу мальчика, который так пугает тебя... А, вот он! Да что же такое с ним?

Бледный, с крепко сжатыми губами, Ганс бежал вперед, не замечая

ничего окружающего.

– Здравствуй, Ганс Бринкер! – сказал Петер, когда тот поравнялся с ним.

Лицо Ганса просветлело.

– А, это вы, мингер? Как хорошо, что мы встретились!

– Этакая наглость! – пробормотал Карл и понесся вперед один, так как все мальчики остановились.

– Я очень рад видеть тебя, Ганс. Ты, по-видимому, чем-то расстроен. Не могу ли я помочь тебе?

– Да, у меня большое горе, мингер, очень большое. Но не в этом дело. На этот раз не вы мне, а я вам могу оказать небольшую услугу.

– Ты? Каким же это образом?

– Возвратив вам вот этот кошелек.

– Ура! – воскликнули мальчики, а Петер так горячо поблагодарил Ганса, что тот был тронут.

Услышав восторженные крики товарищей, Карл остановился. Что бы это значило? Чему они радуются? Постояв с минуту и придя к заключению, что только надежда поесть чего-нибудь могла привести их в такой восторг, он повернулся и скрепя сердце побежал назад.

Между тем Петер отвел Ганса в сторону от других.

– Как ты узнал, что это мой кошелек? – спросил он.

– Помните, третьего дня вы заплатили мне два гульдена за деревянную цепочку и посоветовали купить коньки?

– Помню.

– Вы тогда вынимали кошелек, и я заметил, что он был из желтой кожи.

– А где же ты нашел его?

– Сегодня утром, когда я вышел из дома, у меня было очень тяжело на душе, и я бежал по льду, не обращая ни на что внимания. Вдруг мне попалась под ногу какая-то доска, и я упал. А когда встал, потирая ушибленное колено, то увидел ваш кошелек. Он лежал под доской и чуть-чуть виднелся из-под нее.

– Так-так, теперь я понимаю. На этом самом месте я вынимал из кармана шарф. Должно быть, я нечаянно вытащил вместе с ним кошелек и уронил его. Ты оказал нам очень большую услугу, Ганс, и мы поделимся с тобой этими деньгами.

– Нет, мингер, я не возьму ничего, – ответил Ганс так решительно, что Петер смутился и не счел себя вправе настаивать.

«Славный мальчик! Я готов всем сердцем полюбить его», – подумал он

и прибавил громко:

– Какое же у тебя горе, Ганс? Может быть, ты скажешь мне?

– Ах, мингер, у нас случилась страшная беда! Но я и так потерял слишком много времени. Мне нужно бежать как можно скорее в Лейден, к доктору Бёкману.

– К доктору Бёкману? – с удивлением повторил Петер.

– Да, мингер, и мне нельзя терять ни минуты. Прощайте!

– Постой, мы тоже отправляемся туда... Ну, что же, друзья? Желаете вы вернуться в Харлем?

– Да, да!

– Так в путь!

– Послушай, Ганс, – сказал Петер, быстро скользя по льду рядом с ним. – Если тебе нужно побывать в Лейдене только для того, чтобы передать какое-нибудь поручение доктору Бёкману, то я могу взять это на себя. Сегодня мы не успеем попасть в Лейден, но завтра утром будем там. Обещаю тебе повидаться с доктором и переговорить с ним вместо тебя.

– Вы сделаете мне большое одолжение, мингер. Меня пугает не расстояние; я боюсь оставить надолго мою мать.

– Она больна?

– Нет, болен мой отец. Вы, конечно, знаете, что он лишился рассудка уже очень давно, еще в то время, как строили большую мельницу Шлоссен. Вчера вечером мать, стоя на коленях, растапливала печку. Вдруг он бросился на нее и стал толкать ее в огонь. Я был на канале и, услышав крик матери, побежал домой. Платье на ней уже начало дымиться, а отец крепко держал ее и заливался диким безумным смехом. Я кинулся к матери, но он одним ударом отшвырнул меня на другой конец комнаты. Я не знал, что делать, потушить огонь было нечем – в доме не было воды. Я бросился на отца, хотел вырвать у него мать, но он опять оттолкнул меня, и с такой силой, что я упал. Потом у меня совсем помутилось в голове.

Ганс замолчал на мгновение, а потом продолжил:

– Как сквозь сон помню, что я лежал на полу, мать молилась, а отец дико хохотал. В это время прибежала моя сестра Гретель – сам Бог привел ее! Она тотчас же схватила миску, налила в нее супу и поставила на пол перед отцом. Он выпустил мать и, как ребенок, потянулся к супу. Хорошо, что все кончилось благополучно и мы отделались одним страхом. Мать получила только легкие ожоги и всю ночь ухаживала за отцом. У него был страшный жар и, должно быть, сильно болела голова, потому что он все хватался за нее руками... Ах, мингер, напрасно я рассказал вам все это! Если бы отец был в полном рассудке, он не обидел бы и мухи. Его нельзя

осуждать.

Наступило небольшое молчание.

– Это ужасно, – наконец сказал Петер. – А как он чувствует себя сегодня?

– Очень плохо.

– Зачем же ты идешь за Бёкманом, Ганс? В Амстердаме много других докторов, которые согласятся лечить твоего отца. Бёкман – знаменитость. Его приглашают только богатые, да и к тем он не всегда приходит.

– Он обещал мне вчера; он сам сказал, что придет к нам через неделю. Но теперь, когда отцу так худо, доктор Бёкман, может быть, согласится навестить его поскорее. Он не станет ждать целую неделю, когда узнает, что больной при смерти. Доктор такой добрый...

– Добрый? Да он считается чуть ли не самым суровым и неприятным человеком во всей Голландии!

– Это только так кажется, должно быть, потому что он очень худ и постоянно занят. Но у него доброе, великодушное сердце. Передайте ему все, что я рассказал вам, и он наверняка согласится прийти.

– Желаю этого от всей души, Ганс. Тебе, я вижу, очень хочется поскорее бежать домой, но я попрошу тебя подождать еще минутку. Обещай мне, что, если тебе понадобится что-нибудь во время моего отсутствия, ты обратишься к моей матери. Скажи ей, что, я послал тебя, и она постарается помочь тебе, сделает для тебя все, что будет в ее силах. И вот еще что, Ганс. Ты должен взять у меня хоть несколько гульденов. Я предлагаю их тебе не в награду за найденный кошелек, а как подарок друга, от него ты не можешь отказаться.

– Нет-нет, мингер! Я не возьму ничего. Вот если бы нашлась какая-нибудь работа в Бруке или на Южной мельнице – дело другое. Но ее теперь очень трудно достать. Все говорят одно и то же: «Подожди до весны».

– Как хорошо, что ты упомянул об этом! – с жаром сказал Петер. – Моему отцу нужен работник именно теперь, и я уверен, что он охотно возьмет тебя. Твоя цепочка очень понравилась ему. «Отличная резьба! – сказал он. – Этот мальчик мог бы пригодиться мне». Отец хочет сделать резное крыльцо к нашему новому загородному дому и щедро заплатит за работу.

– Какое счастье! – радостно воскликнул Ганс. – Я никогда не брался за такую большую работу, но сумею справиться с ней, я знаю, что сумею!

– И прекрасно. Скажи отцу, что ты тот самый Ганс Бринкер, о котором я говорил ему, и он с удовольствием возьмет тебя.

– Благодарю, благодарю вас, мингер! – сказал Ганс.

— Ну, Петер, — крикнул Карл, — мы ждем твоих приказаний. Не забудь, что мы голодны, как волки!

— Сейчас, сейчас! — ответил Петер и снова обернулся к Гансу. — Тебе следовало бы поесть: до Брука путь неблизкий. Позавтракай с нами, а потом я уж не стану задерживать тебя.

Только теперь почувствовал Ганс, как ему хочется есть и как он устал. Но о том, чтобы идти завтракать, не могло быть и речи.

— Нет, мингер, мне нельзя терять ни минуты, — решительно сказал он. — Отцу, может быть, стало еще хуже, и я могу понадобиться матери. Да хранит вас Бог!

Он поклонился и побежал назад.

Петер с минуту следил за ним глазами, потом глубоко вздохнул и воскликнул:

— Ну, друзья! Идем завтракать!

Глава VII. Три подруги. – Бринкеры. – Харлем

Читатель, может быть, думает, что наши путешественники забыли о состязаниях, назначенных на двадцатое число?

Ничуть не бывало. Напротив, они не раз вспоминали и говорили о них в течение дня. Даже Бен, которого сильно интересовало все попадавшееся на пути, нет-нет да и вспоминал о серебряных коньках, призе победителя.

Как настоящий Джон Буль^[11], он нимало не сомневался, что его «английская ловкость», «английская сила» и вообще все английские качества и совершенства помогут ему одержать верх на предстоящей гонке и таким образом пристыдить Голландию, а вместе с ней и весь мир.

Бен, действительно, отлично катался на коньках. Ему не приходилось, конечно, так часто упражняться в этом искусстве, как его новым товарищам, но зато он умел пользоваться каждым представлявшимся ему случаем и употреблял все силы, чтобы не только сравниться с голландцами, но и превзойти их. Гибкий, стройный, он скользил по льду так же свободно и естественно, как плавает рыба или летает птица.

Из всех детей, живших в Бруке и его окрестностях, один только Ганс не думал о серебряных коньках: ему было не до того. Даже Гретель, сидя вместе с матерью у постели больного отца, не раз мечтала о них. Что же касается Гильды, Ричи и Катринки, то все их помыслы вертелись вокруг одного: «На двадцатое число назначены состязания, и призом будут серебряные коньки!»

Эти три девочки были почти одних лет, принадлежали к одному кругу общества, но резко различались между собой. С Гильдой читатель уже познакомился и знает, какая это добрая и великодушная девочка.

Ричи Корбес была совсем другой. Тщеславная и самоуверенная, она слишком много думала о себе и малейшее противоречие раздражало ее. Кроме того, она придавала слишком много значения происхождению и богатству и смотрела на бедных людей, как на какие-то низкие существа. Они могут, конечно, работать на нее и, пожалуй, любоваться ею, но только издали. Вот почему ее так возмущала даже мысль о том, что Ганс и Гретель будут участвовать в состязаниях.

Катринка, живая, легкомысленная девочка, легко подпадала под влияние других. Все любили ее за веселость, но едва ли она могла внушить

серьезную привязанность, так как сама не была способна сильно привязаться к кому-либо. Ричи считала общество Ганса и Гретель позорным для себя и своих подруг, и Катринка поддакивала ей. Но если бы она раньше поговорила с Гильдой и узнала ее мнение на этот счет, то наверняка так же охотно согласилась бы и с ней.

Отцу Гильды принадлежал лучший дом в Бруке. Его блестящая крыша из отполированной черепицы и ярко расписанный подъезд возбуждали всеобщий восторг.

Ричи жила около Амстердама, в великолепном доме, уставленном богатой мебелью. Стены его были обтянуты вместо обоев дорогой шелковой материей, а буфет и шкафы полны серебряной и золотой посуды.

У отца Катринки было прекрасное поместье в миле от Брука. Сад, аккуратно разделенный дорожками на ровные квадратики, напоминал шахматную доску и был очень хорош летом, когда на всех клумбах распускались цветы. Катринка больше всего любила белые гиацинты. Ей нравилась их свежесть, аромат и тот несколько легкомысленный вид, с каким они кивали головками при самом легком дуновении ветерка.

Какая громадная разница между всей этой роскошью и жалкой хижиной Бринкеров!

Бедная Гретель! Еще грустнее и мрачнее обычного был теперь ее дом. Отец лежал и стонал на своей грубой постели. Мать ухаживала за ним, мочила ему голову холодной водой и со слезами молила Бога сохранить ему жизнь. Ганс ушел в Лейден, чтобы повидаться с доктором Бёкманом и попросить его поскорее навестить больного.

Гретель, сердце которой сжалось от горя и страха, кое-как управлялась по хозяйству. Она вытерла мокрой тряпкой кирпичный пол, принесла торф, развела небольшой огонь и растопила лед, чтобы не было недостатка в воде. Покончив с этим, она села на скамеечку около матери и стала упрашивать ее лечь и постараться заснуть.

— Ты так устала, мама! — прошептала она. — Ведь ты ни на минуту не заснула в эту ужасную ночь! Посмотри, какую славную постель я тебе устроила! Я положила на нее все, что можно, чтобы тебе было помягче. Вот твоя кофта. Сними свой праздничный наряд и дай мне. Ты увидишь, как аккуратно я сверну его и уложу в сундук.

Метта покачала головой, не сводя глаз с лица мужа.

— Я могу присмотреть за ним, мама, — настаивала Гретель, — и разбуджу тебя, как только он пошевельнется. Ты так побледнела, и у тебя такие красные глаза. Мама, милая мамочка, пожалуйста, ложись!

Но ее просьбы не привели ни к чему: Метта боялась отойти от постели

больного мужа.

Гретель тревожно взглянула на нее и задумалась. Очень ли дурно поступает она, любя отца и мать неодинаково? Отца... Да, его она боится, а к матери чувствует такую сильную, такую горячую любовь!

«А вот Ганс не то, что я, он очень любит папу, — думала она. — Положим, я плакала, когда папа в прошлом месяце схватил нож и разрезал себе руку; мне и теперь очень жаль его: он так стонет! Может быть, и я люблю его, и уж не такая я дурная, испорченная девочка, как мне кажется?.. Да, я люблю бедного папу, хоть и не так сильно, как Ганс, потому что боюсь его, а Ганс такой сильный, что ничего не боится... Господи! Неужели же папа никогда не перестанет стонать? Бедная мама, как она печальна! О, только бы не умер отец! Боже, помоги нам, не дай ему умереть!»

И Гретель стала горячо молиться. Она не могла бы сказать, сколько времени продолжалась ее молитва. Около постели больного стоял большой глиняный таз, в котором горел торф. Гретель поставила его сюда, «чтобы папа не дрожал». Она взглянула на пламя, освещавшее фигуру матери. Как оживляется ее истомленное лицо, когда по нему пробегает красноватый отблеск! А ее юбка и корсаж выглядят совсем новыми.

Потом Гретель сосчитала все стекла в окнах, по большей части разбитые, но аккуратно замазанные; осмотрела все трещины в стенах и перевела глаза на хорошенькую резную полку, сделанную Гансом. На ней лежала фамильная драгоценность — толстая Библия в кожаном переплете с медными застежками. Это был свадебный подарок родителей Метты.

«Какой молодец Ганс: он может сделать все! — подумала Гретель. — Если бы он был здесь, то, наверное, сумел бы положить папу как-нибудь поудобнее, чтобы тот не стонал. Господи, Господи, когда же он выздоровеет, когда перестанет мучиться!.. А нам теперь уж нечего и думать о состязаниях: мы не попадем туда!»

И слезы полились из глаз Гретель.

— Не плачь, моя девочка, — нежно сказала Метта. — Болезнь отца, может быть, не так опасна, как нам кажется. С ним и раньше бывали такие припадки.

Гретель не могла удержаться и зарыдала.

— О, мама, я плачу не только от этого... ты не знаешь... я очень, очень дурная девочка!

— Ты, Гретель, такая терпеливая, такая добрая! — сказала Метта, с любовью взглянув на нее. — Ну, перестань же, моя милая. Ты разбудишь отца.

Гретель прижалась головой к коленам матери, стараясь удержать слезы. Ее худенькая смуглая рука лежала в загрубевшей от работы руке Метты. Ричи, наверное, содрогнулась бы от одной мысли прикоснуться к таким рукам, а между тем в их крепком пожатии было столько нежности, столько любви!

– Папа хотел сжечь тебя, мама, – сказала, наконец, прерывающимся голосом Гретель, подняв голову, – да, сжечь. И я видела... видела сама... что он смеялся!

– Тс-с-с! Молчи!

– Тс-с-с! Молчи!

Метта так неожиданно и быстро остановила ее, что даже Рафф Бринкер, лежавший неподвижно, как мертвый, вдруг пошевелился. Гретель замолчала и стала тихо водить рукой по юбке матери на том месте, где она было прожжена.

* * *

Позавтракав и отдохнув, наши молодые путешественники вышли из кофейной.

Петер еще не оправился от тяжелого впечатления, произведенного на него рассказом Ганса, и шел, глубоко задумавшись.

– Проснись, дедушка! – крикнул ему Людвиг. – Что же ты не говоришь, куда идти?

– Сюда, сюда, друзья! – сказал Петер, вспомнив о своих обязанностях предводителя. – Пройдемся по городу!

И мальчики пошли по выложеному кирпичами тротуару, который лежал на одном уровне с замощенной булыжником улицей.

Какая-то странная фигура двигалась им навстречу. Вблизи это оказался маленький человечек в черной одежде и коротком плаще. На голове у него были парик и треугольная шляпа с прикрепленной сзади длинной креповой вуалью.

– Какой уморительный! – сказал Бен. – Кто это такой?

– Глашатай, – ответил Ламберт. – Должно быть, кто-нибудь умер.

– Так это траурный костюм?

– Нет-нет! Глашатай уведомляет родных и друзей покойного о его смерти и присутствует на похоронах...

– Какой странный обычай!

– Мы привыкли к нему... А вот и новое существо явилось на свет!

Бен вытаращил глаза.

– Что ты имеешь в виду? – воскликнул он.

– Взгляни вон на ту дверь. Видишь хорошенъкую красную подушечку для булавок, которая висит над ней?

– Ну, вижу.

– Это значит, что в доме родился мальчик.

– Почему же мальчик?

– Потому что когда рождается девочка, то вывешивают не красную, а

белую подушечку. У богатых эти подушки бывают очень красивы, с лентами и кружевами; но и бедные стараются по возможности хоть чем-нибудь украсить их.

– Смотри, смотри, там родилась девочка! – воскликнул Бен. – Белая подушечка висит над дверью вон того дома со смешной крышей!

– Я не вижу никакой смешной крыши.

– Ах, я все забываю, что тебе они не кажутся смешными. Я говорю про дом, который стоит рядом с большим зеленым зданием.

– Верно, там родилась девочка...

– Послушай-ка, Петер! Нам нужно поскорее убираться с этой улицы новорожденных. Все эти младенцы того и гляди заревут!

Петер расхохотался.

– Я избавлю вас от такой музыки. Мы лучше пойдем послушать знаменитый Харлемский орган. Церковь теперь отперта.

Петер был прав: церковь действительно была открыта. Службы не было, но на органе кто-то играл.

Музыка волнами вырвалась из храма, когда они входили в него. Звуки эти, гармонически сливаясь, то гремели, напоминая шум рассвирепевшей бури или рев океана, хлынувшего на берег, то замирали, сменяясь серебристым звоном колокольчиков, а потом снова разрастались и наполняли весь храм. Вдруг раздался какой-то жалобный стон, как будто голос человека, молящего о помощи. Громовые раскаты заглушили его, но он послышался опять, еще раз. Буря стала затихать, замер и человеческий голос. Полилась нежная, чарующая мелодия, в которой было что-то неземное. Бену и Петеру казалось, что они слышат пение ангелов.

Вдруг кто-то дернул Петера за рукав.

– До каких же пор будем мы стоять тут? – сказал Карл. – Уж давно пора идти.

Делать нечего, пришлось уходить.

– Какая чудесная музыка! – восхитился Бен. – Это лучшее из того, что я видел или слышал в Голландии!

Выйдя из церкви, путешественники остановились, чтобы сговориться насчет дальнейшего маршрута. Решено было немедленно отправиться в Лейден, и через несколько минут вся компания весело бежала по льду канала.

– Если хочешь видеть Харлем во всей красе, – сказал Ламберт, обращаясь к Бену, – то приезжай сюда летом. Нигде во всем мире ты не увидишь столько прелестных, редких цветов. Кроме того, здесь много прекрасных мест для загородных прогулок, а лес из высоких, развесистых

вязов тянется на несколько миль. Нет дерева лучше голландского вяза. Разве только английский дуб может сравниться с ним.

– Да, да, английский дуб, – машинально повторил Бен.

Мысли его унеслись далеко, в Лондон, и вот уже образы маленького брата Робби и сестры Дженни носились перед ним.

Глава VIII. Замок. – Маленький герой. – На канале

В то время как Бен думал о брате и сестре, его спутники слушали рассказ Петера:

– Давно, очень давно на этом самом месте стоял древний замок. Он принадлежал знатному лорду, который так жестоко обращался с городскими бургераами, что они, наконец, потеряли терпение и осадили замок. Долго длилась осада. Наконец гордый лорд, утратив всякую надежду на спасение, решил сделать вылазку и умереть, как храбрый воин, с оружием в руках. Но жена остановила его. Она вышла на вал и, обещав осаждающим сдачу замка, попросила, чтобы ей позволили выйти и взять с собой столько драгоценностей, сколько она будет в силах унести. Позволение было дано. Она снова вернулась в замок и через несколько минут вышла оттуда, неся на плечах своего мужа. И бургеры, тронутые такой самоотверженной любовью, почтительно расступились и пропустили ее.

– Неужели ты полагаешь, Петер, что это правда? – недоверчиво спросил Карл.

– Конечно. Это исторический факт. Да и что тут невероятного?

– Да у женщины не хватило бы на это сил!

– Могло хватить, если она любила мужа.

– Конечно, – согласился Якоб. – Я тоже вполне уверен, что это не сказка. Если я когда-нибудь женюсь, то только на женщине, способной оказать мне такую же услугу.

– Да поможет ей Бог, – воскликнул Карл, оглядывая фигуру Якоба Пута. – Ведь и троим мужчинам трудно было бы тащить тебя!

– Может быть, она и не сладит, – сказал Якоб, чувствуя, что и на самом деле требует слишком много от будущей госпожи Пут, – но мне хотелось бы, по крайней мере, быть уверенным в ее готовности сделать это.

– Ну, довольно болтать! – прервал их Петер. – Пора отправляться в путь!

* * *

В то время как Бен, скользя по льду канала, думал о брате и сестре, они сидели в хорошенькой английской школе вместе с другими детьми. Был урок чтения.

— Мы остановились на 242-й странице, — сказал учитель. — Читай, Роберт Доббс, и не спеши.

И Робби начал читать тоненьким звонким голоском.

«Урок шестьдесят второй. Маленький Харлемский герой. Много лет тому назад жил в Харлеме, одном из главных городов Голландии, маленький мальчик. Отец его был надсмотрщиком при шлюзах. Обязанность надсмотрщика состоит в том, чтобы время от времени отворять шлюзы и поддерживать уровень воды в каналах. На ночь шлюзы тщательно запираются, так как переполнение каналов водой может вызвать наводнение. Даже маленькие дети в Голландии знают, что только плотины и шлюзы сдерживают воду и что малейшая небрежность надсмотрщика может повлечь за собой разорение и смерть».

— Хорошо, — сказал учитель. — Теперь Сусанна.

«Раз, в ясный осенний день, мальчик, о котором мы говорили — ему было в то время восемь лет, — понес несколько пирожков слепому старику, жившему по ту сторону плотины. Мальчик весело отправился в путь, просидел около часа со своим старым другом, а потом, простившись с ним, пошел домой. Идя вдоль канала, он заметил, как поднялась вода от осенних дождей.

“Хорошо, что шлюзы такие прочные, — подумал он. — Если бы вода прорвалась, она затопила бы все поля и огороды. Что стало бы тогда с отцом и матерью? Отец всегда называет воду сердитой. Должно быть, она сердится на него за то, что он не пропускает ее сюда”.

Думая так, мальчик напевал веселую песенку, рвал росшие около дороги цветы и иногда останавливался, прислушиваясь к легкому шороху в траве: “Это, наверное, бежит кролик — он очень пуглив”, — решил он».

— Продолжай, Генри, — сказал учитель.

«Вдруг мальчик испуганно оглянулся по сторонам. Он только теперь заметил, что солнце уже зашло. Темнота быстро надвигалась, и голубые цветы казались серыми. А до дома было еще далеко. Мальчик прибавил шагу, и сердце его сжалось, когда он вспомнил страшный рассказ о детях, заблудившихся ночью в дремучем лесу. Он не мог удержаться и побежал.

В эту самую минуту до него донесся какой-то страшный звук: ему показалось, что где-то близко капает вода. Он взглянул вверх и увидел в плотине крошечное отверстие, из которого сочилась тонкая струйка. Каждый ребенок в Голландии знает, чем грозит течь, образовавшаяся в плотине. Мальчик тотчас же понял, насколько велика опасность: если не остановить воду, из маленького отверстия сделается большое, вода хлынет и затопит все.

Мальчик сообразил, что нельзя терять ни минуты. Бросив цветы, он вскарабкался по плотине до самого отверстия и заткнул его пальцем. Этого оказалось достаточно: вода перестала течь. “Ага! – радостно улыбнувшись, пробормотал он. – Как она ни сердись, а ей не затопить Харлема, пока я здесь!”

Сначала все шло хорошо, но скоро наступила ночь и поднялся туман. Наш маленький герой начал дрожать от холода и страха. “Сюда! Помогите!” – несколько раз принимался он кричать, но никто не шел. А ночь становилась все холоднее. Палец мальчика совсем окоченел, у него заболели рука и плечо, а потом он почувствовал боль во всем теле. “Помогите! – снова закричал он. – Мама! Мама!”

Но мать не слышала его. Как аккуратная голландка, она в обычный час заперла дверь и решила утром побранить сына за то, что он без ее позволения остался ночевать у слепого Янсена. Бедный мальчик хотел было свистнуть, надеясь, что кто-нибудь услышит его, однако это оказалось невозможным, так как зубы его стучали, как в лихорадке. Тогда он начал горячо молиться, и молитва ободряла его. “Я не уйду отсюда, – подумал он, – не уйду, хоть бы мне пришлось пробыть здесь до самого утра!”»

– Теперь читай ты, Дженини Доббс, – сказал учитель.

На глаза Дженини уже давно наворачивались слезы, но она сделала над собой усилие и начала читать дальше:

«Луна взошла и осветила маленькую фигуру ребенка, сидящего на камне. Голова его была опущена, но он не спал. Вздрагивая при малейшем звуке, действительном или воображаемом, он быстро оборачивался и время от времени потирал свободной рукой другую, совсем онемевшую руку.

Кто знает, сколько выстрадал, сколько всего передумал бедный мальчик в эту страшную, бесконечную ночь! Какую борьбу вынес он в то время, как, дрожа от холода, думал о своем отце, матери, братьях и сестрах, о своей теплой мягкой постельке! Может быть, он не раз решался вынуть палец из отверстия, но мысль о том, что вода хлынет оттуда и затопит

Харлем, останавливалась его. Нет, он не допустит этого... Если только останется жив до утра. А вернее всего, что он до тех пор уже умрет. У него так странно жужжит в голове, а все тело так сильно болит, будто его колют и режут ножами!

На заре священник, возвращаясь домой от больного, шел по плотине. Вдруг до него донеслись слабые стоны и, нагнувшись, он увидел бледного, истомленного ребенка.

“Как попал ты сюда, мое дитя? – воскликнул священник. – Что ты делаешь тут?”

“Плотина дала течь, – ответил маленький герой, – и я заткнул пальцем отверстие, чтобы оттуда не хлынула вода. Позовите людей... скажите, чтобы они пришли поскорее!”

Через несколько минут... сбежался народ...»

– Дженн Доббс, – сказал учитель, – если ты не можешь сдержаться и читать внятно, мы лучше подождем, пока ты успокоишься.

– Да, сэр, – дрожащим голосом ответила Дженн.

И – странное совпадение! – в эту самую минуту Бен говорил Ламберту, только что рассказавшему ему ту же самую историю:

– Какой самоотверженный, великодушный мальчик! Я не раз слышал этот рассказ, но до сих пор не знал, что все это было на самом деле.

– Конечно, было! – горячо воскликнул Ламберт. – Я передал тебе эту историю слово в слово так, как слышал ее от матери, когда был ребенком.

* * *

Наши школьники были не одни на канале. Стояла отличная, ясная погода, и все население, воспользовавшись праздничным днем, высипало сюда, чтобы покататься по льду. Иные направлялись в Лейден, другие – в соседние селения, и на многих детях блестели новые коньки – по всей вероятности, подарок святого Николаса.

Бен с любопытством смотрел на эту веселую, оживленную толпу. Каких только лиц, каких костюмов не было тут! Рядом с модным, выписанным из Парижа туалетом виднелось старинное, попорченное молью платье, переходившее из рода в род и служившее нескольким поколениям. Шляпы, похожие на угольные корзины, нарядные чепчики, меха, свежие улыбающиеся лица и коренастые фигуры рабочих в грубой одежде – все это самым причудливым образом смешивалось здесь.

Тут были знатные дамы из Лейдена, рыбачки из приморских селений, торговки сыром, важные матроны, живущие на виллах около Харлемского озера, седые старики, сморщеные старухи с корзинами на головах и маленькие, толстенькие ребятишки, цепляющиеся за платья матерей. Некоторые женщины бежали с крошечными, чуть не грудными, детьми, которые спокойно сидели у них за плечами, привязанные яркими платками. Все это двигалось то медленно, то с поразительной быстротой; встречные кивали друг другу и, улыбаясь, обменивались нескользкими словами.

Дети постарше бегали взапуски или прятались за тяжело нагруженными торфом санями, которые не спеша тащила лошадь по отведенной для езды дороге. Иногда несколько молодых людей проносились стрелой; иногда лед трещал под креслом на полозьях, на котором важно восседала какая-нибудь старушка, обложенная подушками, с грелкой под ногами. Такие кресла двигал обыкновенно угрюмый, сонный слуга, не смотревший ни направо, ни налево; но зато старушка испуганно озиралась по сторонам, боясь, что на нее налетит кто-нибудь из шумной толпы разыгравшихся детей.

Мужчины спокойно наслаждались своим любимым занятием. Некоторые из них были в шерстяных куртках и широких панталонах. В этих детских костюмах, совсем не подходящих к их серьезным лицам, они выглядели так комично, что Бен не мог удержаться от улыбки, встречаясь с ними. К тому же у каждого изо рта торчала трубка, и все они бежали, пыхтя и пуская клубы дыма, как маленькие локомотивы.

Глава IX. Парусные лодки-сани. – План путешествия изменяется

Бен молча скользил по льду. Все окружающее так интересовало его, что он забыл о своих спутниках.

Некоторое время следил он с большим любопытством за лодками-санями, которые быстро неслись по замерзшей поверхности Харлемского озера, теперь уже видного с канала. Они были снабжены тормозами для уменьшения хода и остановки и огромными парусами, сравнительно гораздо большими, чем те, какие бывают у обыкновенных судов. Такие лодки-саны укрепляются на деревянной раме, имеющей форму треугольника. Основание его приходится около носа, вершина – около кормы, а над каждым углом приделаны гладкие железные полосы, заменяющие полозья.

Бен очень заинтересовался ими. Они были всевозможных размеров, начиная с самых маленьких, с которыми легкоправлялся ребенок, и кончая великолепными большими лодками, где могло поместиться многочисленное общество. Ими управляли опытные матросы, которые, покуривая свои вечные трубочки, правили рулем и лавировали с таким важным видом, как будто были в открытом море.

Некоторые лодки были окрашены в яркие цвета и сверкали позолотой, на их мачтах разевались разноцветные флаги; другие, совершенно белые, с белоснежными надутыми парусами, походили на лебедей, несущихся вниз по течению.

Эти лодки-саны вообще очень редко показываются на канале, и их появление всегда производит некоторое волнение, в особенности между робкими, неопытными конькобежцами. Но в этот день их тут было очень много.

Любясь ими, Бен не раз терялся, не зная, куда бежать, когда на него неслась одна из этих быстроногих птиц, поворачивая то в ту, то в другую сторону. Да и недостаточно было только увернуться от них: нужно было заботиться и о том, чтобы не натолкнуться на катающихся. Раз он остановился, заглядевшись на мальчиков, которые пробивали во льду отверстие с намерением заняться рыбной ловлей, и вдруг совершенно неожиданно очутился на коленях у какой-то пожилой дамы. Она пронзительно завизжала; слуга, двигавший ее кресло, отчаянно свистнул, и

Бен поспешил отскочил в сторону и начал извиняться. Извинения эти были, впрочем, совершенно излишними: оскорбленная дама уже пронеслась мимо.

Она пронзительно завизжала...

Но эта маленькая неловкость была пустяком сравнительно с тем, что случилось потом. Опомнившись после своего приключения с дамой, Бен оглянулся и увидел прямо перед собой огромную лодку, несущуюся на всех парусах. Сердце его замерло: он понял, что спасения нет. Как сквозь сон видел он промелькнувший мимо него золоченый нос лодки, услышал крик шкипера, почувствовал сильный удар, и затем все исчезло – он уже не слышал и не сознавал ничего.

Придя в себя, Бен сообразил, что лежит на льду. Гигантский парус задел его и отбросил на несколько шагов в сторону. Глубокая радость охватила мальчика, когда он понял, что спасся от смертельной опасности. Слава Богу! Он остался жив и снова увидит свою милую Англию, обнимет отца, мать, брата и сестру. Их дорогие лица промелькнули перед ним в то короткое мгновение, когда парус налетел на него. Только теперь Бен понял, как горячо любит их всех. Он был так счастлив, что не обратил никакого внимания на недовольные лица окружающих и на их не совсем лестные для себя замечания. Они, кажется, полагали, что за такую неосторожность ему следовало бы хорошошенько намылить голову.

Ламберт набросился на него.

– Я уж думал, что пришел твой конец! – воскликнул он. – Да и нет ничего мудреного, что ты добьешься этого! Ты же постоянно зеваешь по сторонам! Мало того, что ты садишься на колени ко всем старухам, ты еще и бросаешься под каждую лодку, несущуюся по каналу! Если ты не будешь осторожнее, нам скоро придется звать глашатая для объявления о твоих похоронах!

– Можешь избавить себя от этих хлопот, – сказал Бен, но, взглянув на Ламбера и заметив, что у того даже побелели губы от страха за него, прибавил уже другим тоном:

– Знаешь что, ван Маунен? Ожидая смерти, я за несколько секунд передумал больше, чем за всю свою жизнь.

Ламберт не ответил, и оба мальчика довольно долго бежали вперед, не говоря ни слова. Петер и остальные товарищи догнали их.

– Мы болтались, а потом остановились, чтобы дать Путу отдохнуть.

– Да, он, кажется, сильно устал, – тихо проговорил Ламберт.

В эту минуту показалась великолепная лодка с развевающимся флагом, тихо и плавно скользившая по льду. В ней сидело множество закутанных детей; розовые, улыбающиеся лица их весело выглядывали из разноцветных капоров и теплых платков. Они пели гимн в честь святого

Николаса. Стойкий хор чистых детских голосов зазвучал около наших путешественников и, мало-помалу слабея, замер вдали.

– Какая прелесть! – сказал Ламберт.

– Точно сон! – прибавил Людвиг.

– Вот бы и нам доехать до Лейдена в такой лодке! – со вздохом сказал Якоб.

– В лодке?! – с негодованием воскликнул Бен. – Ведь мы же договорились проделать весь путь на коньках, а не в лодке, как маленькие дети!

– И взрослые люди ездят в лодках, не одни дети.

Мальчики переглянулись. Конечно, было бы очень приятно прокатиться на лодке, и говорить нечего; но никто не согласится опозорить себя, отказавшись от прежнего грандиозного плана путешествия на коньках!

Поднялся горячий спор.

– Послушайте, братцы! – сказал Петер. – По-моему, этот вопрос должен решить Якоб. Он первый задумал прогулку.

Мальчики не возражали, но с тоскливым чувством взглянули на Пута, ожидая его решения.

Бедный Якоб! Он страшно устал, но, видя, что никто не сочувствует ему, не захотел идти против товарищей.

– Нет-нет, я пошутил, – сказал он. – Побежим на коньках.

В ответ раздались восторженные крики, и все весело понеслись вперед.

Невесел был только один Якоб. Он употреблял все силы, чтобы скрыть свою усталость, и старался не отставать от других. Тщетные усилия! Тело его становилось как будто все тяжелее, а ноги с каждой минутой слабели. Кровь приливалась к его толстым щекам, а между тем он дрожал от холода. Наконец в ушах у него зашумело, все завертелось и закружилось у него в глазах, и он, потеряв сознание, упал на лед.

– Якоб! Якоб! – воскликнул Бен, бросившись к нему. – Ты ушибся?

Петер и Карл подняли Якоба. Он был бледен, как смерть, и казался мертвым. Вокруг них собралась толпа. Петер развязал шарф Якоба и расстегнул ему куртку, чтобы облегчить дыхание.

– Отойдите подальше, господа! – сказал он. – Ему нужен воздух!

– Положите его! – крикнула какая-то женщина.

– Поднимите его и поставьте на ноги! – закричала другая.

– Дайте ему вина! – проворчал какой-то дюжий молодец, правивший тяжело нагруженными санями.

– Да-да, дайте ему вина! – подхватили все.

– У кого есть вино? – закричали Людвиг и Ламберт.

Какой-то сонный голланец расстегнул шубу и с таинственным видом запустил под нее руку.

– Скорее! Скорее! – обратился к нему Петер, растиравший вместе с Беном несчастного Якоба.

– Потише, молодые господа, – сказал голланец, все еще шаря под шубой, – ни к чему так шуметь!.. Ну, и осрамился же этот парень! Шутка сказать, этакий молодец – и упал в обморок, как девчонка!

Людвиг с мольбой протянул к нему руки.

– Ради Бога, поскорее! Он умрет! Нет ли вина у кого-нибудь другого?

– Он умер! – с ужасом воскликнул кто-то.

Этот возглас подействовал на голландца.

– Ну, вот возьмите! – сказал он, вытащив, наконец, бутылку. – Это шнапс. Не давайте ему много, и одного глотка будет достаточно.

И в самом деле его оказалось достаточно. Слабый румянец выступил на щеках Якоба. Он открыл глаза, сконфуженно огляделся по сторонам, машинально отвел державшие его руки и встал.

О том, чтобы продолжать путь на коньках, нечего было и думать: Якоб не вынес бы этого. А потому друзья наши решили доехать до Лейдена в лодке. К счастью, дул южный попутный ветер; оставалось только найти говорчивого лодочника, который согласился бы довезти их.

Петер окликнул первую проезжавшую мимо лодку; но матросы даже и не взглянули на него. За ней проехали еще три, на них и без того было слишком много народа. Потом пронеслась, как стрела, маленькая, хорошенькая лодочка и исчезла вдали прежде, чем Петер успел открыть рот. Что тут делать? Не лучше ли довести Якоба до ближайшего селения?

В эту минуту довольно невзрачная лодка показалась вдали. Петер, почти не надеясь на успех, окликнул ее и, сняв шапку, начал махать ею.

Парус уже спустили, и послышался скрип тормоза по льду.

– Что нужно? – спросил хозяин лодки.

– Не согласитесь ли вы довезти нас? – крикнул Петер, подбегая к нему.

– Мы заплатим за провоз, – прибавил Карл.

Это обещание, кажется, не особенно соблазнило владельца лодки, потому что он довольно угрюмо проворчал, что у него не трешкот.

– Сколько вас? – спросил он, обращаясь к Петеру.

– Шестеро.

– Ну, так и быть, я возьму вас: ведь сегодня День святого Николаса. А молодой господин болен?

– Он очень утомился. Мы от самого Брука бежали на коньках... Вы едете в Лейден?

– Все зависит от ветра. Пока он дует в ту сторону... Ну, залезайте!

Бедный Якоб! Как жаль, что он был еще не женат и около него не было самоотверженной госпожи Пут! Ее услуги пришлись бы как нельзя более кстати. С неимоверными усилиями мальчикам наконец удалось втащить Пута в лодку. Хозяин, не выпуская изо рта трубки, поднял парус, отпустил тормоз и, скрестив руки на груди, уселся на корме.

– Ах, как быстро несется наша лодка! – воскликнул Бен. – Лучше тебе, Якоб?

– Да, гораздо лучше.

– Минут через десять ты совсем оправишься: эта быстрая езда оживит тебя.

Якоб кивнул головой и закрыл глаза.

– Не вздумай спать, Якоб. В такой мороз это очень опасно.

– Я не засну, – уверенно сказал Якоб.

Но не прошло и двух минут, как он захрапел. Карл и Людвиг расхохотались.

– Нужно разбудить его! – воскликнул Бен. – Он может замерзнуть. Якоб! Якоб!

Некоторые из мальчиков тоже принялись будить и тормошить Пута.

– Оставьте его, – вмешался Петер. – Никакой опасности нет. Если бы он замерзал, то не мог бы так храпеть. Нужно только накрыть его чем-нибудь теплым. А вот и плащ... Эй, капитан! Можно взять ваш плащ?

Тот молча кивнул.

– Пусть выспится хорошенько, – продолжал Петер. – Далеко ли до Лейдена, капитан?

– Не больше пары трубок. Пф-пф-пф! А может быть, и полторы... Пф-пф, если продержится ветер. Пф-пф!

– Что такое он говорит? – спросил Бен, обращаясь к Ламберту.

– Он говорит, что до Лейдена не больше двух трубок. Наш народ часто измеряет расстояние временем, которое нужно, чтобы выкурить трубку.

– Ну, смешной же у вас народ!

– А у вас в Англии нет ничего смешного? – воскликнул Ламберт, обиженный замечанием Бена. – Советую тебе почаще вспоминать о вашем лондонском лорд-мэре, который, вступая в должность, должен сосчитать гвозди на лошадином копыте, чтобы доказать, что он человек образованный.

– Кто рассказывал тебе это?

– Кто бы ни рассказывал, а это правда. Странно, что ты обращаешь такое внимание на все, что тебе кажется смешным у нас, а своих английских обычаев даже не знаешь.

– Когда вернусь домой, непременно узнаю все подробности относительно лорд-мэра, – сказал, сдерживая улыбку, Бен. – А как быстро мы несемся! Что за прелесть эти лодки на полозьях!

Лодка, действительно, летела как птица, и не успели наши путешественники опомниться, как остроконечные крыши Лейдена показались вдали.

Пора было будить Пута. Когда его наконец растолкали, оказалось, что он совсем здоров и чувствует себя превосходно.

Мальчики горячо поблагодарили лодочника, а Петер протянул ему несколько серебряных монет.

– Нет, я не возьму ничего, – сказал лодочник. – Одно дело плата за проезд, а другое дело дружеская услуга.

– Конечно, так. Но у вас, наверное, есть дети. Купите им на эти деньги каких-нибудь лакомств в День святого Николаса.

– Ловко же вы отгадали, – улыбаясь сказал лодочник. – У меня, действительно, куча ребят – их наберется с целую лодку.

И он без дальнейших отговорок взял деньги.

Через несколько минут парус опустился и тормоз зацарапал по льду.

– Прощайте, капитан! – крикнули мальчики, схватив свои коньки и высказывая из лодки. – Благодарим вас!

– Прощайте!

– Ну, теперь пойдем искать гостиницу! – скомандовал Петер. – Да двигайтесь поживее, братцы!

Глава X. Мингер Клиф и его запасы. – Лейден

Молодые люди скоро нашли скромную гостиницу, над дверью которой был нарисован преуморительный зверь, а над ним стояла пояснительная надпись: «Красный Лев».

Хозяин этой гостиницы, Гюйгенс Клиф, был низенький человек на коротеньких ножках, которые были едва ли длиннее чубука его трубки. Но зато он сильно раздался в ширину и поражал своей толщиной.

Наши путешественники страшно проголодались.

– Ну, хозяин, давайте нам поскорее закусить, – сказал Петер. – Что у вас есть?

– Все, что угодно, мингер.

– Отлично. В таком случае дайте нам сосиски и пудинг.

– Сосиски все вышли, мингер. Пудинга тоже нет.

– Ну, так винегрету, да побольше.

– Ах, мингер, к сожалению, я не могу предложить вам и его.

– В таком случае дайте нам яиц, но, пожалуйста, поскорее.

– Зимние яйца – плохая еда, – усмехнулся хозяин и поднял брови.

– Значит, и яиц нет? Ну, давайте икры.

Хозяин всплеснул толстыми руками.

– Икры? – воскликнул он. – Разве в гостиницах подают икру? Ведь это страшно дорого.

– Так что же, наконец, у вас есть?

– Что у меня есть? Да решительно все: ржаной хлеб, кислая капуста, картофель и селедки, самые жирные во всем Лейдене.

– Как вы полагаете, друзья? – спросил Петер. – Годится такое угощение?

– Да, да, лишь бы он подавал поскорее! – закричали все.

Хозяин вышел и вернулся с таким видом, как будто двигался во сне. Но лицо его оживилось и глаза широко раскрылись, когда он увидел, с какой изумительной быстротой исчезают его селедки. За селедками появился картофель, потом ржаной хлеб и кофе и, наконец, сухие, как камень, пряники. Этот изысканный десерт не входил в обычновенное меню, но хозяин, доведенный до крайности, решился вытащить пряники из своего собственного, личного запаса и торжественно положил их на стол.

Наконец путешественники встали и объявили, что они сыты.

«Надеюсь, что так», – подумал хозяин и, потирая руки, спросил:

– Господам, наверное, понадобятся постели?

– Неужели вы полагаете, что мы сейчас же завалимся спать? – спросил Карл.

– Нет, я не думаю этого. Но если вам потребуются постели, то их нужно согреть, а белье проветрить. Никто еще, благодарение Богу, не спал на сырых простынях в «Красном Льве».

– А, понимаю. Как же ты решишь, Петер? Вернемся мы сюда на ночь?

– Почему же нет? Мы отлично переночуем здесь.

– Вот, что правда то правда, мингер, – одобрительно сказал Клиф.

– Так, пожалуйста, приготовьте комнаты к девяти часам.

– У меня есть одна великолепная большая комната с тремя кроватями.

В ней хватит места для всех вас.

– И прекрасно.

– Куда же мы пойдем? – спросил Ламберт, выйдя вместе с товарищами на улицу.

– Я должен на некоторое время расстаться с вами, братцы, – сказал Петер. – Мне нужно повидаться со знаменитым доктором Бёкманом. Если он в Лейдене, его нетрудно будет найти: он всегда останавливается в гостинице «Золотой Орел». А вам следовало бы показать Бену здешний музей. Ты не прочь, Бен?

– Конечно, не прочь.

– Значит, так и сделаем, – решили все.

Якоб предпочел идти с Петером. Бен попробовал было уговорить его остаться в гостинице и отдохнуть, но никакие доводы не действовали на Пута. Он уверял, что чувствует себя как нельзя лучше и что ему хочется осмотреть Лейден, в котором он еще ни разу не был.

– Пусть идет, это не повредит ему, – сказал Ламберт. – А как хорошо провели мы день и чего только ни насмотрелись! Как-то не верится даже, что только сегодня утром мы выехали из Брука.

Якоб зевнул:

– Да, я тоже отлично провел время. Но мне кажется, что мы путешествуем уже целую неделю.

Карл засмеялся и пробормотал что-то насчет людей, которые только и делают, что спят.

– Ну, вот мы и дошли до угла, – сказал Петер. – Тут нам придется разойтись в разные стороны. Не забудьте, что к восьми часам мы все должны собраться в гостинице «Красный Лев».

* * *

Бен и его спутники вернулись в гостиницу первыми и уселись около огромной пылающей печи. Скоро после них пришли Петер и Якоб. Петеру не удалось повидаться с доктором Бёкманом.

— Еgo нет в Лейдене, — сказал хозяин гостиницы «Золотой Орел», — в этом я могу поручиться. Приезжая в город, он всегда останавливается у меня, и каждый раз у дверей собирается целая толпа. Просто отбою нет от больных. Что за дурачье этот народ!

— Но ведь он знаменитый хирург, — заметил Петер.

— Да, но зато пренеприятный человек. Если бы он не платил так щедро да не приманивал народ в мою гостиницу, я ни за что не пустил бы его к себе.

Тут хозяин, должно быть, спохватился, что говорил слишком откровенно с незнакомыми людьми, и прибавил уже совсем другим тоном:

— Так что же вам угодно, господа? Желаете вы поужинать или, может быть, останетесь ночевать?

— Нет, нет, ничего не нужно, — ответил Петер. — Мне только хотелось повидаться с доктором Бёкманом.

— Так попробуйте поискать его. Во всяком случае в Лейдене его нет.

Но Петер решил сделать хоть что-нибудь. Он написал записку и взял с хозяина обещание передать ее доктору, как только тот приедет. Покончив с этим, Петер и Якоб вернулись в гостиницу «Красный Лев».

Дом, в котором она помещалась, принадлежал когда-то богатому бургера^[12]. Потом он несколько раз переходил из руки в руки и в конце концов достался мингеру Клифу. Дом был шестиэтажный. Три нижних этажа были одинаковой ширины, но различной высоты; остальные помещались под высокой остроконечной крышей и постепенно суживались кверху. Выходящие на улицу окна располагались в живописном беспорядке, без всякого соблюдения симметрии. Крыша была из блестящей черепицы.

Мингер Клиф очень гордился своим домом, а в особенности — общей залой нижнего этажа. Это была большая, высокая, почти пустая комната. Пол из желтых и красных квадратиков очень напоминал шахматную доску, в огромной печи всегда пылал яркий огонь, а высоко над ней, на выступе, стояли подсвечники и лежали спичечницы. Меблировка залы состояла из дюжины стульев с высокими спинками, трех столов, шкафа и буфета, уставленного бутылками, кружками и разной глиняной и стеклянной посудой.

Теперь в ней собралось девять человек. Около печи поместились два сонных голландца в деревянных башмаках и молча покуривали свои трубочки. Мингер Клиф в широкой зеленой куртке, кожаных штанах, доходивших ему до колен, и мягких войлочных туфлях неслышно двигался то туда, то сюда. На стульях сидели в разных позах наши юные путешественники, а в углу лежала куча коньков.

Около печи поместились два сонных голландца...

На ужин подали ржаной хлеб, пикули^[13], нарезанную ломтиками колбасу, кофейник с довольно подозрительным кофе и опять-таки пряники. Молодежь жадно накинулась на эти скромные яства, и Якоб уверял, что никогда в жизни не ужинал с таким аппетитом. Один только Бен немножко привередничал и не раз делал кислую гримасу, глядя на свою тарелку.

После ужина друзья поболтали, а потом под предводительством угрюмого слуги, несшего коньки и зажженную свечу, пошли в спальню с тремя кроватями.

Толстая девушка встретила их в дверях и, поклонившись им, ушла. В руках у нее было что-то вроде сковороды с крышкой и длинной ручкой.

– Вот это славно! – сказал Ламберт.

– Что такое? – спросил Бен.

– А то, что мы ляжем в теплые постели. Разве ты не видел, что девушка несла грелку с горячими углями?

– Грелку?

– Да, да, – сонным голосом ответил Ламберт.

Хваленая комната оказалась очень холодной и мрачной. Камин только что затопили и, казалось, даже он дрожал от холода, стараясь разгореться. Окна были без занавесок, а гладкий навощенный пол блестел, как лед.

Три камышовых стула стояли около трех узеньких кроватей, что делало комнату похожей на больничную палату. В другое время мальчики наверняка бы разворчались, если бы им предложили устроиться в шестером на трех постелях; но теперь они так устали, что с удовольствием улеглись попарно на мягкие перины. Если бы они были в Германии, то им приготовили бы и вместо одеял такие же перинки. Но в Голландии одни только богачи позволяют себе подобную роскошь.

Людвиг, уставший меньше других, попробовал было начать битву подушками, но никто не поддержал его. Волей-неволей и ему пришлось ложиться спать.

– Спокойной ночи, друзья! – сказал Петер.

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

И в комнате все затихло.

Глава XI. Дворец в лесу. – Гаага

На другой день мальчики осмотрели все достопримечательности города и после раннего обеда распостились с мингером Клифом и покинули его гостеприимное, но не особенно привлекательное жилище.

От Лейдена до Гааги считается тринадцать миль. Наши путешественники были уже не так бодры, как накануне, когда уезжали из Брука, но все-таки не особенно утомились и были веселы, как жаворонки. Они быстро неслись вперед и так же быстро уничтожали пряники, вытаскивая их на бегу из карманов.

– А не пройти ли нам в город лесом? – сказал Людвиг, когда до Гааги осталось не больше мили. – Бену интересно будет взглянуть на него.

– Отлично! – крикнули все и в одно мгновение сняли коньки.

На этот лес, действительно, стоит посмотреть. Он тянется на протяжении двух миль, а в центре его стоит так называемый «Дворец в лесу» – одна из летних резиденций голландских королей.

Дом, снаружи слишком скромный для дворца, роскошно отделан и убран внутри. Стены комнат расписаны фресками или обтянуты китайской шелковой материей с чудесными вышивками. Здесь очень много редких картин, а одна из зал увешана фамильными портретами.

Парк, окружающий дворец, замечательно красив, в особенности летом. Высокие вековые дубы гордо поднимают свои вершины, как бы зная, что ни одна рука не осмелится подняться на них. И в самом деле, голландцы смотрят на этот лес как на что-то священное: здесь никогда не раздавался стук топора, здесь никто никогда не обломил ни одной веточки. Даже смуты и войны не коснулись этой святыни. Филипп Испанский^[14], резавший голландцев целыми сотнями, издал указ, который запрещал вырубать деревья в этом чудесном лесу. А однажды, когда государственные финансы истощились и правительство решило пожертвовать лесом, народ спас его, собрав значительную сумму, в которой нуждалось государство.

И в этот зимний вечер заповедный лес был необыкновенно красив, со своими высокими обнаженными деревьями и замерзшими, гладкими, как зеркало, прудами.

Солнце заходило, и Гаага уже показалась вдали.

– Наконец-то мы отдохнем как следует, друзья! – радостно воскликнул Петер. – У нас будут и хорошие постели, и теплые комнаты, и вкусные кушанья, наше пребывание в «Красном Льве» научит нас еще ценить

родной кровь.

Сестра Петера очень радушно приняла гостей и угостила их отличным обедом. Разговор не умолкал ни на минуту. Путешественники наперебой спешили рассказать хозяйке обо всем, что видели и испытали во время пути.

После обеда пришел зять Петера, мингер ван Генд, и стало еще веселее.

Вечер пролетел незаметно, и, пожелав друг другу спокойной ночи, все разошлись по своим спальням. Мальчики пробыли в Гааге целых три дня: радушные хозяева ни за что не хотели отпускать их раньше.

Подробно описывать все, что они видели в Гааге, было бы слишком долго. Мальчики катались верхом по городу, побывали еще раз в заповедном лесу, осмотрели картинную галерею и долго пробыли в музее.

Насмотревшись разных диковинок, мальчики долго гуляли по улицам. Голландские рабочие делают свое дело молча, не произнося ни слова и ограничиваясь одними жестами. Целые трешкоты с сыром или селедками разгружаются и переносятся в склады в глубоком молчании. Если прохожий желает избежать толчков, то должен сам следить за своей безопасностью и сторониться вовремя; рабочие, занятые делом, не считают нужным смотреть по сторонам.

Бедный Якоб попался и тут: огромный круг сыра упал ему на голову. Но он безропотно перенес это и только поморщился. Бен стал было утешать его, но Якоб пробормотал, что это «ничего».

– Так зачем же ты сделал такую гримасу?

– Просто потому, что не люблю запах сыра.

Бен заметил, что табак продается чуть не во всех магазинах, а над дверьми каждой аптеки нарисована голова турка с разинутым ртом, а то и китайский мандарин, тоже открывший рот. По ужасным гримасам турка и китайца можно было догадаться, что они готовятся принять какое-то противное лекарство.

Бена интересовали и маленькие, запряженные собаками тележки, в которых торговцы развозят своим покупателям селедку или молоко. Когда же все распродано, они сами усаживаются в тележки и собаки везут их домой. В Гааге есть даже школа для собак, где их приучают к езде.

Три дня, которые мальчики провели в Гааге, пролетели как сон. В последний день они остались дома, чтобы好好енько отдохнуть и собраться с силами, а в понедельник утром, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, пустились в обратный путь.

Глава XII. Операция. – Гретель и Гильда

Прошло уже четыре дня с тех пор, как мы покинули Бринкеров. Посмотрим, что делается у них.

Рафф стал еще бледнее; у него даже нет лихорадки, но он по-прежнему ничего не помнит и не сознает.

Доктор Бёкман здесь. Он вполголоса говорит что-то высокому молодому человеку, который внимательно слушает его. Это его ассистент. Ганс стоит в сторонке, у окна, не решаясь подойти ближе, пока его не позовут.

– Как видите, Волленговен, – говорит доктор Бёкман, – все признаки указывают на... – и он заговорил на каком-то языке, в котором самым удивительным образом перемешивались голландские и латинские слова.

Через некоторое время, заметив, что Волленговен с недоумением смотрит на него, доктор удосужился перейти на обычновенный, удобопонятный язык.

– Так я хочу сказать, – продолжал он, – что в настоящем случае мы видим те же признаки, как и у Рипа Дондерденка. Тот упал с мельницы и после падения лишился памяти и рассудка, а потом впал в полнейший идиотизм. Одно время он лежал так же неподвижно, как и этот больной, так же стонал и постоянно хватался за голову. Мой ученый друг, ван Шоппен, сделал ему операцию и нашел под черепом небольшую опухоль, давившую на мозг. Она-то и была причиной страданий его пациента. И ван Шоппен вырезал ее. Замечательная операция!

– А больной остался жив? – почтительно спросил ассистент.

Доктор нахмурился.

– Насколько я помню, пациент умер, – проворчал он, – но дело не в этом. Главный интерес заключается в самой болезни и произведенной над больным операции. Обратите внимание...

И доктор снова заговорил на своем мудреном языке.

– Но, мингер, – поспешил прервать его Волленговен, знаящий, что Бёкман способен проговорить несколько часов, если его не остановить сразу, – не забудьте, что вам сегодня нужно побывать еще в нескольких местах. У вас три ноги в Амстердаме, глаз в Бёрке и опухоль на канале.

– Опухоль может подождать, – задумчиво проговорил доктор. – Да, это тоже интересный случай, очень интересный! Больная в течение двух месяцев не могла поднять головы – великолепная опухоль!

Бёкман заговорил громко, забыв, где он и зачем пришел сюда. Волленговен опять попытался остановить его.

– А этот больной? Вы полагаете, что операция принесет ему пользу?

– Да, да, конечно, – опомнившись, пробормотал доктор. – По крайней мере, я надеюсь.

– Если кто-нибудь может помочь ему, то, конечно, только вы, мингер, – с жаром проговорил ассистент. – Во всей Голландии нет другого такого хирурга.

Доктор нахмурился и, проворчав что-то о не имеющей отношения к делу болтовне, подозвал Ганса.

Знаменитый врач терпеть не мог объясняться с женщинами, в особенности когда дело шло об операциях. «Беда с этим бабьем! – говорил он. – Того и гляди завизжат или упадут в обморок». А потому он предпочел потолковать с Гансом и, объяснив ему состояние Раффа, высказал свои соображения относительно операции.

Ганс то бледнел, то краснел, слушая доктора и временами бросая тревожные взгляды на больного.

– Вы говорите, мингер, что операция опасна и отец может умереть? – дрожащим голосом прошептал он.

– Да, мой мальчик. Но гораздо больше вероятность, что он не умрет, а выздоровеет. Очень жаль, что я не могу изложить тебе все это вполне точно и научно. Ты все равно ничего не поймешь.

Ганс промолчал.

– Да, ты все равно ничего не поймешь, – с досадой повторил доктор Бёкман. – И каждый раз одно и то же. Как только предложишь серьезную операцию, прежде всего спрашивают: «А вынесет ли ее больной?»

– Но ведь в этом вопросе заключается для нас все, мингер, – с достоинством сказал Ганс.

Доктор Бёкман смущился и быстро взглянул на него.

– Да-да, ты прав, мой мальчик, а я старый дурак. Конечно, никакой сын не может отнестись равнодушно к вопросу о жизни или смерти своего отца. Это вполне понятно. Я говорил очень глупо и необдуманно.

– Отец умрет, если не делать операцию? – спросил Ганс.

– Умрет, и очень скоро. Давление на мозг все увеличивается, и кончится смертью.

– И вы говорите, что операция может спасти его? – продолжал Ганс. – Скоро ли мы узнаем, есть ли надежда на выздоровление?

Доктор Бёкман нетерпеливо передернул плечами.

– Может быть, через час, а может быть, через сутки. Переговори с

матерью, и пусть она решит, но только поскорее: у меня еще много дел.

Ганс подошел к Метте и в первую минуту не мог произнести ни слова: у него сжалось сердце, когда он увидел ее бледное, встревоженное лицо.

— Мне нужно поговорить с мамой наедине, — сказал он, наконец, обращаясь к сестре.

Гретель, не понимавшая, что это все значит, с негодованием взглянула на брата и пошла к двери.

— Останься, Гретель — грустно сказал Ганс. — Сядь здесь.

Он отошел с матерью к окну, а доктор и ассистент приблизились к постели Раффа и стали вполголоса совещаться между собой. Это не могло потревожить больного: он ничего не видел и не слышал. Только слабые стоны доказывали, что он еще жив.

Ганс шепотом, стараясь, чтобы ни одно слово не долетело до Гретель, передал матери свой разговор с доктором. Метта, сдерживая дыхание, слушала его, полуоткрыв сухие, запекшиеся губы. Раз у нее вырвалось рыдание, заставившее Гретель вздрогнуть; но она тотчас же сдержалась и пересилила свое волнение.

Когда Ганс закончил, Метта обернулась и, с отчаянием взглянув на своего бледного, распростертого на постели мужа, бросилась к нему и упала на колени около постели.

Бедная маленькая Гретель! Она ничего не понимала и вопросительно посмотрела на Ганса. Он стоял, опустив голову, и как будто молился. Девочка перевела глаза на доктора — он осторожно ощупывал голову отца; посмотрела на ассистента — он закашлялся и отвернулся. Наконец Гретель снова взглянула на мать и не выдержала. Она подбежала к ней, обняла ее, тоже опустившись на колени, и со слезами начала молиться, умоляя Бога сжалиться над ними.

Когда Метта встала, доктор Бёкман тревожно взглянул на нее и резко спросил:

— Ну, что же, матушка? Согласны вы?

— Ему будет больно... очень больно?

— Не знаю. Вероятно, нет. Согласны вы?

— Вы говорили, что это может спасти его... Ведь так? А может быть... может быть...

Метта не договорила.

— А может быть, он не вынесет, — докончил доктор. — Но мы надеемся, что все закончится благополучно.

Он взглянул на часы, а ассистент с нетерпеливым жестом подошел к окну.

— Решайте же, матушка. Да или нет?

Ганс, вообще очень сдержанный, нежно обнял мать и припал головой к ее плечу.

— Доктор ждет ответа, — прошептал он.

Уже много лет Метта была полновластной хозяйкой в доме и по своему усмотрению распоряжалась всем. Она привыкла полагаться только на себя и до сих пор смотрела на Ганса как на мальчика. Но в эту минуту, когда она чувствовала себя такой слабой и беспомощной, ей показалось, что сын ее вдруг вырос, что он может быть ее опорой. В его нежном объятии сказывалась сила.

Она с мольбой взглянула на него.

— О, Ганс! Как же мне решить?

— Как укажет тебе Господь, мама.

Метта подняла глаза и с минуту стояла неподвижно, благоговейно сложив руки. Она молилась горячо, всем сердцем, и молитва ободрила ее.

— Я согласна, мингер, — сказала она, обернувшись к доктору.

— Гм! — проворчал Бёкман, как бы говоря: «Долгоночко же вы раздумывали, моя милая!» — и сказал что-то вполголоса своему ассистенту. Тот почтительно, но несколько растерянно выслушал его: он заметил, что глаза сурового хирурга были влажны.

Гретель молча, дрожа от страха, смотрела на все происходившее. Когда же доктор открыл кожаный футляр и стал вынимать оттуда острые блестящие инструменты, девочка бросилась к матери.

— О, мама, мама! — с ужасом воскликнула она. — Что им сделал бедный папа? Неужели они хотят убить его?

— Не знаю, моя девочка, — растерянно ответила Метта, с отчаянием взглянув на нее. — Не знаю!

— Нет, это не годится, матушка! — строго сказал доктор Бёкман и в то же время бросил быстрый, проницательный взгляд на Ганса. — Я попрошу вас уйти отсюда вместе с вашей дочкой. Мальчик может остаться.

Метта выпрямилась, и глаза ее блеснули. Она сразу как бы преобразилась и казалась теперь совсем другой женщиной, не знающей ни страха, ни слез.

— Я останусь около мужа, мингер, — тихо, но решительно проговорила она.

Доктор Бёкман привык, чтобы его приказания исполнялись беспрекословно. Он строго посмотрел на Метту, но, встретив ее взгляд, смягчился.

— Вы можете остаться, — сказал он, тронутый ее решимостью.

А Гретель уже исчезла.

В дальнем углу комнаты была дверь в маленький темный чуланчик, где стояла ее сколоченная из досок, похожая на ящик, постель. Никто не увидит ее там, если она затворит дверь.

Доктор снял сюртук, налил воды в большой глиняный таз и, поставив его около постели, взглянул на Ганса.

— Могу я положиться на тебя, мой мальчик?

— Можете, мингер.

— Хорошо, я верю тебе. Стань тут, у изголовья, а мать сядет около тебя — вот так!

Он поставил стул и усадил на него Метту.

— Помните, моя голубушка, — сказал он, — что я не потерплю ни слез, ни обмороков.

Метта ответила только взглядом, но таким, что доктор тотчас же успокоился.

— Ну, Волленговен!

Гретель, из глаз которой лились слезы, смотрела в щелочку, немножко приотворив дверь. О, этот футляр со страшными инструментами! Ассистент подал доктору один из них. Тут Гретель не выдержала. Она выскочила из чулана, схватила свою кофту и убежала из дома.

* * *

Школьный колокол зазвонил, и в то же мгновение толпа мальчиков и девочек высыпала на канал. Был час рекреации^[15].

Целое утро дети сидели смирно в классах и теперь вознаграждали себя криками, смехом и громким говором. Ничто не нарушало их веселья. Разве можно думать об уроках в такой чудный солнечный день? Латынь, грамматика, арифметика — все это осталось в школе. Учитель превратился в нарицательное имя существительное, и никто не думал о нем. Лед такой гладкий и так приятно скользить по нему, что решительно все равно, где лежит Голландия — на Северном полюсе или на экваторе. И к чему ломать себе голову над инерцией и силой тяготения, когда все дело в том, чтобы избежать толчков и перегнать товарищей!

До Гретель долетали их веселые голоса и взрывы смеха, но она не обращала на них внимания. Она ничего не слышала, кроме стонов, которые неслись из-за занавешенного окна и становились все громче. Неужели эти незнакомые люди на самом деле хотят убить папу?

Она вскрикнула от ужаса и вскочила.

– Нет-нет, этого не может быть! – рыдая проговорила она, снова опускаясь на завалинку. – Ведь, там мама... там Ганс... Они не позволят обижать папу! А как они оба были бледны, и Ганс – даже Ганс плакал!

«И зачем этот злой старик велел мне уйти, а его оставил? – думала она. – Я бы обняла маму... я бы все время целовала ее. Она так любит, когда я ласкаюсь к ней... говорит в это время так нежно и гладит мои волосы!.. Отчего это вдруг стало так тихо? Что если папа умер... и мама, и Ганс! А я... что же тогда будет со мной?..»

И Гретель, дрожа от холода, закрыла лицо руками и горько зарыдала.

Бедная девочка совсем измучилась за последние четыре дня. Она управлялась со всем хозяйством, в свободное время старалась утешить и развеселить мать, а по ночам горячо молилась вместе с ней. Гретель понимала, что в настоящую минуту в их доме происходит что-то таинственное и ужасное – такое ужасное, что даже милый, добрый Ганс не решился ничего рассказать и объяснить ей.

Потом явились новые мысли. Как мог Ганс скрывать что-то от нее? Ведь дело идет и о ее отце. Она уже не ребенок. Однажды, когда папа схватил нож, она вырвала его у него из рук. И еще недавно, в эту ужасную ночь, она заставила его отпустить маму, в то время как Ганс, хоть и очень большой, не мог сделать ничего. Почему же на нее смотрят как на маленькую?..

Опять все стихло... Какая страшная тишина! Если бы Анни Бауман не ушла в Амстердам, а осталась дома, было бы не так тоскливо... Ах, как холодно ногам! Что это с ней? Она как будто поднимается в воздух. Нет, так нельзя: ее помощь может каждую минуту понадобиться маме!

С трудом приподнявшись, Гретель села и протерла глаза. Как странно, что небо такое голубое и ясное, что у них в доме такая мертвая тишина, а откуда-то доносится веселый говор и смех! Она опять упала, и все перепуталось у нее в голове.

Какой смешной рот у доктора... Что это шелестит около гнезда аиста, точно будто говорит кто-то? А какие блестящие ножички были в кожаном футляре; пожалуй, и серебряным конькам не заблестеть так!.. Если бы она надела свою новую кофту, ей было бы тепло... А какая хорошенъкая кофта; никогда в жизни у нее не было такой... Да, папа болен, но он не умрет... Бог сохранит ему жизнь... Только бы ушли эти доктора... А, вот они... карабкаются на крышу... Нет, это мама и Ганс... или аисты. Трудно разобрать в такой темноте... Отчего это земля так качается и движется?.. Как хорошо поют птицы... должно быть, зимние... ведь везде лед и снег...

Ах, как много птиц!.. Послушай их пение, мама... Разбуди меня, когда начнутся состязания... я так устала плакать...

Вдруг чья-то рука опустилась ей на плечо.

– Вставай, девочка! – нежно проговорил кто-то. – Ты можешь замерзнуть, если будешь лежать тут.

Fischer

– Вставай, девочка!..

Гретель с усилием приподняла голову. Она еще не совсем проснулась и потому нисколько не удивилась, увидев доброе лицо склонившейся над ней Гильды. Она часто видела ее во сне. Но никогда не снилась ей Гильда такой, как теперь. Неужели это она так толкает ее и кричит: «Вставай, вставай, Гретель! Проснись – здесь нельзя спать!»

Гретель опять открыла глаза и взглянула вверх. Да, милая, добрая барышня теперь изо всей силы толкает и тормошит ее. Это уже не сон. Вот и их дом, и гнездо аиста на крыше, и карета доктора около канала. Она совершенно ясно видит все. Только руки у нее ломят да ноги дрожат.

Гильда заставила девочку встать и, поддерживая ее, начала с ней ходить. Наконец Гретель совсем опомнилась.

– Я заснула, – сконфуженно проговорила она, протирая глаза.

– Да, ты заснула, и слишком крепко, – улыбаясь ответила Гильда, у которой от испуга побелели даже губы. – Но, слава Богу, ты теперь проснулась. Опираясь на меня сильнее, Гретель, и ходи до тех пор, пока не согреешься. Вот так!

Они некоторое время ходили взад и вперед.

– Ну, теперь тебе можно войти в теплую комнату и погреться у огня, – сказала Гильда. – Я отведу тебя домой.

– Нет-нет, я не пойду туда! Там доктор. Он велел мне уйти.

– Тогда мы останемся здесь, Гретель. Только постарайся ходить быстрее. Я уже давно увидела тебя около дома, но думала, что ты тут играешь... Иди, иди, не останавливайся!

И Гильда, поддерживая одной рукой Гретель, расстегивала другой свою теплую меховую кофточку и старалась снять ее. Гретель заметила это.

– Ради Бога, не снимайте с себя кофточку! Мне уже тепло; я вся горю... то есть не то что горю, но у меня все тело как будто колет иголками. Пожалуйста, не раздевайтесь!

Гретель была так взволнована, что Гильда поспешила успокоить ее.

– Хорошо, я останусь в кофточке, – сказала она. – Двигай хорошенъко руками, Гретель, хлопай ими – вот так! Ну, теперь твои щеки порозовели. Я думаю, что доктор скоро позволит тебе войти, – наверняка позволит. Разве твой отец так болен?

– Ах, он, кажется, умирает, юфрау! – со слезами воскликнула Гретель. – Два доктора пришли к нему, а мама такая печальная и все молчит! Послушайте, пожалуйста, стонет папа или нет? У меня так шумит в голове, что я ничего не могу разобрать. Может быть, папа уже умер!

Господи, хоть бы он застонал!

Гильда прислушалась. Все было тихо в домике Бринкеров. Она подбежала к окну.

– Вы ничего не увидите здесь, – сквозь слезы проговорила Гретель. – Мама занавесила окно промасленной бумагой. Посмотрите лучше в другое, которое выходит на юг. Там бумага прорвалась и можно разглядеть, что делается в комнате.

Гильда пошла к другой стене дома. Старая соломенная крыша над ним давно отжила свой век, и из нее торчали пучки соломы.

Гильда остановилась. Ей показалось неловким заглядывать в чужие окна.

– Поди сюда, Гретель, – позвала она, – и посмотри лучше сама. Может быть, у вас так тихо потому, что твой отец заснул?

Гретель хотела подбежать к окну, но у нее задрожали ноги и она не могла двинуться с места. Гильда поспешила к ней на помощь.

– Боюсь, как бы и ты не расхvorалась, – ласково сказала она.

– Нет, я не больна. Но у меня очень тяжело на сердце, хоть глаза такие же сухие, как у вас... Что это? Вы плачете? Плачете о нас! Да благословит вас Бог за вашу доброту!

Она горячо поцеловала руку Гильды и поднялась на цыпочки, стараясь заглянуть в окно. Бумага была прорвана в нескольких местах. Гретель прижалась к стеклу.

– Видишь ты что-нибудь? – спросила Гильда.

– Да. Отец лежит неподвижно: голова его забинтована, и все глядят на него... Ах, юфрау! – воскликнула она, отскочив от окна и сбросив с ног тяжелые деревянные башмаки. – Я должна идти к маме! Хотите пойти со мной?

– Нет, мне пора в школу. Слышишь, уже звонят. До свидания, Гретель, я скоро приду.

Она улыбнулась, и долго после этого вспоминала Гретель ее добрую, светлую улыбку.

Глава XIII. Рафф приходит в себя. – Слухи. – Новая тревога

Гретель осторожно отворила дверь и, не решаясь взглянуть ни на кого, неслышно подошла к матери.

В комнате стояла глубокая тишина. Девочка могла слышать дыхание старика доктора; ей казалось, что она даже слышит, как искры падают на золу в очаге. Рука матери была холодна, но щеки ее горели, а глаза блестели, и в них выражалась мучительная тревога.

Больной чуть-чуть пошевелился, и все, бывшие в комнате, вздрогнули. Доктор Бёкман наклонился над ним и пристально взглянул на него.

Рафф снова пошевелился и, подняв руку, приложил ее ко лбу. Он ощупал повязку, как бы удивляясь, почему она очутилась у него на голове, и открыл глаза.

– Смелее! Смелее! – проговорил он голосом, который показался Гретель совсем незнакомым. – Передвиньте этот мат повыше, братцы!.. А теперь давайте глины... Вода быстро поднимается, и мы должны...

Метта бросилась к постели, схватила мужа за руки и нагнулась к нему.

– О, Рафф! Рафф! – воскликнула она. – Поговори со мной!

– Это ты, Метта? – слабо сказал он. – Я спал... я, кажется, упал и расшибся... А где же маленький Ганс?

– Я здесь, отец! – крикнул Ганс, совсем обезумев от радости.

Он хотел броситься к постели, но доктор удержал мальчика.

– Он узнал нас! – воскликнула Метта. – О Боже, он узнал нас... Гретель, Гретель! Иди сюда, к отцу!..

– Тише! Тише! – повелительно сказал доктор. – Отойдите от постели!

Ганс и Метта и плакали, и смеялись, глядя на пришедшего в сознание Раффа; Гретель молча смотрела на всех сияющими от радости глазами.

– А малютка спит, Метта? – спросил больной.

– Малютка! – повторила Метта. – Это он говорит про тебя, Гретель! А Ганса он называет «маленький Ганс»! Он спал в течение десяти лет; он не знает ничего, что было в это время!.. О, мингер, вы спасли нас всех!.. Дети, благодарите же доктора!..

Метта не помнила себя от счастья. Бёкман не ответил ничего, но поднял руку и показал на небо. Она поняла его; поняли и дети. Они все опустились на колени около постели и стали горячо молиться.

– Почему вы молились? – прошептал больной, когда они поднялись с колен. – Разве сегодня праздник?

– Почему вы молились? Разве сегодня праздник?..

Никакого праздника не было, но Метта кивнула головой: она не могла говорить.

– Так нужно прочитать главу из Библии, – медленно, с трудом проговорил Рафф. – Но я очень слаб. Может быть, священник прочитает нам.

Гретель сняла с резной полки большую Библию, а доктор, которого больной принял за священника, передал ее своему ассистенту.

– Читайте, – шепнул он ей. – Нужно, чтобы жена и дети помолчали и не беспокоили больного: волнение может быть смертельно для него.

Когда ассистент дочитал главу, Метта сделала знак, чтобы не шумели: ее муж заснул.

– Ну, матушка, – вполголоса сказал доктор, вынимая толстые шерстяные перчатки, – предупреждаю вас, что пациента нельзя тревожить: ему необходим полный покой. Да, это замечательный случай. Завтра я заеду к вам опять. Сегодня больной не должен ничего есть.

Он поклонился и торопливо вышел из комнаты в сопровождении своего ассистента. Карета его была недалеко; кучер почти все время тихо ездил взад и вперед по берегу канала.

Ганс тоже вышел из дома и последовал за доктором. Лицо мальчика горело, и он весь дрожал от волнения.

– Да благословит вас Бог, мингер! – сказал он. – Я не могу отблагодарить вас ничем, но если...

– Нет, можешь, – резко перебил его доктор. – Для этого стоит только быть поблагоразумнее других, когда твой отец проснется. Вся эта болтовня и хныканье могут свести в гроб не только опасно больного, но и вполне здорового человека. Если ты хочешь, чтобы твой отец выздоровел, постарайся, чтобы его не беспокоили.

Сказав это, доктор сел в карету и уехал, не дожидаясь ответа Ганса, который довольно долго растерянно смотрел ему вслед.

* * *

Гильде сделали строгий выговор за то, что она опоздала в школу и плохо отвечала уроки.

Она оставалась около домика Бринкеров до тех пор, пока не услышала смеха Метты и голоса Ганса, воскликнувшего: «Я здесь, отец!» Что же

удивительного, что она опоздала и перезабыла все латинские слова? Голова ее была занята совсем не тем, и она то и дело твердила про себя: «Ах, как я рада, как я рада!»

Идя в школу, Гильда была так возбуждена, что, увидев кучера доктора Бёкмана, не могла удержаться, чтобы не сказать ему несколько слов. Теперь доктор уже скоро придет, так как операция кончилась. Она, кажется, была очень удачной, и к больному вернулось сознание. Да, Гильда уверена в этом: она слышала, как засмеялась его жена. А сам больной говорил с ней и с детьми как человек вполне разумный. Объявив кучеру эту приятную новость, Гильда побежала в школу.

К концу дня весть о выздоровлении Бринкера разошлась по всей округе. Уверяли, что доктор Бёкман заставил идиота принять огромную дозу какого-то лекарства, темного, как коврижка. Потребовалось шесть человек, чтобы держать больного, когда ему вливали в рот это снадобье. И как только идиот проглотил его, он заговорил необыкновенно умно, как какой-нибудь законник. Жена его засмеялась, и с ней сделалась истерика, а Ганс закричал: «Я здесь, отец! Взгляни на своего любимого сына!» Потом из дома вышел бледный как смерть доктор и уехал в своей карете.

* * *

Как мирно и уютно было в домике Бринкеров, когда доктор Бёкман вошел к ним на другой день! Какая атмосфера счастья охватила его, когда он отворил дверь! Метта вязала чулок, сидя у постели мужа; Рафф спокойно спал, а Гретель месила тесто.

Доктор оставался недолго. Он задал несколько вопросов, остался, по-видимому, очень доволен полученными ответами и, пощупав у Раффа пульс, сказал:

— Больной слаб. Нужно поддержать его силы. Ему нельзя есть много, но вы должны давать ему хорошую, питательную еду.

— У нас есть черный хлеб и похлебка, мингер, — весело ответила Метта. — Это здоровая еда, и он привык к ней.

— Нет-нет, вы не должны давать ему ничего подобного, — нахмурившись, сказал доктор. — Ему нужен бульон, белый хлеб и хорошее вино. Кроме того, ему холодно. Накройте его чем-нибудь теплым, но легким. Где ваш сын?

— Ганс ушел в Брук искать работы, мингер. Он скоро вернется. Не угодно ли вам присесть?

Но Бёкман не захотел присесть. Может быть, ему показался не особенно соблазнительным грубый деревянный стул, который пододвинула ему Метта, а может быть, его испугало выражение безнадежного отчаяния, вдруг появившееся на ее лице. Во всяком случае, чудак доктор тревожно огляделся по сторонам, пробормотал что-то насчет того, что ему нужно спешить, кивнул головой и исчез прежде, чем Метта успела прийти в себя.

Странно, что посещение Бёкмана, благодетеля всей семьи, оставило после себя не радостное, а тяжелое впечатление. Гретель нахмурилась, не поднимая глаз, стала изо всей силы месить тесто, а Метта подошла к постели мужа и горько заплакала. В эту минуту вошел Ганс.

– Что это значит, мама? – тревожно прошептал он. – Что случилось? Разве отцу хуже?

Метта обернулась и с отчаянием взглянула на него.

– Да... Он умрет... умрет с голоду. Так сказал доктор.

Ганс побледнел.

– Я не понимаю тебя, мама. Что же мешает нам накормить его?..
Гретель, дай мне похлебку!

– Нет, нет, это убьет его! – возразила Метта. – Наша пища слишком тяжела для него. О, Ганс, отец умрет... он умрет от такой еды!.. Ему нужен бульон и белый хлеб, и хорошее вино, и теплое одеяло... Ах, что же нам делать, что делать? Ведь в доме нет ни гроша!

Она заломила руки и зарыдала. Гретель тоже заплакала, и слезы ее закапали прямо в ржаное тесто.

– Доктор сказал, что это необходимо отцу? – спросил Ганс.

– Да, сказал.

– Так я достану все, что нужно. Не плачь, мама! Сегодня же вечером я принесу мяса и вина. А одеяло возьми с моей постели: мне достаточно и одной соломы.

– Твое одеяло не годится, Ганс. Хоть оно и не велико, но очень тяжелое. Доктор велел накрыть его чем-нибудь теплым, но легким. И как на грех у нас вышел весь торф! Я не могла уберечь его от отца. Он бросал его в печку, как только я отходила от него и принималась за какое-нибудь дело.

– Не беспокойся, мама, – сказал Ганс. – Если понадобится, мы срубим нашу иву и сожжем ее. А сегодня вечером я принесу что-нибудь для отца. В Бруке нет никакой работы, но она, наверное, найдется в Амстердаме. Не плачь и не приходи в отчаяние, – ведь самое худшее уже прошло. Теперь, когда отец пришел в себя, нам легко вынести все.

– Да, это правда, – согласилась Метта, вытирая глаза.

– Конечно, так. Посмотри, как спокойно он спит! Неужели ты

думаешь, что Бог, только что возвратив его нам, позволит ему умереть с голоду? Нет, это невозможно! Я достану все, что нужно отцу, наверняка достану... Ну, до свидания, мама, и, пожалуйста, не волнуйся!

Ганс поцеловал мать и, схватив коньки, поспешил вышел из дома.

Бедный Ганс! Утром ему не удалось найти никакой работы, а когда он вернулся домой, его уже ждало там новое горе. Несмотря на это, он бодро шел вперед, решившись во что бы то ни стало уладить дело.

Никогда еще не доходили Бринкеры до такой крайней нужды, как теперь. У них вышел почти весь торф, а Гретель месила хлеб из последней муки. Со времени операции им было не до того, чтобы думать о своем тяжелом положении. Метта, вполне уверенная, что ей самой и детям нетрудно будет заработать денег, когда придет нужда, вся отдалась радости от чудесного выздоровления мужа. Она даже не предупредила Ганса, что от нескольких серебряных монет, хранившихся в старой перчатке, не осталось почти ничего.

А Ганс, идя к каналу, упрекал себя, что не окликнул доктора, когда шел домой. Он видел, как тот сел в карету и быстро поехал по направлению к Амстердаму.

«Может быть, тут вышло какое-нибудь недоразумение, – думал Ганс. – Ведь доктор знает, что мы не в состоянии покупать мяса и вина. А между тем отец, действительно, слаб, очень слаб. Я должен найти работу. И она нашлась бы, если бы мингер ван Гольп вернулся из Роттердама... А Петер ван Гольп? Ведь он говорил мне, чтобы я обращался к нему, если нам что-нибудь понадобится. Да, нужно прежде всего идти к нему... Ах, если бы теперь было лето!»

Ганс дошел до канала и, надев коньки, побежал в ту сторону, где стоял дом мингера ван Гольпа.

– Если бы я даже нашел работу, то все-таки не мог бы купить сегодня еды для отца, – пробормотал он. – Остается только одно: обратиться, как я обещал, к Петеру ван Гольпу. Немножко мяса и вина – это такие пустяки для него. А когда я принесу еды для отца, мне можно будет отправиться в Амстердам и заработать денег на завтрашний день.

Вдруг ему пришла в голову новая мысль, от которой сердце его скжалось, а щеки вспыхнули от стыда.

«Значит, мне придется просить милостыню, – подумал он. – Ни один из Бринкеров никогда не был нищим. Неужели я начну первый? И бедный отец, только что вернувшийся к жизни, узнает, что его семья жила подачками, – отец, такой гордый, такой независимый! Нет, во сто раз лучше продать часы! Можно даже не продавать, а заложить их в Амстердаме. Тут

нет ничего позорного. А потом, когда я заработаю денег, я выкуплю их. Я даже могу переговорить относительно этого с отцом».

Эта последняя мысль привела его в восторг. Да, теперь он может поговорить с отцом, так как к тому вернулся рассудок.

«Сон подкрепит его, – думал Ганс, – а когда он проснется, я объясню ему все. И, может быть, он скажет, что нисколько не дорожит часами и позволит продать их».

– Ура! – весело воскликнул он и, повернувшись, понесся, как стрела, назад.

Через несколько минут Ганс был уже на берегу канала и, сняв коньки, побежал домой.

Мать бросилась ему навстречу.

– О, Ганс! – воскликнула она, глядя на него сияющими от радости глазами. – У нас была юфрау со своей горничной. Она принесла нам всего: мяса, студня, белого хлеба и вина – полную корзину! А доктор Бёкман прислал из города слугу тоже с вином и с великолепной постелью и теплым одеялом для отца! Теперь он выздоровеет... Наверняка выздоровеет! Да благословит их Бог.

– Да благословит их Бог! – повторил Ганс, и первый раз в этот день слезы навернулись у него на глаза.

Глава XIV. Рафф начинает поправляться. – Тысяча гульденов

Вечером Рафф почувствовал себя настолько хорошо, что пожелал посидеть около топившейся печи. В маленьком домике поднялась страшная суматоха. Ганс поддерживал отца с одной стороны, Метта с другой, а Гретель пододвинула к огню стул, принесла подушку, чтобы положить ее за спину отцу, и одеяло, чтобы покрыть ему ноги.

Метту так волновала и тревожила мысль, что Рафф решился встать с постели без позволения доктора, что она пошла слишком быстро и чуть не уронила мужа.

– Потише, потише, Метта! – задыхаясь проговорил он. – Однако, как я слаб! Уже не знаю, от старости или от лихорадки.

– Слышите, что он говорит? – засмеявшись, воскликнула Метта. – Конечно, только от лихорадки, Рафф! Ну, вот и стул. Садись, вот так!

Метта и Ганс осторожно опустили больного на стул, а Гретель подставила ему под ноги скамеечку.

Рафф с удивлением посмотрел по сторонам и взглянул на свою жену и детей. «Маленький Ганс» стал почти юношей; «малютка» оказалась большой девочкой, а Метта, хоть и не особенно постаревшая, была уже далеко не так стройна, как прежде. Да и в выражении ее лица было для него что-то новое. Не изменились только сосновый стол, который он сделал сам перед свадьбой, Библия на полке да шкаф в углу.

И несмотря на то, что Рафф видел вокруг себя дорогие, любимые лица, на глаза его навернулись слезы и тихо покатились по щекам. Да, десять лет, целых десять лет вычеркнуты из его жизни!

Увидев, что отец плачет, Гретель бросилась к нему и обняла. О, теперь она чувствовала, что любит, горячо любит отца!

– Папа, милый папа, не плачь! – прошептала она. – Ведь мы все здесь, около тебя!

– Да благословит тебя Бог, моя девочка! – сказал Рафф, нежно целуя ее. – Спасибо, что напомнила мне об этом.

– А ведь я бы узнал ее, Метта, – весело сказал он после небольшой паузы, с любовью глядя на светлое лицико Гретель. – Я бы узнал ее. У нее тот же рот, те же голубые глазки. А помнишь песенку, которую она пела чуть ли еще не раньше, чем начала ходить? Впрочем, это было давно, много

лет тому назад. Теперь все это прошло и забылось.

Hichules

А ведь я бы узнал ее, Метта, – весело сказал он

– Нет, нет! – воскликнула Метта. – Неужели ты думаешь, что я позволила ей забыть эту песенку? Спой ее, Гретель!

Рафф закрыл глаза и устало опустил руки, но на губах его блуждала улыбка.

Гретель запела. Мелодия была самая простая, а слов она никогда не знала. Своим любящим сердцем Гретель поняла состояние отца и старалась петь как можно тише и нежнее, так что Раффи казалось, будто он слышит голосок маленькой двухлетней девочки.

Когда Гретель замолчала, Ганс отворил шкаф, встал на стул и внимательно оглядел полки.

– Осторожнее, Ганс, – сказала Метта. – Вино стоит справа, а белый хлеб над ним.

– Не беспокойся, мама, – ответил Ганс, роясь на самой верхней полке, – я ничего не уроню.

Через минуту он спрыгнул со стула и, подойдя к отцу, подал ему продолговатый, выдолбленный кусок соснового дерева, закругленный с одной стороны.

– Узнаешь, отец? – спросил он.

Лицо Раффа просветлело.

– Конечно, конечно, мой мальчик. Это лодка, которую я начал делать тебе вчe... Нет, не вчера, а много лет тому назад...

– Я сберег ее, отец. Ты можешь закончить ее, когда поправишься.

– Только не для тебя, мой мальчик, разве что для будущих внуков. Ты уже почти мужчина, Ганс. Помогал ли ты матери в эти долгие годы?

– Да еще как помогал! – воскликнула Метта.

– Постойте, – пробормотал Рафф, несколько растерянно глядя то на жену, то на детей. – Сколько же лет прошло со времени наводнения? Я совсем не помню, что было после него.

– Мы сказали тебе правду, Рафф. Наводнение было десять лет тому назад.

– Десять лет!.. И ты говоришь, что я упал? Неужели же я с тех пор болел лихорадкой?

Метта нерешительно взглянула на него. Разве можно сказать ему все? Сказать, что он все это время был идиотом? Нет, нет! Доктор говорил, что всякое волнение страшно вредно для него.

– Да, Рафф, – кивнула она, не обращая внимания на удивленные лица Ганса и Гретель. – Да и что же мудреного? Ведь не шутка, когда такой

высокий, плотный человек, как ты, упадет на голову. Но теперь ты, наконец, начинаешь поправляться, и мы должны благодарить Бога за такое счастье.

– Да, ты права, жена. Но у меня еще очень слаба голова, и я многого не могу сообразить. Вот когда я примусь за работу, все пойдет как следует. Как ты думаешь, скоро я буду в состоянии работать?

– Только послушайте его! – воскликнула Метта, восхищенная и вместе с тем испуганная словами мужа. – Отведем-ка его опять в постель, Ганс. Работать – скажите, пожалуйста!

Они хотели поднять Раффа со стула, но он остановил их.

– Нет, постойте, – улыбаясь проговорил он. – С какой стати вы хотите тащить меня, как какое-нибудь бревно? Уверяю вас, что не пройдет и трех дней, как я отправлюсь работать на плотину. А ведь приятно будет повидаться со старыми друзьями! Что-то поделяют теперь Ян Камп и молодой Хугсвейт? Я уверен, что они были добрыми друзьями для тебя, Ганс.

Ганс взглянул на мать. Хугсвейт умер пять лет тому назад, а Ян Камп сидел в тюрьме в Амстердаме.

– Конечно, они сделали бы все, что могли, если бы мы обратились к ним, – ответила вместо сына Метта. – Но Гансу некогда было заводить себе друзей: он и работал, и учился.

– Работал и учился, – повторил Рафф. – Разве наши дети умеют читать и знают арифметику, Метта?

– Еще бы! – гордо ответила Метта. – Ты потом послушаешь, как отлично они читают. А Ганса хлебом не корми, только дай ему книгу. Что же касается счета...

– Ну-ка, Ганс, помоги мне, – прервал ее Рафф. – Я, пожалуй, лучше лягу в постель.

* * *

Поздно вечером Бринкеры уселись за свой скромный ужин. Метта отрезала три небольших ломтя хлеба для себя и для детей, и они стали есть его, запивая водой. Кто бы подумал, что у них в шкафу лежат разные вкусные вещи?

– Отец поужинал с большим удовольствием, – сказала Метта, указывая на постель, – и в ту же минуту заснул. Еще много дней пройдет прежде, чем он окрепнет. Ему очень хотелось немножко посидеть после ужина, но

пока я сутилась и нарочно медлила, передвигая то стул, то скамеечку, он упал на подушку и заснул сразу, как маленький ребенок... Что с тобой, Ганс? Ты так пристально уставился на стену, как будто увидел на ней паутину.

– Нет, мама. Я просто задумался.

– О чем? Да, впрочем, нечего и спрашивать, – грустно прибавила она. – Я сама думаю о том же. Ничего удивительного, что наша тысяча гульденов не идет у нас из ума!

Ганс тревожно взглянул на мать: он боялся, что она взорвается, как было с ней всегда, когда речь заходила о пропавших деньгах. Но Метта казалась спокойной и, откусывая маленькими кусочками хлеб, задумчиво смотрела в окно.

– Тысяча гульденов! – вдруг послышался с постели слабый голос Раффа. – Надеюсь, они пригодились тебе, жена, в эти тяжелые годы, пока я лежал больной?

Бедная женщина вскочила. Слова мужа совершенно уничтожили надежду, которая у нее появилась в последние дни.

– Ты проснулся, Рафф, – пробормотала она.

– Да, Метта, и чувствую себя гораздо лучше... Как хорошо, что у нас было накоплено столько денег! Хватило их тебе на все десять лет?

– Я... я... не брала их, Рафф. Я...

Метта хотела сказать мужу всю правду, но Ганс остановил ее.

– Вспомни, что доктор не велел тревожить отца, – прошептал он.

– Так поговори с ним сам, сынок, – с дрожью в голосе ответила Метта.

Ганс подошел к постели.

– Слава Богу, что тебе стало получше, отец. Теперь ты скоро совсем поправишься.

– Надеюсь, что так, мой мальчик... А надолго ли хватило вам денег? Я не рассыпал, что сказала мать.

– Я сказала, Рафф, что они все вышли! – воскликнула Метта, с отчаянием взглянув на него.

– Ну, так что же за беда? Тысяча гульденов за десять лет – не Бог знает какие деньги. Но, по крайней мере, вам не пришлось терпеть нужды. Ведь так?

– Так, так! – прошептала Метта и, закрыв лицо фартуком, горько заплакала.

– Полно, полно, Метта! О чём же ты плачешь? Когда я поправлюсь, мы опять сумеем накопить денег. Хорошо еще, что я рассказал тебе про них прежде, чем заболел.

– Рассказа л.... что?

– Да куда я их спрятал. А вот сейчас я видел во сне, что ничего не говорил тебе.

Метта хотела броситься к нему, но Ганс схватил ее за руку.

– Молчи, мама, – прошептал он. – Мы должны быть как можно осторожнее.

Метта остановилась и скжала руки, а Ганс опять подошел к постели.

– А ты помнишь, отец, когда ты спрятал деньги? – спросил он.

– Да, мой мальчик, – рано утром, в тот самый день, как упал с плотины. Накануне мне показалось, что Ян Камп замышляет что-то дурное, и я боялся оставить деньги на прежнем месте. Кроме матери, только он один знал, что мы накопили тысячу гульденов. Вот почему я поднялся чуть свет и зарыл их. Как глупо было с моей стороны подозревать старого друга!

– А теперь ты, должно быть, забыл, куда спрятал их? – улыбаясь, спросил Ганс.

– Ха-ха-ха! Нет, сынок... Ну, прощай, – мне хочется спать.

Ганс хотел отойти от постели, но мать с мольбой взглянула на него, и он остался.

– Спокойной ночи, отец... Так где же ты зарыл деньги? Я был в то время еще совсем крошкой.

– Около молоденькой ивы, которая растет позади нашего дома, – слабым голосом ответил Рафф.

– Ах, да. И, кажется, со стороны, выходящей на север?

– Нет, на юг. Да ведь ты, наверное, и сам отлично знаешь это место, плутишка. Уж, конечно, ты был с матерью, когда она доставала деньги... А теперь Ганс... поправь мне подушку... так! Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, отец, – сказал Ганс, чуть не прыгая от радости.

* * *

Полный месяц показался на небе, и маленько оконечко в доме Бринкеров ярко осветилось. Но свет не мешал Раффу. Он крепко спал; спала и Гретель, но Метта и Ганс не ложились.

Взяв с собой старый заступ, они осторожно вышли из дома и подошли к иве. Замерзшая земля была тверда, как камень, но это не смущило Ганса и его мать. Они боялись только одного – разбудить Раффа.

– Хорошо, что у нас есть заступ, мама, – сказал Ганс. – Но и им едва ли пробьешь землю.

– Ничего, Ганс. Дай-ка мне, я помогу тебе.

Через некоторое время им удалось снять верхний, обледеневший слой земли; теперь работа пошла скорее.

Они рыли поочередно, весело болтая между собой, а время от времени Метта осторожно подходила к двери и прислушивалась, не проснулся ли Рафф.

– Как он обрадуется, когда мы покажем ему деньги! – засмеялась она. – Только, конечно, нужно подождать, пока он станет покрепче, а то это слишком взволнует его. А мне так хотелось бы положить мешочек и чулок с деньгами около него сегодня же ночью, чтобы он увидел их сразу же, как проснется!

– Сначала еще нужно найти их, мама, – заметил Ганс, налегая на заступ.

– Не беспокойся, найдем. Не могли же они провалиться сквозь землю, – Метта не спускала глаз с вырытой ямы и дрожала от волнения и холода. – Должно быть, отец положил их в старый глиняный горшок, который пропал у меня много лет тому назад.

Гансу не было холодно, но теперь и его охватила дрожь. Яма была уже достаточно глубока, и деньги могли найтись в любой момент.

– Странно, что отец зарыл их так глубоко! – недовольно проворчала Метта. – Впрочем, тогда земля была мягкая – ведь это было летом... Какое счастье, что у него появилось подозрение против Яна Кампа, да еще когда тот считался вполне честным человеком. Вот уж никогда бы не подумала, что такой славный, веселый малый, как Ян, попадет в тюрьму!.. Ну, Ганс, давай заступ мне. Теперь работа уже не так трудна: чем глубже, тем легче рыть... А мне было бы очень жаль попортить нашу иву. Как ты думаешь, мы не погубим ее?

– Не знаю, мама, – серьезно ответил Ганс.

Часы проходили, а мать и сын продолжали работать, и яма становилась все больше и глубже. Наконец, когда уже стало светать и месяц зашел, а звезды померкли, они с отчаянием взглянули друг на друга.

Земля была разрыта не только с южной стороны, но вокруг всего дерева. Денег не было: они исчезли!

Глава XV. Встреча. – В поисках работы

Утром Ганс отправился в Амстердам и встретился на канале с Анни Бауман, которая возвращалась домой.

- Здравствуй, Анни, – сказал он, подбегая к ней.
- Здравствуй, Ганс.
- А какая у нас радость в доме!
- Что такое? – широко открыла глаза Анни.

Ганс рассказал ей о чудесном выздоровлении отца, и так как Анни была давнишним, верным другом его семьи, то он не скрыл от нее и своей теперешней заботы. Деньги все вышли, а работу зимой найти очень трудно. В Бруке не нашлось ничего, и теперь он спешит в Амстердам. Беда, если неудача ждет его и там.

О пропавшей тысяче гульденов Ганс не решился упомянуть: это была не только его тайна.

– Ну, до свидания, Анни, – наконец сказал он. – Время идет, а мне нужно как можно скорее бежать в Амстердам и прежде всего продать вот эти коньки. До вечера ждать нельзя, так как деньги нужны матери теперь. А потом я постараюсь найти себе какую-нибудь работу.

– Как? Ты хочешь продать свои новые коньки – ты, лучший конькобежец в околотке? Ведь через пять дней будут состязания!

– Да, знаю, – твердо сказал Ганс. – Я не буду участвовать в них, а домой вернусь на своих старых, деревянных... До свидания!

– Постой, постой, Ганс! Ты в самом деле хочешь продать свои коньки?

– Конечно, – улыбаясь, ответил он.

– Ну, если так, – несколько нерешительно сказала Анни, – то я могу... то есть я знаю человека, который с удовольствием купит их. А в Амстердаме тебе пришлось бы продать их за полцены. Давай их мне. Я успею вовремя принести деньги твоей матери.

– Хорошо, благодарю тебя, Анни, – сказал Ганс, снимая коньки. – Но ты вернешь мне коньки сегодня же, если человек, на которого ты рассчитываешь, не захочет купить их? Завтра утром мне нужно будет купить торф и мясо.

– Он наверняка купит их, – с улыбкой ответила Анни и, кивнув Гансу, побежала домой.

* * *

Ганс уже успел привыкнуть к своим металлическим конькам, и после них деревянные показались ему очень неуклюжими. Они странно скрипели, а он то и дело спотыкался. Но несмотря на это, он не жалел, что ему пришлось расстаться со своими новыми коньками, и старался не думать о том, что состязания назначены через пять дней.

«Надеюсь, мама не рассердится, что я продал их без ее позволения, – думал он. – Мне не хотелось говорить с ней об этом: у нее и без того слишком много забот. Объясню все, когда принесу деньги».

Целый день ходил Ганс по улицам Амстердама в поисках работы. Ему удалось получить несколько мелких монет от возчика, которому он помог пригнать в город навьюченных мулов, но тем дело и ограничилось. Мальчик заходил во все магазины и просил у хозяев места посыльного или носильщика, но всюду получал отказ. Одни говорили, что у них все места уже заняты, другие предлагали прийти месяца через два, а иные, не говоря ни слова, махали ему рукой, чтобы он уходил.

То же самое было и на товарных складах. Казалось бы, в этих огромных зданиях, где лежало столько полотна, бумажных и шерстяных материй, стеклянной и фарфоровой посуды, муки и кирпичей, всегда найдется какое-нибудь дело для сильного, здорового мальчика. Однако и там всюду был один ответ: «Все места заняты. Если бы ты пришел перед Днем святого Николаса, тебе бы нашлась работа, так как в то время было очень много дела. А теперь у нас и без тебя слишком много народу».

Вечером, незадолго до захода солнца, Ганс пошел назад в Брук. Оставалась только одна надежда – может быть, мингер ван Гольп вернулся домой. Говорят, впрочем, что накануне вечером Петер тоже отправился в Харлем. Ну, во всяком случае, нужно попытаться.

К счастью, Петер уже успел вернуться и собирался куда-то идти, когда Ганс подошел к дому.

– Ах, это ты, Ганс! – воскликнул Петер. – А я как раз собирался к тебе. Хорошо, что ты пришел! Входи поскорее.

* * *

Счастье наконец улыбнулось Гансу. Мингер ван Гольп согласился поручить ему отделку крыльца в своем новом доме и просил Петера

передать, чтобы Ганс немедленно принимался за дело. Мастерская была там же, и Ганс мог пользоваться ею.

Все это устроилось так быстро благодаря Петеру, который нарочно съездил в Харлем, чтобы переговорить с отцом и поскорее уладить дело. И он почувствовал себя вознагражденным за свои хлопоты, когда увидел просиявшее лицо Ганса.

— Мне кажется, я в состоянии буду сделать эту работу, — сказал Ганс, — хоть мне никогда...

— Я уверен, что ты отлично справишься с ней! — перебил его Петер. — Все нужные инструменты ты найдешь в мастерской... Ну, как здоровье твоего отца?

— Ему лучше. Он быстро поправляется.

— Удивительно! Никогда в жизни не слышал о таком чудесном исцелении. Да, нужно сознаться, что старый суровый Бёкман — великий ученый!

— Больше, чем великий ученый, — горячо возразил Ганс. — У него доброе, великодушное сердце. Без него мой бедный отец никогда не пришел бы в себя. Знаете что? — прибавил он, и глаза его засияли. — Помоему, ни одна наука на свете не сравнится с медициной!

Петер пожал плечами.

— Может быть, но меня лично она нисколько не привлекает. Что же касается доктора Бёкмана, то я согласен, что он замечательный врач. Как человек — другое дело. Избави нас Бог от таких людей!

— Но почему вы так говорите? — воскликнул Ганс.

В эту минуту из смежной комнаты вышла мефрау ван Гольп в великолепном чепчике и длинном шелковом фартуке, обшитом кружевами.

Петер тотчас же придинул к камину стул с высокой спинкой и, когда его мать села, поставил ей под ноги скамеечку.

Ганс низко поклонился и хотел уйти.

— Нет, постой минутку, — сказала мефрау ван Гольп. — Я слышала твой разговор с моим сыном и вышла сюда, чтобы сказать тебе, что ты совершенно прав. У доктора Бёкмана, действительно, очень доброе и великодушное сердце, хоть он и кажется суровым с виду. Ему пришлось пережить большое горе. Он лишился, и при крайне печальных обстоятельствах, своего единственного сына, очень милого юноши, но немножко легкомысленного и горячего. С тех пор доктор Бёкман страшно изменился. А раньше трудно было найти человека любезнее и симпатичнее его.

H. Schuler

– Нет, постой минутку, – сказала мефрау ван Гольп.

Посидев еще некоторое время с мальчиками, мефрау ван Гольп ушла, а они вышли на крыльцо, так как Гансу пора было отправляться домой.

– Теперь, когда ты успокоился за отца, – сказал Петер, – ничто не помешает тебе участвовать в состязаниях. Никогда еще не бывало у нас такого, и все без конца толкуют об этом.

– Я не буду участвовать, мингер.

– Не будешь? Это почему? – удивился Петер.

– Потому что мне нельзя, – ответил Ганс и нагнулся, чтобы взять свои коньки, которые оставил около крыльца.

Петер понял, что этот разговор неприятен Гансу, и потому удержался от расспросов. Он простился с ним и, стоя у двери, долго смотрел ему вслед. Когда Ганс подошел к каналу и стал надевать деревянные коньки, на лице Петера выразилось изумление.

– Что это значит? – пробормотал он. – Где же его новые металлические коньки?

Глава XVI. Добрая волшебница. – Таинственные часы

Солнце уже заходило, когда Петер увидел вдали маленький домик, который столько лет назывался «домом идиота». Около него ходили две девочки.

Одна была в серой заплатанной кофте, синей юбке, полинявшем синем фартуке и старом, плотно прилегающем к голове чепчике. Гансу были хорошо знакомы все эти принадлежности костюма. Он тотчас же узнал и быстрые тоненькие ножки в огромных, похожих на лодки, башмаках. Это, без всякого сомнения, Гретель.

Другая девочка была одета гораздо наряднее: в хорошенькой юбке, красной кофточке, изящном чепчике, концы которого развевались над золотыми серьгами, и в маленьких кожаных башмаках. Да, это Анни.

Девочки ходили, обнявшись, взад и вперед около дома и так энергично кивали и качали головами, как будто решали важные государственные дела.

– Ура! Я нашел работу! – воскликнул Ганс, быстро подходя к ним.

Услышав его голос, Метта вышла из дома, и он рассказал ей о своей удаче. Мать тоже могла порадовать его. Отец чувствовал себя настолько хорошо, что сидел почти весь день, а потом лег и заснул «спокойно, как ягненочек».

– Ну, теперь моя очередь, – сказала Анни, отводя Ганса в сторону. – Твои коньки проданы, и я принесла тебе деньги.

– Семь гульденов! – с изумлением воскликнул Ганс, сосчитав монеты. – Да это втрое дороже того, что я заплатил за них!

– Ну и что? Дороже, так дороже, – спокойно сказала Анни.

– Мы должны вернуть покупателю лишние деньги, – заявил мальчик.

– Нет, я не стану возвращать их, – возразила Анни. – Коньки уже проданы, и дело кончено. – Потом, заметив, что слова ее огорчают Ганса, она прошептала: – Не думай, что тут вышло какое-нибудь недоразумение или ошибка. Покупатель сам настаивал на том, чтобы заплатить семь гульденов. Ты веришь мне?

– Верю, – ответил Ганс.

Метта очень обрадовалась, увидев столько денег, но узнав, что Ганс получил их за коньки, которыми так дорожил, вздохнула и грустно взглянула на него.

– Бедный мальчик! – воскликнула она. – Это большое лишение для тебя!

– Ничего, мама. Когда разбогатеем, купим другие.

– Долго придется ждать этого, сынок, – ответила Метта и, понизив голос, прибавила: – Мы могли бы разбогатеть, если бы не Ян Камп. Это он вырыл наши деньги, Ганс, вырыл много лет тому назад. Уж поверь мне!

– Очень может быть, – согласился Ганс. – Ну, мама, нам лучше всего забыть об этих деньгах. Они во всяком случае пропали. Не будем больше думать о них.

– Это легко сказать, Ганс. Я постараюсь, но едва ли это удастся мне, в особенности теперь, когда бедному отцу нужны и хорошая пища, и все удобства... Господи, да куда же девались девочки? Ведь они только сию минуту были здесь.

– Я сейчас найду их!

– Постой, постой, сынок, не двигайся! Смотри-ка, ведь это кролик. Должно быть, бедный зверек страшно проголодался, если решился выйти из своей норки в такой холод. Я сейчас принесу ему крошек.

Она вошла в дом и через минуту вернулась обратно. Но ни Ганса, ни кролика уже не было: они оба исчезли.

Метта подошла к задней стороне дома и увидела детей. Анни сидела на пне, а Ганс и Гретель стояли около нее.

– Как красиво, настоящая картинка! – воскликнула Метта, с восхищением глядя на них. – Уж на что хороши картины, которые я видела в большом доме, в Гейдельберге, а и там не было ни одной такой хорошенькой. Я не говорю про своих детей: в них нет ничего особенного. Но ты, Анни, точь-в-точь добрая волшебница!

– Неужели? – смеясь сказала Анни. – Хорошо же, пусть так оно и будет. Слышите, Ганс и Гретель? Я добрая волшебница и позволяю каждому из вас высказать какое-нибудь желание. Оно будет исполнено. Чего ты желаешь, Ганс?

– Я желаю найти то, что искал здесь ночью, – серьезно ответил Ганс.

Гретель расхохоталась, а Метта пожала плечами и ушла к мужу.

Добрая волшебница вскочила и три раза топнула ногой.

H. Schuler

Добрая волшебница вскочила и три раза топнула ногой...

– Твое желание будет исполнено, – торжественно проговорила она и, вынув из кармана стеклянную бусинку, подала ее Гансу. – Зарой это на том месте, где я стояла, и прежде чем взойдет месяц, ты найдешь то, что искал.

Гретель снова расхохоталась.

– Как осмеливаешься ты смеяться над волшебницей! – воскликнула Анни, нахмурив брови. – В наказание за это твое желание не исполнится.

– Да ведь я же ни о чем не просила тебя, – весело сказала Гретель. – У меня нет никакого желания.

Анни отлично сыграла свою роль. Она грозно взглянула на Гретель и удалилась с видом оскорбленного достоинства.

– Прощай, прощай, добрая волшебница! – закричали Ганс и Гретель.

– Прощайте, смертные! – обернулась та и побежала домой.

– Какая она милая и веселая! – воскликнула Гретель. – А ведь ей приходится целые дни сидеть в комнате со своей бабушкой... Что это значит, Ганс? Что такое ты хочешь делать?

– Погоди и увидишь!

Ганс вошел в дом и тотчас же вернулся с заступом.

– Я хочу закопать свою волшебную бусинку! – сказал он.

* * *

Рафф Бринкер все еще крепко спал. Метта взяла из своего небольшого запаса маленький кусочек торфа, положила его на горячую золу и пошла позвать детей.

– Мама, мама, иди сюда! – крикнул Ганс, увидев ее.

– Господи помилуй! – пробормотала она. – Что такое случилось?

– Иди скорее! – прерывающимся от волнения голосом повторил Ганс, изо всей силы работая заступом. – Смотри! Это то самое место – на юг от пня! И как мы не подумали об этом ночью? Ведь пень остался от старой ивы, которую мы срубили прошлой весной, потому что от нее ложилась слишком большая тень на картофель. А маленькой ивы тогда и в помине не было... Ура!..

Метта не могла произнести ни слова. Она упала на колени около Ганса в ту самую минуту, когда он вытащил из земли старый глиняный горшок.

Опустив в него руку, мальчик вынул один кирпич, потом другой, третий и наконец старый чулок и темный, покрытый плесенью, мешочек!

Они были набиты деньгами.

О, как счастливы были Метта и ее дети! Как они смеялись и плакали от радости! Как они пересчитывали свои сокровища, когда принесли их домой. Удивительно, что Рафф не проснулся от всего этого шума. И ему, должно быть, снилось что-то хорошее, потому что он улыбался во сне.

У Бринкеров был на этот раз великолепный ужин. Теперь уже незачем было беречь вкусные вещи и прятать их в шкафу.

— Мы завтра купим отцу всего свежего, — сказала Метта и поставила на стол холодное мясо, белый хлеб, студень и вино. — Ну-с, милости прошу! Садитесь и кушайте, детки!

* * *

Ложась в постель, Анни раздумывала о том, что мог потерять Ганс. Должно быть, перочинный ножик. Как будет смешно, если он его найдет!

А Ганс видел во сне, что он пробирается через чащу, где на каждой веточке висят горшки с золотом, часы, коньки и блестящие бусы.

* * *

Утром в тот же день, когда отыскалась тысяча гульденов, объяснилась и история часов, которые в течение десяти лет так тщательно хранила Метта. Часто, когда приходила страшная нужда и дети голодали, она думала о том, что хорошо бы продать часы, но каждый раз удерживалась от искушения. «Нет, нет, — говорила она. — Будь что будет, а я не забуду последней просьбы мужа!»

— Спрячь их и береги хорошенъко, — сказал он жене и не успел прибавить ничего больше, так как к ним вбежал один из его товарищей и крикнул, что началось наводнение.

Рафф тотчас же схватил свои инструменты и бросился из дома, а потом его принесли с разбитой головой, и он лишился рассудка.

Когда Ганс ушел искать работу в Амстердам, а Гретель, управившись по хозяйству, отправилась собирать ветки, сучья и щепки, Метта достала часы и, сдерживая волнение, подала их мужу.

— К чему было ждать, пока отец удосужится разъяснить все? — говорила она потом Гансу. — Понятно, мне хотелось поскорее узнать, откуда взялись эти часы.

Рафф повертел их в руках и внимательно посмотрел на привязанную к ним и тщательно выглаженную черную ленточку. В первую минуту он как будто не узнал их.

— Так, так, теперь я припоминаю эти часы! — наконец сказал он. — Это ты вычистила их так, что они блестят, как новенький гульден?

— Я, — ответила Метта, кивнув головой.

Рафф снова взглянул на часы.

— Бедный юноша! — пробормотал он и глубоко задумался.

Метта не выдержала: это было уж слишком.

— Бедный юноша? — довольно резко повторила она. — Неужели же ты думаешь, Рафф, что я бросила вязанье и стою здесь только для того, чтобы слушать какие-то загадки? Расскажи мне, откуда взялись эти часы.

— Ты это знаешь давно. Я тогда же объяснил тебе все, — сказал Рафф, с изумлением взглянув на нее.

— Нет, ты ничего не говорил мне.

— Неужели? Ну, в таком случае ни к чему и поднимать этот вопрос. Пока я лежал здесь, как живой мертвец, бедный юноша уже, наверное, успел умереть. Да мне и тогда казалось, что он не жилец на этом свете!

— Послушай, Рафф Бринкер! — воскликнула Метта, вспыхнув и с трудом переводя дыхание. — Я не потерплю, чтобы ты так обращался со мной... с женой, которая всегда любила тебя и ухаживала за тобой! Это стыд... Это позор!..

— Как же обращаюсь я с тобой, Метта?

— Как? — передразнила она его. — А так, как обращаются все мужья с женами, которые делили с ними и горе...

— Метта!

Рафф наклонился и протянул к ней руки; на глазах его были слезы. В ту же минуту Метта бросилась перед ним на колени и схватила его за руки.

— Господи, что я наделала... довела моего бедного мужа до слез! — воскликнула она. — Прости меня, Рафф... я виновата... я обидела тебя! Мне показалось очень обидным ничего не узнать о часах после того, как я ждала целых десять лет. Но теперь я уже ни слова не скажу о них и не стану расспрашивать тебя. Спрячем их подальше. Из-за них мы чуть не поссорились, да еще так скоро после того, как Бог вернул мне тебя.

— Ничего, ничего, Метта, — сказал Рафф, целуя ее. — Уж тебе-то непременно следует знать, как было дело. Мне только не хотелось говорить об этом, не хотелось разглашать тайну умершего человека.

— Почему же ты думаешь, что этот юноша умер? — спросила Метта, взяв в руку часы и усевшись на кончик скамеечки, стоявшей под ногами

мужа.

– Трудно объяснить это, – ответил Рафф.

– Может быть, он показался тебе больным?

– Нет, не то. Но он был взволнован, страшно взволнован.

– Не сделал ли он чего дурного... Какого-нибудь преступления?

Рафф кивнул.

– Убийство? – прошептала Метта, не решаясь взглянуть на него.

– Похоже на то, жена.

– Ты пугаешь меня, Рафф! Ты говоришь так странно и весь дрожишь...

Я должна знать все!

– Я дрожу потому, что у меня озноб, Метта. Благодарение Богу, на моей душе нет греха.

– Выпей немножко вина, Рафф. Ну, теперь тебе будет лучше... Так ты говоришь, что он совершил преступление?

– Да, как будто убийство. Он сам сказал мне это, но я не поверил ему. Это был славный юноша, с открытым лицом и таким же прямым, честным взглядом, как у нашего мальчика. Он только выглядел не таким смелым и решительным, как Ганс.

– Да, понимаю, – прошептала Метта, боясь прервать рассказ мужа.

– До того дня я ни разу не встречался с ним, – продолжал Рафф. – Он казался страшно перепуганным и был бледен, как смерть. Подойдя ко мне, он схватил меня за руку и сказал: «Вы, по-видимому, честный человек»...

– Ну, в этом он не ошибся! – выразительно проговорила Метта.

Рафф растерянно взглянул на нее.

– А? Что такое? На чем я остановился, Метта?

– Ты говорил, что юноша схватил тебя за руку, – сказала она, тревожно глядя на него.

– Да, так. Прошлое вспоминается мне так тяжело... Кажется каким-то сном.

– Что же тут мудреного! – со вздохом сказала Метта, нежно гладя его руку. – Не будь у тебя такой умной головы – ее, наверное, хватило бы на дюжину обыкновенных людей, – ты никогда не пришел бы в себя... Так юноша схватил тебя за руку и сказал, что ты кажешься ему честным человеком... Ну, еще бы!.. Когда же это было? В полдень?

– Нет, рано утром, до восхода солнца.

– В тот самый день, когда ты упал с плотины? Я помню, что ты встал тогда задолго до рассвета... Так он схватил тебя за руку...

– Да, и я увидел его бледное, испуганное лицо. «Мне нужно проехать несколько миль вниз по течению реки, – сказал он. – Не возьметесь ли вы

отвезти меня?» «Я не лодочник», – ответил я. «Дело идет о жизни или смерти, – настаивал он. – Ради Бога, помогите мне. Видите вон ту лодку – ее не закрепили и не убрали весел. Я бы мог взять ее и уехать один, но не смогу вернуть сюда чужую лодку. Умоляю вас, исполните мою просьбу!» Я согласился и проехал с ним миль восемь, а потом он попросил меня причалить и сказал, что теперь пойдет по берегу. «Мне кажется, я могу довериться вам, – прибавил он глухим, дрожащим голосом. – Я совершил преступление... клянусь Богом, неумышленно... но человек умер! Мне придется бежать из Голландии!»

– Кого же он убил, Рафф? Говорил он тебе?

– Не помню, может быть, и говорил. Тогда я сказал, что мне, как честному голландцу, уважающему законы своей страны, не следовало бы помогать ему в таком деле. «Клянусь Богом, я невиновен!» – воскликнул он и взглянул на меня такими же честными, ясными глазами, как у Ганса. А потом он выпрыгнул на берег, а я изо всей силы налег на весла, спеша поскорее вернуться назад.

– Наверняка это была лодка Яна Кампа, – довольно ядовито заметила Метта. – Кто же другой бросил бы так свою лодку с веслами?

– Да, его. Надеюсь, он придет повидаться со мной в воскресенье, если узнает о моем выздоровлении... Так что, бишь, я говорил?

– Что юноша выпрыгнул на берег, а ты уехал. Но о часах ты до сих пор не сказал ни слова. Мне кажется, совсем не честным путем они ему достались.

– Какой вздор, Метта! – воскликнул Рафф. – Он был одет очень богато, и часы были, конечно, его собственные.

– Зачем же он дал их тебе? – спросила Метта, тревожно глядя на огонь, куда давно следовало бы подбросить торф.

– Да ведь я же говорил тебе, – сказал Рафф, с изумлением взглянув на нее.

– Мне хотелось бы послушать еще раз, – пробормотала Метта.

– Хорошо. Когда я причалил к берегу, он снял часы и подал их мне. «Я вынужден бежать из Голландии, – сказал он, – и решаюсь довериться вам. Отдайте эти часы моему отцу, но не сегодня, а через несколько дней. И скажите, что их посыпает его несчастный сын. Скажите, что если он когда-нибудь впоследствии пожелает, чтобы я вернулся к нему, я не посмотрю ни на какую опасность и вернусь. Пусть он в таком случае пошлет письмо... пошлет письмо»... Нет, не могу припомнить, куда нужно было послать письмо... Бедный юноша! – грустно прибавил Рафф, взяв у жены часы. – Его отец так и не получил их!

– Не беспокойся, Рафф, я отнесу их, как только вернется Гретель. Она уже скоро придет... А где живет отец этого молодого человека и как его фамилия?

– Не знаю, Метта, ничего больше не знаю. Я как сейчас вижу лицо юноши и его большие глаза, помню, как он дал мне часы. А дальше все заволакивается каким-то туманом, и у меня в голове поднимается шум, как будто во время наводнения.

– Знаю, знаю, Рафф: со мной было то же самое после лихорадки. Ты устал, пора ложиться в постель. Не понимаю, куда запропастилась Гретель!

Метта отворила дверь и крикнула: «Гретель! Гретель!»

– Отойди в сторону, жена, – сказал Рафф, наклоняясь вперед и стараясь заглянуть в дверь. – Как бы мне хотелось выйти хоть на минутку на свежий воздух!

– Нет-нет, пока еще нельзя, – возразила Метта. – Я скажу доктору, что тебе не сидится дома, и, если он позволит, я завтра закутаю тебя потеплее и немножко пройдусь с тобой. Ну, я затворю дверь, а то ты совсем замерзнешь... Вон и Гретель бежит по каналу. У нее полон фартук сучьев и щепок.

Захлопнув дверь, Метта обернулась к мужу, и на лице ее появилось выражение радости, и испуга.

– Как? Ты один, без моей помощи, дошел до постели, Рафф? Ведь ты мог упасть!

Она помогла мужу лечь и накрыла его новым одеялом, а Рафф пробормотал, что завтра ни за что не ляжет в постель.

– Мне и самой кажется, что так, – с улыбкой сказала Метта. – Вон каким молодцом стал ты похаживать по комнате!

Когда Рафф закрыл глаза, Метта взяла свое вязанье и села около постели.

– Если ты припомнишь фамилию этого человека, Рафф, – осторожно начала она, – я отнесу часы сейчас же, пока ты будешь спать. Гретель с минуты на минуту придет домой.

Рафф покачал головой: он не мог припомнить фамилию.

– Уж не Бумпгоффен ли это? – продолжала Метта. – У него было два сына, Герард и Ламберт, и, кажется, оба они пошли по дурной дороге.

– Может быть, – сказал Рафф. – Посмотри, не вырезано ли на часах каких-нибудь букв? Это могло бы помочь нам.

– Господи помилуй. Да ты стал еще умнее и догадливее прежнего, – радостно воскликнула Метта, схватив часы. – Ну, так и есть. Тут три буквы – *Л, Д и Б*. Это, наверное, Ламберт Бумпгоффен. Не понимаю только, к

чему припелась тут буква *Д*. Впрочем, это были знатные господа, а знатные люди очень часто дают своим детям по два имени.

– Очень может быть, что ты права, Метта. Отнеси часы Бумпинсам.

– Я не знаю никаких Бумпинсов, Рафф. Я тебе говорю про Бумпгоффенов.

– Да, да, отнеси им.

– Какой ты чудак, Рафф! Как же я отнесу им часы, когда они все уехали в Америку четыре года тому назад? Однако, тебе давно пора спать: ты утомился и побледнел. Подождем до завтра – утро вечера мудренее... А, юфрау Гретель! Наконец-то вы явились!

Глава XVII. Открытие

На другой день у Бринкеров было много хлопот. Прежде всего нужно было рассказать отцу о найденной тысяче гульденов. Такое радостное известие наверняка не могло повредить ему. Потом Гретель принялась мыть пол и убирать комнату, а Метта и Ганс отправились покупать торф и провизию.

У Ганса было легко на душе; Метта испытывала приятное волнение, толкуя с ним о разных безрассудных покупках, на которые не хватило бы и десяти тысяч гульденов. У нее были такие грандиозные планы, а вернулись они из Амстердама с такими маленькими свертками, что Ганс почувствовал некоторое разочарование.

— О чем ты задумался? — спросила его Метта, накрывая на стол. — Представь себе, Рафф, мальчик вообразил, что мы принесем домой чуть не пол-Амстердама! Господи помилуй! Дай ему волю, так он купил бы столько кофе, что его не поместить бы и в этом кotle. «Нет, нет, Ганс! — сказала я. — Течь страшнее всего именно тогда, когда корабль хорошо нагружен!..» Ну, Рафф, садись вот сюда, на хозяйствское место, как глава семьи. Вот так, обопрись на Ганса; он довольно силен, чтобы удержать тебя. А давно ли еще ковылял он на своих крошечных ножках!.. Кушайте, детки, кушайте больше: вы уже достаточно постились!

После обеда снова начались разговоры о часах и о вырезанных на них буквах. Наконец Ганс отодвинул свой стул и встал, собираясь идти к мингеру ван Гольпу, а Метта хотела спрятать часы, как вдруг к дому подъехал экипаж.

Через минуту кто-то постучал в дверь.

— Войдите! — сказала Метта, зажав в руке часы. — Ах, это вы, мингер! Здравствуйте, милости просим! Посмотрите-ка, каким молодцом стал отец... Ох, у нас такой беспорядок! Господи, и со стола не убрано!

Доктор не обратил внимания на ее слова. Он, по-видимому, очень спешил.

— Ну, я, кажется, здесь совсем не нужен, — сказал он. — Большой быстро поправляется.

— Еще бы ему не поправляться, мингер! — воскликнула Метта. — Ведь вчера вечером мы нашли тысячу гульденов, которую считали пропавшей в течение десяти лет.

Доктор с удивлением взглянул на нее.

– Да, это правда, мингер, – подтвердил Рафф. – Хоть мы и не будем говорить об этом вся кому, но вам сказать можно, потому что вы не станете болтать.

Доктор нахмурил брови. К чему эти разговоры о личных делаах?

– Теперь мы можем расплатиться с вами, мингер, – продолжал Рафф. – Скажите моей жене, сколько мы вам должны, и мы с удовольствием заплатим. Вы так много сделали для нас!

– Полно, полно, не говорите о деньгах. В них у меня никогда не бывает недостатка, но благодарность я получаю далеко не всегда. Ваш сын, – прибавил он, кивнув на Ганса, – с избытком заплатил мне, когда поблагодарил меня.

– Должно быть, и у вас есть сынок, мингер? – спросила Метта, очень довольная, что доктор стал так общителен.

Лицо Бёкмана снова омрачилось. Он откашлялся – Гретель показалось даже, что он зарычал, – и не ответил ни слова.

– Извините мою жену за этот нескромный вопрос, мингер, – сказал Рафф. – Она задала его только потому, что на нее сильно подействовал разговор, который был у нас до вашего прихода. Один молодой человек дал мне поручение к своим родным, а оказывается, что они уехали отсюда.

– Их фамилия Бумпгоффен, – прибавила Метта. – Вы их знали, мингер?

– Да, – коротко ответил доктор. – Очень неприятные люди. Они уже давно переселились в Америку.

– Говорят, что в Америке живут одни только дикари, – сказала Метта. – Но может быть, у вас все-таки найдется там какой-нибудь знакомый, мингер?.. Было бы хорошо, Рафф, если бы можно было передать Бумпгоффенам поручение молодого человека и часы.

– Пустяки, жена! Разве можно затруднить такими вещами доктора, у которого столько забот с больными? Мы даже не знаем точно, был ли это сын Бумпгоффена или кого другого.

– Нет, Рафф, я уверена в этом. У Бумпгоффена был сын Ламберт, и на часах вырезано *L* и *B*. Не понимаю только, зачем тут вставлено *D*. Не угодно ли вам взглянуть, мингер?

И она протянула Бёкману часы.

– На них вырезано *L*, *D* и *B*? – воскликнул он, бросившись к ней.

Невозможно описать сцену, которая последовала за этим. Поручение юноши было, наконец, исполнено: часы были переданы отцу – рыдавшему, как ребенок, доктору Бёкману.

– Лоренс! Мой Лоренс! – воскликнул он, глядя на часы, которые не

выпускал из рук. — Ах, если бы я знал это раньше! Мой Лоренс — бездомный скиталец!.. О, Боже! Он, может быть, страдает... Может быть, уже умер!.. Подумайте, ради Бога, подумайте хорошенъко, Бринкер! Что говорил мой сын? Куда нужно было послать письмо?

Рафф грустно покачал головой.

— Попробуйте припомнить! — умолял его доктор.

— Не могу, мингер, — со вздохом ответил Рафф.

Горе доброго доктора глубоко тронуло Ганса. Он забыл, что перед ним знаменитый хирург, и нежно обнял его.

— Я найду вашего сына, мингер. Он где-нибудь да должен же жить. Я буду искать его везде, посвящу этому всю мою жизнь. Мама может теперь обойтись без меня. Мингер, пошлите меня, куда потребуется!

Слезы полились из глаз Гретель. Ганс хочет поступить хорошо, но... Но как же они будут жить без него?

Бёкман не отвечал и, не спуская глаз, смотрел на Раффа. Вдруг он поднял часы и открыл их. На внутренней стороне крышки была наклеена бумажка с нарисованным на ней букетом незабудок.

— Тут было еще что-то, мингер, — сказал Рафф, заметив выражение обманутого ожидания, промелькнувшее на лице доктора. — Я видел, как ваш сын вынул что-то оттуда, поцеловал и спрятал в карман.

— Там был миниатюрный портрет его матери, — сдерживая рыдание, проговорил доктор. — Она умерла, когда ему было десять лет. Слава Богу! Мой мальчик не забыл ее... И оба, оба умерли!.. Нет, это невозможно! Мой сын жив... Я расскажу вам, как было дело. Лоренс был моим помощником. Он по рассеянности отослал одному из моих больных вместо прописанного мной лекарства склянку с сильным ядом. К счастью, я заметил ошибку прежде, чем пациент успел отравиться. Но он и без того был при смерти и умер в тот же день. У меня в то время было несколько очень опасных больных, и я вернулся домой только на другой день вечером. Моего сына уже не было там. Бедный Лоренс! — Тут доктор не выдержал и горько зарыдал. — В течение стольких лет он ждал от меня весточки; так и не дождался ее! Он наверное, подумал, что я смотрю на него как на преступника и не хочу видеться с ним! О, как он должен был страдать!

Метта решилась заговорить. Ей слишком тяжело было смотреть на слезы доктора.

— Какое счастье, что ваш сын оказался невиновным, — сказала она. — А как он мучился! Ведь он говорил тебе, Рафф, что считает себя убийцей, хоть и неумышленным... Так, значит, он просто по ошибке послал больному не то лекарство? Нечего сказать — преступление! Да и наша

Гретель могла бы сделаться такой преступницей... Должно быть, бедный молодой человек услышал, что больной умер, и потому решил бежать. Он сказал, что не вернется до тех пор, пока... Ах, мингер, тяжело ему было ждать десять лет весточки от...

– Молчи, жена! – резко остановил ее Рафф.

– Ждать весточки! – простонал доктор. – А я, как дурак, сидел все это время, воображая, что он добровольно покинул меня. Мне и в голову не приходило, Бринкер, что сын узнал о своей ошибке. Я думал, что недостаток любви ко мне и страсть к приключениям заставили его уйти от меня. О, мой бедный Лоренс!

– Но ведь теперь вы все знаете, мингер, – прошептал Ганс. – Вы знаете, что он невиновен и любит вас и свою покойную мать. Мы найдем его, непременно найдем! Вы опять увидитесь с ним!

– Да благословит тебя Бог, мой мальчик! – сказал доктор, сжав руку Ганса. – Может быть, так оно и будет. Я сделаю для этого все, что в моих силах... Если вы припомните что-нибудь еще, Бринкер, тотчас же дайте мне знать.

– Конечно, конечно! – закричали все.

– Глаза вашего мальчика удивительно напоминают мне глаза моего сына, – сказал доктор, обращаясь к Метте. – Когда я в первый раз увидел Ганса, мне показалось, что на меня смотрит Лоренс.

– Я заметила, мингер, что вы расположены к нашему Гансу, – сказала Метта, с гордостью взглянув на сына.

Доктор на минуту задумался, а потом сказал уже другим тоном:

– Извините меня, Бринкер, я растревожил вас. Не горюйте обо мне. Я ухожу от вас счастливее, чем был во все эти долгие, тяжелые годы. Могу я взять часы?

– Само собой разумеется, мингер. Это было желание вашего сына.

– Ну, прощайте. От души благодарю вас, друзья! Да благословит вас Бог!

– Да благословит он вас, мингер, и да поможет вам поскорее найти сына! – с жаром воскликнула Метта, быстро смахнув фартуком набежавшие на глаза слезы.

Рафф сказал «Аминь!», а Гретель взглянула на доктора так нежно, что он, идя к двери, погладил девочку по голове.

Ганс вышел вместе с ним.

– Если я могу пригодиться вам на что-нибудь, мингер, вам стоит сказать только слово, – проговорил он.

– Хорошо, мой мальчик, – ласково ответил доктор. – Предупреди

своих, чтобы они не рассказывали никому о том, что произошло сегодня. А ты, Ганс, следи хорошенько за отцом, и если заметишь, что память возвращается к нему, тотчас же расспроси его.

– Положитесь на меня, мингер.

– Спасибо тебе. Прощай!

Доктор кивнул Гансу и уехал.

Глава XVIII. Состязания

Наконец пришло и двадцатое декабря. День был морозный, но ясный. Яркие лучи солнца заливали все, но лед держался крепко и не таял. Ветра совсем не было. Флюгеры стояли неподвижно, и для мельниц наконец наступил праздник. Всю прошлую неделю они вертелись, как безумные, и теперь, совсем задохнувшись, чуть-чуть шевелили крыльями, которые резко выделялись в чистом, прозрачном воздухе. Разве станет работать мельница, когда даже флюгеры бездельничают?!

Для мельников это пришлось как нельзя более кстати: теперь и им можно было полюбоваться на состязания. Слух о них разошелся по всей округе, и толпы разряженных мужчин и детей спешили к замерзшему рукаву залива.

Северный берег его был уже усеян зрителями. Тут были городские жители, иностранцы и крестьяне; важные господа в роскошных экипажах, разодетые, как парижане; девочки из католического сиротского дома в черных платьях и белых чепчиках; мальчики из приюта в узеньких панталонах и ярких полосатых куртках; старосветские господа в треугольных шляпах и коротких бархатных штанах и дамы им под стать – в толстых стеганных юбках и корсажах из блестящей парчи. Этих старииков и старушек сопровождали слуги с плащами, теплыми платками и грелками для ног.

Крестьяне были в самых разнообразных костюмах. Юноши щеголяли поясами с медными пряжками; молодые девушки – золотыми сетками, надетыми на их светлые, как лен, волосы. На женщинах были длинные, узкие фартуки, почти сплошь покрытые вышивкой, полосатые юбки и чепцы, похожие на мельницы. У некоторых на лоб спускались короткие локоны в виде штопора; у других волосы были сбриты и чепчики плотно прилегали к голове. Одежда мужчин состояла из кожаных штанов, куртки из домотканой материи и остроконечной шляпы.

Всюду виднелись высокие женщины, коренастые мужчины, веселые личики детей и оживленные лица молодежи. У каждого мужчины была в рту трубка и в руках кисет с табаком, а некоторые захватили с собой все принадлежности для курения: трубку, табак, что-то вроде шила, чтобы прочищать чубук, серебряную сетку, которой прикрывают чашечку зажженной трубки, и коробку с серными спичками.

Голландец никогда не расстается со своей трубкой и, кажется, скорее

согласится не дышать, чем не курить. И теперь клубы дыма носились над толпой, и чем прихотливее они извивались, тем флегматичнее смотрели сами курильщики.

Некоторые из детей, опасаясь, что им не удастся пробраться в передние ряды, явились на ходулях. Они высоко поднимались над толпой, и им было отлично видно все. На их румяных лицах лежало такое решительное выражение, а деревянные ноги их были так длинны, что нервные люди невольно сторонились при приближении этих маленьких чудовищ.

В числе зрителей были и наши знакомые. На самом берегу канала, в красивом павильоне, сидели мефрау ван Глек – главная виновница торжества, ее муж, дети и бабушка с дедушкой. Крошка Вуст тоже был тут. Его так основательно закутали, что он напоминал египетскую мумию, но это не мешало ему радостно взвизгивать и хлопать в ладоши, когда начинала играть музыка.

Рядом с дедушкой, который держал на коленях Вуста, сидел какой-то господин, очень похожий на святого Николаса, приходившего к ван Глекам пятого декабря. Но у святого спускалась чуть не до самого пояса длинная седая борода, а у этого молодого человека на лице никакой растительности не было. Нет, не может быть, чтобы это был святой Николас!

В соседнем павильоне поместился мингер ван Гольп со всеми своими чадами, домочадцами и приехавшими из Гааги старшей дочерью и зятем. Мефрау ван Генд сдержала свое обещание приехать на состязания и привезла для победителей великолепные букеты оранжерейных цветов.

На эстраде с развевавшимися синими флагами сидели музыканты. Судьи занимали павильон, украшенный морскими раковинами и флагами всевозможных цветов. Две белые колонны, соединенные наверху длинной полосой сукна, указывали на место, с которого должны начаться состязания, а на расстоянии полумили от них стояли флагштоки, добежав до которых, нужно было поворачивать назад.

Участвующие в состязаниях – двадцать мальчиков и двадцать девочек – собирались около колонн.

Ламберт, Людвиг, Петер и Карл весело болтали между собой. Ганс стоял недалеко от них в тех самых коньках, которые продал за семь гульденов. Он скоро догадался, что человек, пожелавший приобрести их, была сама Анни Бауман, и выкупил их у нее.

Девочки стояли впереди мальчиков, так как им приходилось бежать первым. Ричи и Катринка горячо толковали о чем-то; Гильда ласково разговаривала с Гретель, которую было трудно узнать в новой темной юбке,

красной кофточке, хорошеных башмаках и новом чепчике. Анни Бауман, как всегда, веселая и живая, тоже была тут.

Музыка смолкла. Теперь уже скоро должны были начаться состязания. Девочки выстроились в ряд.

Глашатай громко прочитал правила:

– Мальчики и девочки бегают поочередно до тех пор, пока какая-нибудь девочка и какой-нибудь мальчик не останутся победителями два раза. Участвующие становятся в ряд, около колонн, бегут до флагштоков и, повернув назад, возвращаются к колоннам, делая, таким образом, каждый раз по одной милю.

В павильоне судей махнули флагом. Мефрау ван Глек встала с места и наклонилась, держа в руках белый платок. Когда она бросит его, раздастся звук трубы и начнутся состязания.

Платок опускается, все вздрагивают. Нет, он опять поднимается. Судьи нашли, что ряд не совсем ровен.

Снова поднимается и опускается платок... На этот раз он падает, и в то же мгновение трубач подает сигнал.

В первую минуту толпа зрителей молча, сдерживая дыхание, следит за быстро несущимися по льду девочками. Потом она начинает волноваться и со всех сторон раздаются восторженные восклицания. Четыре девочки обогнали остальных... Одна из них уже добежала до флагштоков и повернула назад... Разобрать, кто это, невозможно. Виднеется только что-то красное и синее.

Но девочка быстро приближается, ее уже видно. Это Катринка! Она пробежала мимо павильона мефрау ван Глек, но в эту минуту ее обгоняет Гильда. Две другие девочки настигают их – одна из них Гретель. Еще мгновение, и она впереди всех. Зрители приветствуют ее громкими криками, но она слышит только один голос, голос отца:

– Отлично, маленькая Гретель! – одобрительно восклицает он.

Через некоторое время Катринка обгоняет Гильду, потом какая-то девочка в желтой юбке обгоняет их обеих. Но Гретель все-таки остается впереди всех. Судьи, держа в руках часы, наклоняются вперед. Толпа волнуется, как море, и крики не смолкают ни на минуту. Гретель добежала до цели. Она осталась победительницей!

III folyles

Гретель добежала до цели...

– Гретель Бринкер, одна миля! – кричит глашатай.

Судьи кивают и записывают что-то в свои записные книжки.

Девочки отдыхают, некоторые из них горячо поздравляют счастливую Гретель, другие презрительно отходят в сторону. Теперь мальчики становятся в ряд. На этот раз мингер ван Глек бросает платок. Снова раздается звук трубы, и мальчики несутся вперед.

Толпа опять начинает волноваться и ободряет бегунов криками. Бедный Якоб Пут далеко отстал от товарищней, и зрители не могут удержаться от смеха, глядя на него. Он несколько раз спотыкается и едва удерживается на ногах, потом останавливается, вытирает потное лицо, снимает шапку, улыбается и присоединяется к толпе. А зрители, побежденные его добной улыбкой, перестают смеяться и выражают ему свое сочувствие.

Несколько мальчиков бегут впереди, среди них Бен, Петер и Ганс. Проходит несколько мгновений, и Ганс опережает всех.

Мефрау ван Генд судорожно мнет цветы. Она была уверена, что победит Петер. Тотчас же за Гансом бежит Карл Шуммель, а за ним Бен. Вдруг какой-то высокий юноша опережает Бена, а потом и Карла. Мефрау ван Генд, сдерживая дыхание, следит за ним.

Это Петер! Ура! Он обогнал Ганса!.. Нет, Ганс опять впереди!.. На глаза Гильды наворачиваются слезы, а Гретель, скав руки, не спускает глаз с брата. Еще несколько шагов, и он у цели!

Но в последнюю минуту Карл Шуммель, сделав большое усилие, опередил его и подбежал к колоннам.

– Карл Шуммель, одна миля! – закричал глашатай.

Снова наступает очередь девочек.

На этот раз Гильда значительно опередила всех. Катринка бежит в нескольких шагах от нее, но Ричи и Гретель остались позади. Гретель как будто колеблется, сомневается в своих силах, но когда Ричи обогнала ее, она быстро побежала вперед. Вот они обе уже около Катринки, а Гильда все-таки далеко впереди. Она летит, как стрела, и раньше всех достигает цели.

– Гильда ван Глек, одна миля! – снова раздается голос глашатая.

Глава XIX. Победители. – Радость Бринкеров

Громкие возгласы одобрения пронеслись в толпе и слились со звуками музыки. Но все смолкло, когда из павильона судей махнули флагом. Еще раз протрубыли сигнал и побежали мальчики.

Ганс, Петер и Ламберт скоро опережают всех, но через минуту Карл Шуммель проносится мимо них, как стрела.

Гретель, отдыхающая на длинной красной лавочке, не может усидеть на месте. Она вскакивает и не спускает глаз с Ганса. Он и Петер уже обогнали Карла... Они бегут рядом... Проходит еще мгновение, и Петер первым подбегает к колоннам.

– Петер ван Гольп, одна миля! – кричит глашатай.

Снова раздаются восторженные крики толпы, и снова гремит музыка.

Девочки готовятся бежать в третий раз.

Эта третья миля может решить все. Но если ни Гильда, ни Гретель не останутся победительницами, для остальных еще не потеряна надежда получить серебряные коньки.

На всех лицах лежит серьезное, решительное выражение. Каждая девочка чувствует, что на этот раз она побежит вдвое быстрее. Они озабоченно топают ногами, чтобы убедиться, что коньки привязаны как следует, с нервным волнением осматривают каждый ремешок и потом, выпрямившись, устремляют глаза на мефрау ван Глек.

Платок падает, звучит труба, и девочки в одно мгновение исчезают вдали...

Вот одна из них добежала до флагштоков и повернула назад... Она далеко опередила всех и быстро приближается к колоннам.

Кто же это? Гильда или Катринка? Нет, ни та, ни другая. Это Гретель... Ее не в силах обогнать никто... Она уже у цели!

Тщетно выкрикивает глашатай ее имя: его голос заглушается криками и возгласами зрителей. Все знают и без глашатая, что Гретель Бринкер осталась победительницей, что она получит серебряные коньки!

Как птичка пронеслась она по льду и, добежав до колонн, застенчиво огляделась вокруг. Ей хочется поскорее пойти в тот уголок, где стоят ее отец и мать, но тронуться с места невозможно: к ней сначала подошел Ганс, потом окружили девочки. Гильда стоит около нее и, весело улыбаясь, что-

то шепчет ей. Теперь уже никто не станет относиться к Гретель с презрением. Пасет она гусей или нет, а все-таки ей достались серебряные коньки; она королева конькобежцев.

Ганс отыскивает глазами Петера: ему хочется, чтобы тот был свидетелем торжества Гретель. Но Петер и не смотрит на нее. Он стоит на коленях и возится со своими кошками. Лицо его взволнованно и растерянно. Ганс подбежал к нему.

– Что с вами, мингер? – воскликнул он.

– Со мной случилась беда, Ганс, и мне придется отказаться от участия в беге! Я хотел стянуть потуже ремешок у конька, проткнул ножом новую дырочку, а ремешок оборвался...

– Возьмите ремешок у меня! – сказал Ганс, торопливо снимая кошечки.

– Нет, нет, Ганс, спасибо тебе! Ступай скорее на свое место, а то опоздаешь.

– Вы называли меня другом, – горячо проговорил Ганс, – и не должны отказывать мне... Ради Бога, берите ремешок – вам нельзя терять ни минуты!

И Ганс, не слушая никаких возражений, сунул ремень в руку Петера.

– Иди, Петер! – крикнул Ламберт. – Мы ждем тебя!

– Поскорее, поскорее, мингер, – сказал Ганс. – Мефрау ван Гольп машет вам, чтобы вы становились в ряд... Не отговаривайтесь... Не беда, если я не буду участвовать в состязании. Я едва ли мог бы стать победителем: борьба будет главным образом между вами и Карлом Шуммелем.

– У тебя благородное, великодушное сердце, Ганс, – воскликнул Петер, крепко сжимая ему руку.

Едва успел он встать на свое место, как платок упал и раздался сигнал.

– Что за молодцы! – воскликнул какой-то старик, с восхищением глядя на скользящих по льду мальчиков.

И он был прав. Они неслись с такой поразительной быстротой, что казалось, у них на ногах были крылья, как у Меркурия.

Впереди всех бежит Петер... его обогнал Карл... Потом Бен выдвинулся на первое место. А теперь уже ничего не видно вдали!

Вот ребята повернули назад. Петер опять впереди! Мать и сестра, сдерживая дыхание, следят за ним и через минуту облегченно вздыхают. Ура! Петер получит серебряные кошечки!

– Петер ван Гольп! – восклицает глашатай, но никто не слушает его.

– Петер ван Гольп! – кричат сотни голосов, ведь Петер общий любимец. – Ура! Ура!

Заиграла музыка, и все участвующие в состязаниях выстроились в ряд. Петер, как самый высокий, поместился на первом месте, а на другом конце встала Гретель, самая маленькая. Ганс, доставший себе ремешок у мальчика, продававшего сласти и печенье, стоял недалеко от Петера.

Три ярко выкрашенные арки поднимались на льду перед павильоном мефрау ван Глек, на некотором расстоянии одна от другой.

Тихо, в такт музыке, двинулся за Петером длинный ряд девочек и мальчиков. Казалось, какая-то гигантская змея то вытягивается во всю длину, то, извиваясь, скользит из одной арки в другую.

Но вот раздался звук трубы. Музыка тотчас же смолкла, а участники состязаний образовали полукруг перед павильоном.

Петер и Гретель стояли отдельно, впереди всех. Мефрау ван Глек поднялась с места, и Гретель вздрогнула и опустила глаза. Она не слышала, что говорила эта знатная дама – вокруг был такой гул! – но чувствовала, что ей нужно сделать реверанс, какой делает ее мать, здороваясь с доктором. Вдруг в руки Гретель положили что-то такое великолепное и блестящее, что она забыла о приличиях и радостно вскрикнула:

– Ax, какая прелесть!

А серебряные коньки ослепительно сверкали на солнце, и отблеск их падал на ее счастливое лицо.

От мефрау ван Генд принесли четыре букета: Петеру, Гретель, Гильде и Карлу.

Увидев цветы, Гретель пришла в еще больший восторг и, прижав к груди букет и серебряные коньки, побежала искать в толпе отца и мать.

H. Schuler

Держа в руке серебряные коньки, Гретель отыскала в толпе отца и мать...

Да, Рафф уже совсем поправился и присутствовал на состязаниях вместе с Меттой, он мог порадоваться успеху своей маленькой дочки. А вечер счастливого дня Бринкеры провели еще лучше. Если бы вы увидели их ветхую хижину с покосившимися стенами и нависшей крышей – хижину, одиноко стоящую на замершем болоте, – вам бы и в голову не пришло, что там так весело!

Солнце уже заходило, и последние яркие лучи его заглянули в окно Бринкеров. Солнышко как будто чувствовало, что ему здесь будут рады. В комнате не было ни пылинки; чисто-начищо вымытый пол блестел, как полированный, и чудесное благоухание разливалось в воздухе. В печи пыпал торф, и красноватый отблеск падал то на большую кожаную библию, то на серебряные коньки и букет роскошных цветов. На лице Метты сияла улыбка, Гретель и Ганс стояли, обнявшись, около камина и смеялись, а Рафф Бринкер... приплясывал.

Конечно, он не выделявал какие-нибудь пируэты и антраша. Нет, это было бы неприлично для главы семьи. Но пока Ганс и Гретель весело болтали, Рафф вдруг вскочил, прищелкнул пальцами и сделал два-три довольно замысловатых па. Потом он обнял жену и приподнял ее в воздух.

– Ура! – в заключение воскликнул он. – Я вспомнил, вспомнил! Томас Гигс! Вот кому следовало послать письмо! Это имя припомнилось мне совершенно неожиданно. Запиши его, Ганс, запиши скорее!

В это время кто-то постучал в дверь.

– Это, должно быть, доктор! – радостно воскликнула Метта. – Ах, как кстати!

Но это оказался не доктор, а Петер, Ламберт и Бен.

– Здравствуйте, молодые господа! – сказала Метта, очень польщенная этим визитом.

– Здравствуйте, мефрау, – ответили друзья и изящнейшим образом раскланялись с ней.

«Слава Богу, что я умею делать реверанс!» – подумала Метта, неловко приседая и раскачиваясь из стороны в сторону.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала она, когда Гретель застенчиво пододвинула скамейку. – Так, так, Ганс, придвинь ее поближе к огню.

К величайшему удовольствию Метты, мальчики уселись, и Петер объяснил, что они идут в Амстердам и зашли к Гансу, чтобы отдать ему ремешок от конька.

– О, мингер! – воскликнул Ганс. – Как мне жаль, что вы беспокоились из-за таких пустяков!

– Какое же тут беспокойство, Ганс! Я и без того пришел бы к тебе. Кстати, мой отец очень доволен твоей работой. Он хотел было поручить тебе и резьбу беседки, но я сказал, что у тебя не будет свободного времени, так как ты опять начнешь ходить в школу.

– Верно, верно! – подтвердил Рафф. – И Ганс, и Гретель должны ходить в школу.

– Очень рад, что вы так думаете, – сказал Петер, – и еще более рад, что вы выздоровели.

– Да, теперь я, слава Богу, здоров и могу работать по-прежнему.

В это время Ганс написал что-то на уголке старого календаря, который висел около камина.

– А ведь я опять забыл это имя, Ганс, – с испугом сказал Рафф. – Фигс... Вигс... Нет, не помню!

– Не беспокойся, отец, я уже записал его, – ответил Ганс и прибавил, обращаясь к Петеру: – Мне нужно сегодня же побывать в городе...

– С какой стати идти сегодня? – воскликнула Метта. – Успеешь и завтра, если выйдешь пораньше утром.

– Нет, до завтра откладывать нельзя, – возразил Рафф. – Он должен отправиться сегодня.

– Как хочешь, Рафф, – с улыбкой сказала Метта. – Ведь Ганс не только мой, но и твой сын... Видите, молодые господа, какая у меня беспокойная семья!

– Вот твой ремешок, Ганс, – вполголоса проговорил Петер. – Благодарю тебя за услугу: ты поступил великодушно и сделал мне большое одолжение. Я никогда не забуду этого. Только когда мы побежали в третий раз, я понял, как мне хотелось стать победителем!

Ганс покраснел и растерялся, не находя слов.

– Ничего, ничего, мингер! – воскликнула Метта, стараясь выручить его из неловкого положения. – И Ганс от всего сердца желал того же; я знаю, что желал!

– К тому же я ничего не потерял, отказавшись от состязания, – сказал Ганс. – Я почувствовал с самого начала какую-то тяжесть и неловкость в ногах. У меня не могло быть никакой надежды на успех: за последнее время я отвык от металлических коньков.

– Ну, я смотрю на это иначе, – сказал Петер.

Ламберт кашлянул и взглянул на него, как бы напоминая, что им пора идти, а Бен положил на стол какой-то сверток.

— Ах, я и забыл о поручении, которое мне дали! — воскликнул Петер. — Твоя сестра, Ганс, убежала так быстро после того, как получила коньки, что мефрау ван Глек не успела отдать ей футляр от них.

— Ай-ай-ай! Какая невежливая девочка! — сказала Метта, качая головой и с упреком глядя на Гретель, но думая в то же время, что едва ли на свете много матерей, у которых были бы такие славные дочки.

— Нисколько! — ответил, смеясь, Петер. — Она поступила вполне естественно. Очень понятно, что ей хотелось поскорее показать свои сокровища вам. Всякий сделал бы то же самое на ее месте... Ну, мы не станем задерживать тебя, Ганс, — прибавил он.

Но Ганс уже не слышал его. Он наклонился к отцу и не спускал с него глаз.

— Томас Гигс! — вполголоса говорил Рафф. — Да, Томас Гигс — вот имя! Ах, если бы мне припомнить и название города!

Необыкновенно изящный футляр для коньков был из красного сафьяна с серебряными украшениями. Он был выложен внутри бархатом, а в уголке было клеймо с адресом и фамилией хозяина мастерской.

Гретель поблагодарила Петера и, с восторгом глядя на футляр, стала осматривать его со всех сторон.

— Его сделал мингер Бирмингем, — сказала она.

— Бирмингем! — воскликнул Ламберт. — В Англии есть такой город. Покажи-ка мне!

— Немудрено, что ты ошиблась, — сказал он, наклонившись к огню и пристально рассматривая клеймо. — Ящичек сделан в Бирмингеме, а фамилия напечатана такими маленькими буквами, что ее трудно прочитать... Нет, я не могу разобрать!

— Дай, я попробую, — вмешался Петер. — По-моему, буквы совершенно ясны. Т... О... Да, первая буква Т...

— Ну, если ты будешь читать таким образом, то мы немного узнаем! — воскликнул Ламберт. — Т и О будет ТО. А что же дальше?

— Постой... ТО... ТО... Томас Гигс — вот что!.. А теперь идем: мы задерживаем Ганса.

Он обернулся, чтобы проститься с добрыми хозяевами, но вдруг остановился. Что это с ними сделалось? Рафф и Ганс вскочили и с изумлением глядят на него. У Гретель какой-то дикий вид; Метта, держа в руке незажженную свечу, мечется из стороны в сторону и кричит:

— Ганс, Ганс, где твоя шапка?.. Скорее! Скорее!

— Бирмингем! Гигс! — воскликнул Ганс. — Ведь вы сказали «Томас Гигс»! Ну, значит, мы нашли его... Я должен сейчас же идти!..

— Видите, молодые господа, — пробормотала Метта, схватив с кровати шапку Ганса. — Мы... мы знаем его. Он наш... впрочем, нет... Я хочу сказать... Ах, Ганс, ты должен сию же минуту бежать в Амстердам!

— До свидания! — сказал Ганс, лицо которого сияло от радости. — Извините меня, мне нужно идти... Бирмингем, Гигс! Гигс, Бирмингем!

Мать подала ему шапку, Гретель — коньки, и он исчез.

Мальчики испуганно переглянулись: им показалось, что все Бринкеры сошли с ума. Они сконфуженно простились и пошли к двери, но Рафф остановил их.

— Этот Томас Гигс, — сказал он, — этот Томас Гигс — человек.

— А! — воскликнул Петер, приходя к заключению, что хозяин дома еще безумнее остальных членов семьи.

— Да, человек... то есть... гм!.. то есть друг. Мы считали его умершим. Надеюсь, что это он. Так вы говорите, что он в Англии?

— Да, в Бирмингеме.

— Я знаю Томаса Гигса, — сказал Бен, обращаясь к Ламберту. — Его магазин недалеко от нашего дома. Этот Гигс большой чудак и живет очень уединенно. Настоящая улитка! Я не раз видел его. У него серьезное, грустное лицо и замечательно красивые глаза. Я как-то заказывал ему альбом для подарка Джени в день ее рождения, и он вышел чудо как хорош. У Гигса в мастерской делают записные книжки, бумажники, футляры для биноклей и всевозможные кожаные вещи.

Так как Бен говорил по-английски, то Ламберт счел своей обязанностью перевести присутствующим его слова и заметил, что хозяева слушали его с большим удовольствием, хотя Рафф дрожал, а у Метты на глазах были слезы.

* * *

Доктор приехал вечером вместе с Гансом, и ему тотчас же передали рассказ Бена.

— Вам следовало бы повидаться с этим английским мальчиком, мингер, — сказал Рафф, — а то он того и гляди перезабудет все, что знает о Томасе Гигсе. Уж одно это имя чего стоит — и его-то трудно запомнить! Оно пришло мне на ум как-то сразу, вдруг, а потом опять выскоцило из памяти. Хорошо, что Ганс записал его. Да, мингер, я бы на вашем месте потолковал с этим английским мальчиком. Оказывается, он часто виделся с вашим сыном, — как вам это нравится?

— Вы можете перехватить мальчика на дороге, когда он будет возвращаться из Амстердама, — поддержала мужа Метта. — Вы сейчас же узнаете его. Он говорит очень быстро, но не по-нашему, а волосы у него кудрявые, как у всех иностранцев. К тому же с ним будет сын мингера ван Гольпа. Они, наверное, вернутся вместе.

Доктор, лицо которого сияло от радости, пробормотал что-то насчет безумия менять свою фамилию на какую-то отвратительную английскую и весело простился со всеми.

Кучер, очень недовольный, что ему велели ехать назад, в Амстердам, облегчил свою душу во время пути. Когда доктор уселся в карету и дверца захлопнулась, его возница стал довольно громко рассуждать про людей, которые думают только о себе, не заботятся ни о ком и без толку разъезжают с места на место.

Глава XX. Заря новой жизни

В начале января Томас Гигс, уже превратившийся в Лоренса Бёкмана, приехал вместе с отцом к Бринкерам.

Рафф сидел около огня, отдыхая после дневной работы; Гретель стояла около него с только что набитой и зажженной трубкой; Метта вязала, а Ганс, усевшись около окна, прилежно учил свои уроки. Все дышало миром и покоем в этом маленьком домике, где собралась дружная, любящая семья.

Когда доктор представил хозяевам своего сына, Метта предложила гостям напиться чаю.

— Сегодня такой холод и ветер, — сказала она, — что вы, наверное, озябли.

Гретель внимательно рассматривала Лоренса и чувствовала себя несколько разочарованной. Она ожидала, что ей придется присутствовать при какой-нибудь трагической сцене вроде тех, которые ей не раз читала Анни из своих книжек. Но ничего подобного не случилось. Молодой человек, чуть не сделавшийся убийцей, скитавшийся по свету в течение десяти лет и думавший, что отец отрекся от него, — этот молодой человек, с таким отчаянием покидавший свою родину, преспокойно сидел около камина и ничем особенным не отличался от других!

Правда, его голос дрожал, когда он благодарили ее отца, а на лице его появилась светлая улыбка — наверное, такая же светлая, как у человека, который убил дракона и принес королю живой воды, — но во всяком случае он был совсем не похож на героев из книжек Анни. Он даже не поднял рук к небу и не воскликнул: «С этих пор клянусь быть всегда верным моей семье, моему королю и моему отечеству!», что в данных обстоятельствах пришлось бы как нельзя более кстати.

Но если Гретель испытывала некоторое разочарование, зато Рафф чувствовал себя вполне довольным. Поручение было исполнено; доктор нашел своего сына, и этот сын оказался к тому же не виновным ни в каком преступлении. Да, все кончилось как нельзя лучше.

Ганса больше всего занимала мысль о том, как приятно будет Лоренсу Бёкману снова стать помощником своего отца, а Метта тихонько вздыхала, жалея, что мать молодого человека не сможет полюбоваться на него и что доктор Бёкман так небрежно обращается со своими серебряными часами. Вон какие тусклые они стали! Он, по всей вероятности, носил их все время с тех пор, как взял у Раффа. А что же сделал он с золотыми, которые

надевал раньше?

Лицо доктора Бёкмана сияло: он был вполне счастлив. Казалось даже, что у него стало меньше морщин и он сразу потолстел.

– Ну, не счастливый ли я человек, Бринкер! – смеясь, сказал он. – Мой сын продаст на днях свою мастерскую и заведет другую здесь, в Амстердаме, значит, у меня всегда будут даровые футляры для очков.

Ганс вздрогнул и поднял голову.

– Мастерскую, мингер. Разве Томас Гигс... разве мингер Лоренс не будет вашим помощником?

На лицо доктора набежало как будто облачко, но оно тотчас же исчезло, и он снова улыбнулся.

– Нет, Лоренс предпочитает быть купцом.

– Купцом? – с изумлением повторил Ганс, и на лице его появилось такое растерянное выражение, что доктор расхохотался.

– Что с тобой, дружок? Разве, по-твоему, позорно быть купцом?

– Не позорно, мингер, – пробормотал Ганс, – но...

– Ну, что же?

– Но ведь нельзя же сравнить торговлю с медициной, мингер! – воскликнул Ганс. – По-моему, – возбужденно продолжал он, – нет ничего лучше, ничего выше занятия доктора! Он может помогать бедным, спасать человеческую жизнь, делать то, что вы сделали для моего отца! Это такое благородное, такое святое дело!

– Нет, мой мальчик, медицина – скверное занятие. Она требует слишком много терпения, настойчивости и самоотверженности.

– Конечно, так; и ума, и любви к людям. Но зачем же вы говорите, что это скверное занятие? Оно не скверное, а прекрасное и высокое... Извините меня, мингер, я позволил себе слишком много, говорил чересчур смело...

Доктор, по-видимому, рассердился. По крайней мере, он повернулся к Гансу спиной и вполголоса заговорил о чем-то с Лоренсом. А в это время Метта делала выговор сыну. Разве можно так спорить с важными господами? Они ужасно не любят этого!

– Сколько тебе лет, Ганс? – спросил доктор, снова обернувшись к нему.

– Пятнадцать, мингер.

– Хотелось бы тебе сделаться доктором?

– Да, мингер, – ответил Ганс, дрожа от волнения.

– Хочешь учиться, а потом поступить в университет и, по окончании курса, заниматься под моим руководством?

– Да, мингер.

– И ты не передумаешь, не бросишь меня, в то время как я буду рассчитывать, что подготовлю себе преемника?

– Нет, мингер, – твердо ответил Ганс, и глаза его блеснули.

– Вы можете положиться на него, мингер! – воскликнула Метта, которой уже давно хотелось вставить свое словечко. – Если Ганс что-нибудь решил, так оно и будет. А уж ученье он так любит, что его не оторвать от книжки. Он и теперь знает латынь не хуже любого священника.

Доктор улыбнулся и взглянул на Раффа.

– Теперь все дело за вами, Бринкер, – сказал он. – Одобрите вы наш план?

– По правде сказать, мингер, – ответил Рафф, – сам я предпочитаю работу на открытом воздухе. Но если мальчику хочется учиться и быть доктором, а вы обещаете взять его под свое покровительство, то я не стану противиться. Конечно, для этого понадобятся деньги, но у меня, слава Богу, здоровые руки и...

– Нет-нет, о деньгах нечего толковать! – воскликнул доктор. – Я отнимаю у вас работника, вашу правую руку, и, конечно, обязан вознаградить вас за это... Значит, у меня теперь два сына – так что ли, Лоренс? Один купец, а другой доктор!.. Приходи ко мне завтра утром, Ганс, и мы живо все уладим!

Ганс наклонил голову. Он был так взволнован, так счастлив, что не мог произнести ни слова.

– Кстати, Бринкер, мне нужно сказать вам кое-что, – снова начал доктор. – Мой сын, как я уже говорил вам, открывает мастерскую в Амстердаме. Ему нужен верный, честный человек – вот такой, как вы, – чтобы присматривать за рабочими... Да что же ты не переговоришь с ним сам, Лоренс?

Лоренс и Рафф переговорили, и через несколько минут дело было сложено.

– Мне жаль бросать мое теперешнее занятие, – в заключение сказал Рафф, – но вы предложили мне такие выгодные условия, мингер, что я не могу не согласиться на них. Не стану же я грабить свою семью!

На этом мы закончим наш рассказ и простимся с Бринкерами. Взглянем же на них в последний раз.

Лицо Ганса сияет, и он не спускает глаз с доктора. Гретель задумалась. Если Ганс решил быть доктором, то и ей нельзя оставаться невеждой. Да, она будет много учиться ради Ганса, чтобы ему не пришлось стыдиться своей необразованной сестры, когда он станет знаменитостью.

Доктор и Лоренс встают: им пора уезжать. Рафф крепко пожимает им руки, а Метта старается сделать реверанс как можно лучше и отворяет дверь, за которой расстилается покрытая снегом равнина.

Заключение

Наш рассказ близится к концу. Время идет в Голландии так же правильно и непрерывно, как и везде. В этом отношении ни одна страна не составляет исключения.

В семью Бринкеров оно внесло большие перемены. Ганс провел протекшие годы с большой пользой для себя. Он усиленно трудился, преодолевал все возникавшие на его пути препятствия и преследовал свою цель с присущей ему энергией. Случалось, что путь был труден, но из-за этого решимость Ганса не ослабевала. Иногда ему приходили на память слова старого друга, сказанные много лет тому назад в маленьком домике около Брука: «Медицина – скверное занятие», но в глубине его души всегда звучали более справедливые слова: «Медицина – благородное и святое дело».

Если бы вы случайно попали в Амстердам в настоящее время, то могли бы встретить знаменитого доктора Бринкера, едущего в карете навещать своих пациентов. А может быть, вы увидели бы, как он катается со своими сыновьями и дочерьми на коньках по замершему каналу. Хорошенькая, добрая Анни Бауман превратилась в Анну Бринкер, жену знаменитого доктора. Только, по словам Ганса, она стала еще красивее, еще умнее, еще больше похожа теперь на добрую волшебницу, чем прежде.

Петер ван Гольп тоже женат. Уже давно он и Гильда подали друг другу руки, чтобы идти вместе по жизненному пути, как раньше шли они рука об руку по льду залитого солнцем канала.

Одно время можно было подумать, что Катринка и Карл тоже станут мужем и женой. К счастью, этого не случилось. Катринка отказалась от Карла и до сих пор не вышла замуж. Она уже не так весела, как прежде, однако и теперь остается душой своего кружка. Хорошо, если бы Катринка несколько серьезнее смотрела на жизнь, но это недоступно ей: ее тревоги, радости и печали слишком незначительны и неглубоки.

Много душевных потрясений выпало на долю Ричи в течение этих долгих лет. И горе изменило ее к лучшему. Вы могли бы убедиться в этом, если бы знали голландский язык. Ричи стала известной писательницей; книги ее можно найти почти в каждом доме. И трудно узнать в этой писательнице высокомерную, дерзкую Ричи, так безжалостно смеявшуюся над маленькой Гретель.

Людвиг ван Гольп и Ламберт ван Маунен благоденствуют. Первый

остался в Амстердаме, а второй уехал в Америку и поселился в Нью-Йорке.

Жизнь Карла Шуммеля сложилась неудачно. Его отец разорился, а так как у Карла было немного истинных друзей, то ему пришлось туда. В настоящее время он служит бухгалтером в большом торговом доме Бёкмана и Шиммельпенникка. Младший партнер, Шиммельпенник, обращается с ним дружески, а он, со своей стороны, относится весьма почтительно к «обезьяне с длинным именем вместо хвоста».

Из всех наших голландских друзей умер один только Якоб Пут. Он остался до конца таким же добрым и не думающим о себе, каким был всегда. Перед смертью Якоб сильно похудел; он стал даже худее Бенджамина Доббса, который, кстати сказать, впоследствии сильно растолстел.

Рафф Бринкер и его жена уже много лет живут в Амстердаме. Они очень счастливы. И насколько мужественно и терпеливо переносили они в прежнее время свои невзгоды, настолько же просто и скромно держат себя теперь среди окружающего их довольства. Они выстроили себе коттедж около своего старого дома и часто приезжают сюда со своими детьми и внуками в ясные летние дни, когда нежные лилии поднимают над водой белые головки.

Рассказ наш был бы неполон, если бы мы ничего не сказали о Гретель. Милая, живая, терпеливая маленькая Гретель! Что же с ней стало? Спросите у старого доктора Бёкмана – он скажет вам, что она замечательнейшая певица и красивейшая женщина в Амстердаме. Спросите у Ганса и Анни – они станут уверять, что она самая любящая сестра, какую только можно себе представить. Спросите у ее мужа – он скажет, что она самая милая, самая веселая жена во всей Голландии. Спросите Раффа и его жену – у них на глазах выступят радостные слезы. Спросите бедных – онисыплют ее благословениями. Спросите, наконец, у ван Глеков – и они без конца будут рассказывать вам о милой девочке, выигравшей серебряные коньки.

notes

Примечания

1

Овин – хозяйственная постройка для сушки снопов.

2

Фут – мера длины, равная примерно 0,3 м

3

Бургоми́стр – глава небольшого города.

4

Мингер – господин (голландское обращение к мужчине).

5

Мефра́у – госпожа (голландское обращение к замужней женщине).

6

Юфра́у – барышня (голландское обращение к девушке, незамужней женщине).

7

Гульден – голландская серебряная монета.

8

Корсáж – здесь: пояс.

9

Митёнки – перчатки без пальцев.

10

Мутовка – предмет кухонной утвари; лопатка с разветвлениями на конце для взбивания чего-либо.

11

Джон Буль – прозвище типичного англичанина, по имени простоватого фермера из памфлета английского публициста Джона Арбетнота.

12

Бю́ргер – здесь: горожанин.

13

Пикули – мелкие овощи, замаринованные с пряностями.

14

Филипп Испанский – Филипп V (1683–1746), король Испании.

15

Рекреáция – перерыв между занятиями, перемена.